

Содержание

25 ЛЕТ НЕЗАВИСИМОСТИ: КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ ГЕОБРЕНДИНГА

Багиля Ахатова, Ксения Павленко	Геобрендинг: путь от продвижения территорий к национальному бренду. Опыт Казахстана.....	7
--	--	---

ЭФФЕКТИВНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Алма Кульжамбекова, Куралай Садыкова	Формирование национальной модели государственной службы в Казахстане.....	24
Маншук Каримова, Найля Альмухамедова	Земельная дискуссия: хронология, содержание, итоги.....	37

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ЭТНОПОЛИТИКИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Рымбек Жумашев, Айдар Жетписбаев	Основные тренды и достижения этнокультурной политики Республики Казахстан.....	54
---	---	----

ВЕКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аружан Джусибалиева	Анализ развития пищевой промышленности и АПК Казахстана в условиях ЕАЭС.....	76
----------------------------	---	----

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ, ПОСВЯЩЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Мурат Лаумулин	Востоковедение и политология в контексте изучения Центральной Азии: историографический обзор.....	92
-----------------------	---	----

KAZISS
Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Мадина Нургалиева**,
руководитель Представительства КИСИ
при Президенте РК в г. Алматы

Ответственный за выпуск Алмас Арзикулов
Редактор-корректор Наталия Шестакова
Верстка Елена Тушкова

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитши-
лик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и
массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство
№644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакцион-
ной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в типографии ОО «КРОИВА» г. Алматы, ул. Ч. Валиханова, д. 115.
Тираж 500 экз.

Мазмұны

ТӘУЕЛСІЗДІКТІҢ 25 ЖЫЛДЫҒЫ: ГЕОБРЕНДИНГТІҢ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ТӘЖІРИБЕСІ

Бағила Ахатова, Ксения Павленко	Геобрендинг: территорияларды дамытудан бастап ұлттық брендке дейінгі жол. Қазақстандық тәжірибе.....	7
--	--	---

ТИІМДІ МЕМЛЕКЕТТІК МЕНЕДЖМЕНТ

Алма Кұлжамбекова, Құралай Садықова	Қазақстандағы мемлекеттік қызметтің ұлттық үлгісін қалыптастыру.....	24
Мәншүк Кәрімова, Найля Әлмұхамедова	Жер реформасына қатысты пікірталастар: хронологиясы, мазмұны, қорытындылары.....	37

ҰЛТТЫҚ САЯСАТТЫҢ НЕГІЗГІ ТРЕНДТЕРІ: МӘДЕНИЕТТАНУЛЫҚ ЖӘНЕ ӨЛЕУМЕТТАНУЛЫҚ ӨЛШЕМДЕР

Рымбек Жұмашев, Айдар Жетпісбаев	Қазақстан Республикасы этномәдени саясатының басты трендтері мен жетістіктері.....	54
---	---	----

ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДАМУДЫҢ БАҒЫТТАРЫ

Аружан Джусибалиева	ЕАЭО жағдайындағы Қазақстанның азық-түлік өнеркәсібі мен АӨК дамуының талдауы.....	76
----------------------------	---	----

ОРТАЛЫҚ АЗИЯҒА АРНАЛҒАН ӨДЕБИЕТТЕРГЕ ШОЛУ

Мұрат Лаумулин	Орталық Азияны зерттеу тұрғысындағы шығыстану және саясаттану: тарихнамалық шолу.....	92
-----------------------	---	----

KAZISS

Қазақстан Республикасының
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Мадина Нұрғалиева**,
ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ
Өкілдіінің жетекшісі (Алматы қ.)

Шығаруға жауапты Алмас Арзықұлов
Редактор-корректор Наталья Шестакова
Беттеу Елена Тушкова

Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ., Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997 жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға сілтеме жасалынуы міндетті.

Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі мүмкін. «КРОИВА» ҚБ баспаханасында басылып шығарылды. Алматы қ., Ш. Уәлиханов көш., 115 үй. Тиражы 500 дана.

Contents

25 YEARS OF INDEPENDENCE: KAZAKHSTAN'S EXPERIENCE OF GEO-BRANDING

- Bagilya Akhatova,
Kseniya Pavlenko** Geo-Branding: From Promotion of Territories Towards National Brand. Case of Kazakhstan.....7

GOOD GOVERNANCE

- Alma Kulzhambekova,
Kuralay Sadykova** Formation of National Model of Civil Service in Kazakhstan.....24
- Manshuk Karimova,
Naila Almukhamedova** Land Reform Discussion: Chronology, Content, and Conclusions.....37

MAIN TRENDS IN ETHNIC POLICY: CULTUROLOGICAL AND SOCIOLOGICAL DIMENSIONS

- Rymbek Zhumashev,
Aidar Zhetpisbayev** Main Trends and Achievements of Ethnic and Cultural Policy in Kazakhstan.....54

DIRECTIONS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

- Aruzhan Dzhusibalieva** Food and Agricultural Industry of Kazakhstan Within the Eurasian Economic Union.....76

REVIEW OF LITERATURE ON CENTRAL ASIA

- Murat Laumulin** Oriental Studies and Political Science in Research on Central Asia: Historiography.....92

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Madina Nurgalieva**,
Head of Almaty Office of KazISS
under President of Kazakhstan

Responsible for publication Almas Arzikulov
Editor-corrector Nataliya Shestakova
Layout Yelena Tushkova
Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of PA "Kroiva" CH. Valikhanova St., 115, Almaty.
Copies 500.

Редакционный совет

- Баглан Майлыбаев** — председатель Редакционного совета, заместитель Руководителя Администрации Президента РК, доктор юридических наук
- Мадина Нургалиева** — шеф-редактор, руководитель Представительства Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК в г. Алматы, кандидат политических наук
- Андрей Чеботарёв** — директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
- Геннадий Чуфрин** — академик РАН, доктор экономических наук, профессор
- Гульмира Илеуова** — директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
- Гульнар Насимова** — заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
- Константин Сыроежкин** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Марат Шайхутдинов** — заместитель Секретаря Совета Безопасности РК, доктор исторических наук, профессор
- Мартин Брусис** — доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия)
- Рахман Алшанов** — президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Синтия Каплан** — профессор Калифорнийского университета (США)

Редакциялық кеңес

- Бағлан Майлыбаев** — Редакциялық кеңестің төрағасы, Қазақстан Республикасы Президентінің Әкімшілігі Басшысының орынбасары, заң ғылымдарының докторы
- Мадина Нұрғалиева** — Бас редактор, Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты Өкілдігінің басшысы (Алматы қ.), саяси ғылымдарының кандидаты
- Андрей Чеботарёв** — «Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Геннадий Чуфрин** — РҒА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Гүлмира Илеуова** — «Стратегия» әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы ҚҚ-ның директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
- Гүлнар Насимова** — әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының басшысы, саяси ғылымдар докторы, профессор
- Константин Сыроежкин** — Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы, профессор
- Марат Шайхутдинов** — ҚР Қауіпсіздік Кеңесі хатшысының орынбасары, тарих ғылымдарының докторы, профессор
- Мартин Брусис** — әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Еуропаны зерттеудің жоғары мектебі, Людвиг-Максимилианның Мюнхен Университеті (Германия)
- Рахман Алшанов** — «Тұран» ағарту корпорациясының президенті, ҚР жоғары оқу орындары қауымдастығының президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Синтия Каплан** — Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)

Editorial Board

- Baglan Mailybaev** — Chairman of Editorial Board, Deputy Head of Administration of President of Kazakhstan, Doctor of Law
- Madina Nurgalieva** — Editor in Chief, Head of Almaty Office of Institute for Strategic Studies under President of Kazakhstan, Candidate of Political Science
- Andrey Chebotarev** — Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Science
- Gennadiy Chufrin** — Member of Russian Academy of Science, Doctor of Economics, Professor
- Gulmira Ileuova** — Director of “Strategia” Public Foundation for Social and Political Studies, Candidate of Sociology
- Gulnar Nasimova** — Head of Political Science and Political Technologies Department, al Farabi Kazakh National University, Doctor of Political Science, Professor
- Konstantin Syroezhkin** — Chief Research Fellow of Institute for Strategic Studies under President of Kazakhstan, Doctor of Political Science, Professor
- Marat Shaykhudinov** — Deputy Secretary of Security Council of Kazakhstan, Doctor of History, Professor
- Martin Brusic** — Graduate School for East and Southeast European Studies Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
- Rakhman Alshanov** — President of “Turan” Educational Corporation, Chairmen of Kazakhstan Universities Association, Doctor of Economics, Professor
- Cynthia Kaplan** — Department of Political Science, University of California Santa Barbara, Professor (the USA)

ГЕОБРЕНДИНГ: ПУТЬ ОТ ПРОДВИЖЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ К НАЦИОНАЛЬНОМУ БРЕНДУ. ОПЫТ КАЗАХСТАНА

Багиля Ахатова¹, Ксения Павленко²

¹ Профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков (КазУМОиМЯ) им. Абылай-хана, директор Казахской коммуникативной ассоциации, доктор филологических наук

² Руководитель проекта «Студия PRoK Analytics», член Казахской коммуникативной ассоциации

Аннотация. В обзорной статье ставится задача рассмотреть процессы в сфере странового брендинга в Казахстане. Авторам статьи это представляется важным в год 25-летия Независимости Республики Казахстан. Обретение независимости Казахстаном определило интерес казахстанских специалистов коммуникативной сферы к методологии и современным технологиям формирования странового имиджа. Анализируется процесс развития геобрендинга в Казахстане как практической коммуникации. Эта статья посвящена обзору казахстанского опыта геобрендинга, создания национального бренда страны и брендов казахстанских производителей и их товаров, а также рассматривается процесс ребрендинга г. Алматы в рамках Программы развития «Алматы-2020».

Ключевые слова: международная и национальная безопасность, вооруженные конфликты, военные действия, миротворческая деятельность, миротворческие операции, миротворческий контингент, операции по поддержанию мира.

ГЕОБРЕНДИНГ: ТЕРРИТОРИЯЛАРДЫ ДАМЫТУДАН БАСТАП ҰЛТТЫҚ БРЕНДЖЕ ДЕЙІНГІ ЖОЛ. ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ТӘЖІРИБЕ

Багила Ахатова, Ксения Павленко

Аңдатпа. Мақалада Қазақстандағы елдік брендинг саласындағы үрдістерді қарастыру міндеті қойылады. Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 25 жылдығына қатысты авторлар тарапынан мәселе өзекті деп танылған. Қазақстанның тәуелсіздік алуы коммуникативтік саладағы қазақстандық мамандардың елдік

имиджді қалыптастырудың әдіснамасы және заманауи технологияларына деген қызығушылығын арттырды. Қазақстандағы геобрендингтің даму үрдісі тәжірибелік коммуникация ретінде талданған. Сонымен қатар мақала геобрендингтің қазақстандық тәжірибесіне шолу жасауға, ұлттық брендті және қазақстандық өндірушілер мен олардың тауарлары брендин құруға, сондай-ақ «Алматы-2020» даму бағдарламасы аясындағы Алматы қаласының ребрендинг үдерісін қарастыруға арналған.

Түйінді сөздер: Қазақстан, геобрендинг, елдің имиджін қалыптастыру, тәжірибелік коммуникация, Қазақстанның ұлттық бренді, Алматы қаласының ребрендингі, «Қазақстанда жасалған» акциясы.

GEO-BRANDING: FROM PROMOTION OF TERRITORIES TOWARDS NATIONAL BRAND. CASE OF KAZAKHSTAN

Bagilya Akhatova, Kseniya Pavlenko

Abstract. The article surveys the processes related to the national branding in Kazakhstan. The authors consider the topic especially relevant during the year when Kazakhstan marks the 25th anniversary of its independence. In fact, Kazakhstan's independence determines the interest of specialists in the communication field in the methodologies and contemporary technologies applied to conceptualize about and to build a nation's image. The article considers the geo-branding in Kazakhstan as acts of practical communication and provides an overview of the country's experience in geo-branding. It also deals with the establishment of the brand of the whole nation in general and national brands of Kazakhstan's producers and goods, in particular. Further, the authors discuss re-branding of the city of Almaty within the framework of the "Almaty 2020" Program.

Key words: *Kazakhstan, geo-branding, formation of country's image, practical communication, national brand of Kazakhstan, re-branding of Almaty, "Made in Kazakhstan" campaign.*

Введение

В год 25-летия Независимости Республики Казахстан представляется важным рассмотреть процессы в сфере странового брендинга в Казахстане.

Обретение независимости Казахстаном в начале 90-х гг. прошлого столетия происходило в общем контексте изменения географической конфигурации и появления на политической карте мира новых государств. Эти государства ощущали острую потребность в имиджевой и репутационной идентификации. Это и определило интерес казах-

станских специалистов коммуникативной сферы к методологии и современным технологиям формирования странового имиджа и опыту других стран в деле брендинга территорий.

Что понимается под геобрендингом?

В мировой практике геобрендинг — это один из аспектов стратегии развития и повышения конкурентоспособности определенных территорий.

Целью геобрендинга является создание привлекательного образа местности и донесения до широкой общественности представления об уникальности определенного региона. Как следствие запуска необходимых процессов геобрендинга происходит завоевание внешних рынков, привлечение инвесторов, туристов, новых жителей и квалифицированных мигрантов [1].

История формирования понятия «геобренд» насчитывает более 50 лет и связана с тем, что в 50—60-е гг. прошлого столетия европейские регионы столкнулись с проблемой ухода населения из неперспективных городов. В работах западных исследователей этот исход принято объяснять ускорением процессов глобализации, прерванных двумя мировыми войнами и экономическим кризисом. При этом отмечается, что, с одной стороны, перед регионами открывались новые экономические возможности, ставшие следствием децентрализации, с другой — одним из негативных последствий стала «гонка на дно» (*race to the bottom* — термин, который впервые употребил еще в 1933 г. судья Верховного суда США Луис Брандейс) [2].

В ряде европейских регионов в 50—60 гг. прошлого века эта «гонка на дно» ускорилась снижением государственного регулирования, социальных гарантий и торговых ограничений, что привело к обострению бедности. Возникла необходимость поиска эффективных решений и принятия срочных мер, чтобы остановить этот процесс, создать рабочие места, привлечь инвестиции. Именно тогда руководители регионов начинают систематически обращаться к услугам ПР-агентств для поиска позиционирования и продвижения с целью социально-экономического развития. Именно в тот период и в таком контексте классик европейского ПР Филипп Буари стал работать для двух регионов Франции — Сона и Луара, а член Экспертного совета Европейского института PR (IEERP, Париж) Жан Франсуа Флао начал заниматься геобрендингом.

В марте 2014 г. члены Казахстанской коммуникативной ассоциации приняли участие в парижской программе IEERP «Тренды и драйверы

актуального PR-консалтинга» по случаю выхода книги «Геобрендинг: практическая коммуникация в продвижении территорий» [3].

В выступлениях спикеров, стоявших у истоков геобрендинга, подчеркивался его прикладной практический характер и направленность на решение конкретных задач регионов. При этом акцентировалось, что геобрендинг следует понимать как часть менеджеральной модели развития территории, а его разработка связана с поиском моделей управления проблемными зонами (формат *issus management*). Поэтому геобрендинг — это всегда конкретная программа с четко выраженными целями экономического и социального развития территории.

Говоря о первом этапе появления и становления геобрендинга, следует отметить, что тогда речь не шла о геобрендинге, как о четкой системе формирования бренда территории. В тот период специалистам нужно было в дефиците времени создать работающий инструмент, придумать технологию, которая отвечала бы решению проблем территории региона или города. Такими технологиями были событийная коммуникация и работа с прессой. Это был этап поиска конкретных решений и претворения их в жизнь. Так постепенно стала складываться практика территориального маркетинга, целью которого было привлечение нужных целевых аудиторий для развития территории.

В 1990-х гг. возникает потребность систематизировать проблематику развития территорий. Одним из первых это сделал Филипп Котлер, специалист по маркетингу, в ряде своих работ (*The Marketing of Nations: A Strategic Approach to Building National Wealth; Marketing Places Europe: How to Attract Investments, Industries, Residents and Visitors to Cities, Communities, Regions and Nations in Europe*), наиболее известной из которых является вторая книга (в рус. пер.) «Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей, туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы», написанная Котлером в соавторстве с Кристером Асплундом, Ирвингом Рейном и Дональдом Хайлером. Авторы применили маркетинговый подход к продвижению территорий, исходя из задач привлечения инвесторов, туристов и других «нужных» целевых аудиторий. В активный оборот вводится понятие «конкурентные преимущества».

Этот период ознаменовался развитием специализированных агентств по продвижению территорий, а затем и стран. Одно из них — *Wolff Olins* (в активе компании проекты для государств по всему миру). Необходимо отметить и огромный вклад в развитие концепции

позиционирования территорий копирайтера и рекламиста Саймона Анхольта.

Уолли Олинз и Саймон Анхольт, как и большинство исследователей, считали, что территория продает своим целевым аудиториям продукты и услуги, которыми может быть туризм, объекты для инвестиций, товары местных производителей, жилищно-коммунальные услуги при проживании в этой местности и т.д. В этом они усматривали сходство геобрендинга с понятием «бренд» в устоявшемся значении (комплекс представлений, ассоциаций, эмоций, ценностных характеристик о продукте либо услуге в сознании потребителя, т.е. ментальная оболочка продукта или услуги).

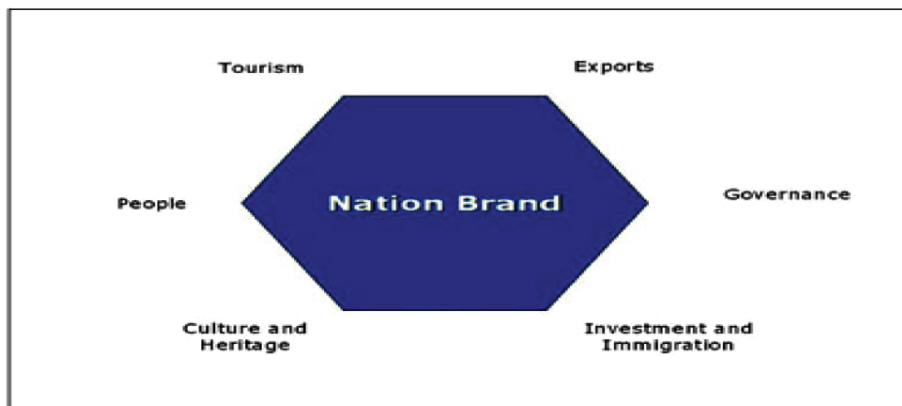
При этом они обращаются к геральдике как к инструменту, способному транслировать историю и особенности места через символические образы гербов. Они прибегают к идее переоплотить гербы в красочные логотипы городов и даже государств. С этим геобрендинг обогащается новым инструментарием, приближаясь к идее необходимости визуальной, исторической, нарративной идентификации бренда [4].

Саймон Анхольт, один из ведущих мировых экспертов в области брендинга, предложил комплексную концепцию развития территории, введя понятие «конкурентная идентичность», которое максимально приблизило усилия по позиционированию и продвижению территорий к формату брендинга, поскольку понятие «идентичность» является ключевым для бренда.

Анхольт ввел в оборот термин «nation brand» — национальный бренд. Он предложил модель национального бренда в виде гексаграммы (также получившую название «правило шестиугольника»), рекомендуя формировать территориальный бренд из шести основных элементов:

- ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
- ИНВЕСТИЦИИ И ИММИГРАЦИЯ.
- ЭКСПОРТ — НАЦИОНАЛЬНЫЕ БРЕНДЫ.
- ЛЮДИ — ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ, УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАННОСТИ.
- КУЛЬТУРА И ИСТРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ.
- ТУРИЗМ.

(Anholt S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations. URL: <http://surface.syr.edu/exchange/vol2/iss1/1/> [дата обращения: 20.11.2016].

The Nation Brand Hexagon. Copyright © 2002 Simon Anholt

Гексограмма С. Анхольта

Саймон Анхольт определяет брендинг страны как систематический процесс согласования действий, поведения, инвестиций, инноваций и коммуникаций страны для реализации стратегии конкурентной идентичности.

Страновой бренд — это совокупность нематериальных и материальных факторов. Начало хорошего странового брендинга кроется в наличии полноценного диалога между властью и гражданским обществом, с одной стороны, и бизнесом и государством — с другой.

Формирование бренда страны должно быть долгосрочной стратегической программой, объединенной трудом разных специалистов: маркетологов, коммуникаторов, политологов, социологов, журналистов и др. [5, с. 23—26].

Так завершался первый этап формирования геобрендинга, когда был пройден путь от отдельных акций маркетингового характера с целью нового позиционирования территории до обозначения комплексности процесса геобрендинга.

В настоящее время на высшем государственном уровне установилось понимание того, что сила национального странового бренда воздействует на уровень влияния страны в мире в самых разных аспектах международного сотрудничества. Геобренд страны осознается как составляющая стратегических интересов: от его восприятия зависит продвижение и обеспечение государственных интересов за пределами страны. Таким образом, вопросы геобрендинга напрямую связаны с вопросом геополитического влияния в мире.

Политика поддержки городов и территорий, понимание роли странового бренда становятся стратегической составляющей в политике. Это уже не просто желание продвинуть территорию, это уже «интегрирование геобрендинга в политическую стратегию» [6, с. 31]. Специалисты Казахстанской коммуникативной ассоциации провели ряд исследований в области.

Методы исследования

В работе были использованы общенаучные и прикладные методы исследования, такие, в частности, как анализ, сравнение, описание и обобщение, диахронический подход, контекстуальный и контент-анализ СМИ.

Материалами исследования послужили теоретические работы и аналитические статьи, посвященные проблеме формирования и технологиям продвижения геобренда и странового ПР. А также материалы казахстанских медиа, отражающие тему странового имиджа и создания национального бренда в развитии и динамике тематических событий 2015—2016 гг.

Были использованы результаты работы Казахстанской коммуникативной ассоциации научно-теоретического и прикладного характера, полученные в ходе сознательной организации коммуникаций и проведения специальных событий в рамках Программы развития «Алматы-2020».

Казахстанский опыт разработки и реализации проектов по брендированию территорий

В целом казахстанский опыт повторяет мировые тенденции, пройдя в кратчайший срок путь от реализации региональных проектов до интегрирования геобрендинга в политическую стратегию и формирование национального бренда.

Распад Советского Союза поставил бывшие республики перед необходимостью поиска новой идентичности. Поэтому первый вопрос, который встал перед казахстанскими специалистами в 1990-е гг., это вопрос о критериях, которыми можно измерить эффективность кампаний брендинга территории. Актуальным стало изучение мирового опыта в этом вопросе, определение оптимальных стратегий и адаптация их к местным условиям. Как измерять результативность программ? На какой период планировать проекты брендирования территорий?

Пока шел поиск возможностей и способов применения технологий геобрендинга в страновом масштабе, в Казахстане стали появляться про-

екты, реализуемые более мелкими территориальными образованиями вроде регионов и городов. Пожалуй, самый известный из таких проектов, получивший признание не только в отечественной профессиональной среде, но и среди зарубежных специалистов, стал проект «Город Есик — родина казахстанских брендов и страусов», разработанный и реализованный одним из первых PR-агентств Казахстана ГТА *InfoPRim* (Казахские PR-специалисты продвигают имидж города Есик вместе с местными предприятиями. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:D8uS6Gd3H6IJ:www.sovetnik.ru/world/2005/03/31/news_16301.html+&cd=4&hl=ru&ct=clnk&gl=kz [дата обращения: 22.11.2016]).

Целью проекта было продвижение казахстанских виноделов и информационное обеспечение их участия в крупнейшей европейской выставке 2006 г. в Германии. В проекте были задействованы возможности брендинга в информационную эпоху и включены элементы публичной дипломатии. Но при всей известности и резонансе это были отдельные примеры удачного применения технологий геобрендинга, не объединенные в общую систему.

Ситуация изменилась, когда возможности геобрендинга стали включаться и рассматриваться в динамике процесса создания имиджа государства и управления им. Это позволило поднять процесс управления и координации страновых PR-кампаний на более высокий уровень. Какие возможности перед казахстанскими специалистами открыл этот подход?

Появились предпосылки для подключения к работе сети посольств РК, которые стали исполнять роль дополнительных каналов коммуникации. В планах деятельности и программах посольств акцент делался на нескольких аспектах брендинга, релевантных культурным особенностям населения государства, где это посольство находится. При этом определялся известный и стабильный круг значимых «контрагентов», являющихся объектом воздействия (госслужащие других государств, селебрити, дилеры мнений).

Согласно ряду исследований, проведенных специалистами Казахстанской коммуникативной ассоциации, была выявлена потребность в формировании восприятия образа Казахстана и казахстанцев как полиэтнического и поликультурного, динамично развивающегося общества в сознании иностранных граждан [7].

Пожалуй, самым значимым успехом данного периода развития геобрендинга в Казахстане можно считать возможность корректировать эффекты негативного брендинга, инициированного группами давления других государств. Действуя целенаправленно и планомерно, Казахстан нейтрализовал негативный имидж страны, созданный известным коми-

ком Боратом, используя широкий арсенал возможностей и технологий, в том числе через размещение серии рекламных публикаций в *New York Times* (Сабитов Ж.М. Международный имидж Казахстана в зарубежных странах. URL: <http://refdb.ru/look/2123774-pall.html> [дата обращения: 22.11.2016]).

2016 год, год 25-летия Независимости Республики Казахстан, ознаменовался рядом значимых событий в направлении геобрендинга как практической коммуникации. Рассмотрим их на трех уровнях: *национальном, региональном и отраслевом*.

Строительство национального бренда

31 августа 2016 г. министр информации и коммуникаций РК Даурен Абаев сообщил о старте конкурса на определение национального бренда Республики Казахстан. При этом министр отметил, что в современном мире страновой брендинг во многом определяет уровень инвестиционной и туристической привлекательности государств, серьезно влияет на популярность производимых ими товаров, авторитет на международной арене и даже место в глобальном разделении труда.

«В основе качественного странового брендинга всегда лежат реальные достижения страны. Это и уровень образования населения, и степень развития инфраструктуры, и эффективность борьбы с коррупцией, и достижения в спорте и мн. др. В то же время для грамотного имиджевого продвижения страны образы, идеи и ассоциации, связанные с ней, должны быть кристаллизованы в креативной, оригинальной и запоминаемой символической форме. Такую работу проводит и наше государство. Так, сегодня стартует конкурс по определению национального бренда Казахстана», — отметил министр (В Казахстане стартует конкурс по определению нацбренда — Абаев. URL: http://www.inform.kz/ru/v-kazahstane-startuet-konkurs-po-opredeleniyu-nacbrenda-abaev_a2943495 [дата обращения: 22.11.2016]).

Считаем и саму идею конкурса, и форму его проведения началом нового этапа развития геобрендинга в Казахстане, и, прежде всего, потому, что конкурс подтверждает факт того, что геобрендинг стал актуальным трендом в РК и рассматривается в качестве эффективного инструмента для реализации знаковых страновых проектов 2017 г. — ЭКСПО и Универсиады.

Сам конкурс по определению национального бренда организован с использованием развитых технологий информационной эпохи и вовлечения в процесс создания и обсуждения бренда государства большого количества казахстанцев, независимо от возраста, социального положе-

ния, места проживания. Таким образом, в одном процессе задействованы одновременно общественно-активная аудитория страны, органы центральной и местной государственной власти.

При этом отметим оперативность и гибкость реагирования организаторов конкурса на запросы и пожелания казахстанцев. Так, 27 сентября текущего года Казинформ сообщил о том, что Организационный комитет принял решение продлить срок приема заявок до 15 октября 2016 г. на конкурс по определению Национального бренда Республики Казахстан. «К настоящему времени к нам поступило более 260 работ. Каждая из них по-своему уникальна и вдохновлена чувством патриотизма и желанием прославить Родину. Однако за последнюю неделю в адрес министерства пришли многочисленные просьбы продлить сроки конкурса, так как не все желающие узнали о нем вовремя. И мы не видим причин, чтобы не пойти им навстречу», — отметил министр информации и коммуникаций Даурен Абаев (Конкурс на определение национального бренда РК продлен. URL: http://www.inform.kz/ru/konkurs-na-opredelenie-nacional-nogo-brenda-rk-prodlen_a2953198 [дата обращения: 22.11.2016]). Таким образом, мы в режиме реального времени имеем возможность наблюдать, как в результате сознательно организованной коммуникации достигается консенсус между всеми заинтересованными сторонами и участниками процесса создания и обсуждения национального бренда Казахстана.

Ребрендинг Алматы и Программа развития город-2020

Как было отмечено выше, геобрендинг прошел путь от событийной коммуникации → к формированию имиджа и от формирования имиджа → к добавленной стоимости. В результате добавленной стоимости территория становится брендом, обладая устойчивой репутацией и расположением целевых аудиторий. Рассмотрим, как это работает на примере г. Алматы, который, безусловно, является *глобальным городом* (термин геобрендинга) в масштабах Казахстана. Комплексный подход к геобрендингу предполагает особое внимание к аспекту «культура и историческое наследие». Для того чтобы город был привлекательным для разных целевых аудиторий (ЦА), как для внутренних, так и для внешних, очень важно развитие этих аспектов, тем более что Алматы является культурной столицей Казахстана.

В Программе развития «Алматы-2020», в разделе «Конкурентные преимущества», а именно в части «7 приоритетов развития города до 2020 года», третий приоритет — «социально-ориентированный город»,

говорится о развитии культуры (Программа развития «Алматы-2020». URL: http://almatyeco.gov.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=891&Itemid=221&lang=kk [дата обращения: 22.11.2016]). Поэтому, говоря о Программе развития г. Алматы, поддержанной активными алмаатинцами и реализуемой в режиме реального времени, уместно определить Программу-2020 как программу ребрендинга нашего города с сохранением ценностей и устремленностью в будущее. При такой постановке вопроса очевидно, что очаги культуры Алматы, имеющие историческое значение для горожан и связанные с памятными событиями, являются ценностью и составной частью бренд-кода, выражающего то, что воплощает г. Алматы сейчас, то, каким он был в прошлом и каким он будет в 2020 г. *Мечтая о будущем, отдадим дань прошлому!*

Эта тема была развита Казахстанской коммуникативной ассоциацией (КазКА) в процессе коммуникативного аудита ситуации, возникшей вокруг детской библиотеки им. С. Бегалина и непосредственного участия рабочей группы КазКА в корректировке коммуникативного проблемного поля резонансной темы возвращения статуса «Бегалинке». В процессе этой работы мы хотели показать, что возможна организация сознательной коммуникации общественности с властью, выйдя на Общественный совет г. Алматы и приняв участие в заседаниях комиссии по культурной политике.

Библиотека является культурным достоянием страны и города, культурным брендом *Бегалинка*, несущим богатое информационное, образовательное, развивающее и эмоциональное содержание, органично вписывающееся в зонтичный бренд «Алматы — культурная столица». Культурное учреждение находится в бывшем общежитии Верненской мужской гимназии, в здании — памятнике истории и архитектуры, которое находится под охраной государства.

Тема сохранения культурного наследия города и его интеграции в Программу развития «Алматы-2020» была продолжена Казахстанской коммуникативной ассоциацией посредством организации тематической площадки «Алматы в потоке времени», посвященной 1000-летию города на фестивале «ТойКазан» (4 сентября 2016 г.). Там же впервые была представлена карта *Культурных мест г. Алматы* и план дальнейших мероприятий продолжения и развития темы в 2017—2018 гг. Тема сохранения истории города, представленная через *Карту культурных мест г. Алматы*, важна еще и с точки зрения встраивания сегодняшних событий — подготовки и проведения Универсиады, с ее знаковыми символами и объектами, и изменений в исторический контекст города, чтобы сохранить преемственность, последовательность, с одной стороны, и, с другой стороны, принять алмаатинцами и казахстанцами изменения

в облике города, появление новых мест, строений, сооружений, которые с течением времени тоже станут культовыми.

Таким образом, карта становится основой для совместного проекта с акиматом, при одобрении акима, с выходом на мощный интерактив с несколькими составляющими:

1. Культовые места, уже отраженные на карте (ключевое сообщение ЦА — «Город, который мы любим»).

2. Места и сооружения, связанные с Универсиадой (ключевое сообщение ЦА — «История начинается сегодня... Мы создаем ее вместе. Поэтому каждый алмаатинец — носитель городской истории»).

3. Места, сооружения, облик той части городской среды, которая будет изменена в связи с реализацией Программы развития город-2020 (ключевое сообщение — «Город активных граждан»).

4. В связи с уже реализованными и запланированными инициативами видится перспективной для развития процесса геобрендинга и реализации Программы развития «Алматы-2020» продолжение темы «Алматы — культурная столица», специально разработанной программой «Алматы: моя история в истории города».

«Сделано в Казахстане»

Анализируя возможности применения технологий брендинга в отраслевых сегментах экономики, мы обратили внимание на отечественный опыт среди казахстанских производителей товаров.

11 февраля 2015 г. на расширенном заседании правительства казахстанский лидер Нурсултан Назарбаев выступил с призывом поддержать отечественного производителя.

Глава государства предложил запустить общенациональную акцию «Сделано в Казахстане», которая предполагает выделение казахстанской продукции во всех торговых сетях страны.

«Давайте обратимся ко всем казахстанцам, пусть в этой сложной ситуации покупают наши, казахстанские товары. Пусть это будет помощь нашей экономике Казахстана», — подчеркнул Нурсултан Абишевич (Выступление Нурсултана Назарбаева на расширенном заседании правительства. URL: <https://tengrinews.kz/tv/novosti/obschestvo/3264> [дата обращения: 22.11.2016]).

16 февраля 2015 г. в Астане стартовала республиканская акция «Сделано в Казахстане». По сообщению издания «Деловой Казахстан», акция началась по инициативе активистов движения «Казахстан-2050» в одном из супермаркетов г. Астаны. Акция предполагает, что секции с продукцией отечественных производителей будут отмечены специ-

альными цветными ярлыками с надписью «Сделано в Казахстане». Это выделяет казахстанскую продукцию среди других товаров и делает ее более привлекательной для покупателей (В Астане стартовала республиканская акция «Сделано в Казахстане». URL: <http://dknews.kz/v-astane-startovala-respublikanskaya-aktsiya-sdelano-v-kazahstane> [дата обращения: 22.11.2016]).

16 марта 2015 г., ровно через месяц после старта акции «Сделано в Казахстане», председатель Совета общенационального движения «Казахстан-2050» Данат Жумин в ходе пресс-конференции сообщил, что, несмотря на то, что за месяц еще рано какие-то статистические итоги подводить по акции «Сделано в Казахстане», но в целом можно сказать, что люди в большинстве своем поддерживают казахстанскую продукцию и покупают. В качестве примера он привел ситуацию по г. Алматы: «Так, в Алматы коммерческий руководитель одной из торговых сетей заявляет о том, что доля казахстанской продукции в общих продажах за последний месяц, с начала реализации акции, выросла на 300%. То есть это говорит о том, что акция имеет эффект и приносит свои результаты», — добавил Данат Жумин.

В свою очередь, директор центра стратегического анализа, консультант общенационального движения «Казахстан-2050» Динара Хайриенова также согласилась с тем, что акция дает свои результаты. «Те люди, которые услышали об акции, они в действительности более склонны покупать казахстанскую продукцию, нежели те, кто об этом ничего не знает. Но в целом показатели хорошие: где-то 80% респондентов говорят о том, что предпочитают покупать казахстанскую продукцию», — привела данные эксперт (Большинство казахстанцев предпочитают покупать отечественную продукцию. — Д. Жумин. URL: <http://www.inform.kz/arb/article/2756006> [дата обращения: 22.11.2016]).

В июле 2015 г. Служба центральных коммуникаций при Президенте РК провела онлайн-опрос на тему: «Покупаете ли Вы казахстанские товары в рамках акции «Сделано в Казахстане»?».

По данным опроса, 29,8% посетителей портала *ortcom.kz* ответили, что всегда покупают продукцию казахстанских производителей.

При наличии казахстанского аналога товара его приобретают 22,8% опрошенных. 21,05% приобретают товары казахстанских производителей, однако хотели бы видеть их продукцию в большем числе категорий товаров. При этом 26,3% респондентов заявили, что приобретают продукты вне зависимости от страны-производителя.

На основании проведенного опроса его организаторы сделали вывод о том, что свыше 70% посетителей портала СЦК выбирают продукцию казахстанских производителей (Казахстанцы предпочитают покупать

товары местного производства. URL: <http://ortcom.kz/ru/news/kazahstantsi-predpochitayut-pokupat-tovari-mestnogo-proizvodstva.6775> [дата обращения: 22.11.2016]).

Развитие и продвижение акции «Сделано в Казахстане» продолжились в год 25-летия Независимости РК. При этом усилия стали целенаправленно и системно направляться на организацию процесса брендинга товаров казахстанских производителей. В этой связи заслуживает внимания сообщение о создании в ноябре текущего года в Республике Казахстан Агентства по управлению национальными брендами «Сделано в Казахстане». Об этом 23 ноября на брифинге в Службе центральных коммуникаций при Президенте РК рассказала президент ОЮЛ «Федерация системы контроля качества казахстанских товаров и услуг» Римма Тажибаева. Она подвела итоги работы по продвижению на рынке и популяризации среди казахстанцев отечественных товаров за 2016 г. Кроме того, она сообщила, что до выставки ЭКСПО планируется создать 100 абсолютно новых национальных брендов в различных отраслях. «Уникальность этого проекта в том, что в нем будут участвовать известные лица: звезды шоу-бизнеса, спорта, депутаты, известные личности. Под их именами и будут созданы бренды», — сообщила Тажибаева (100 брендов под именами известных казахстанцев появятся в преддверии ЭКСПО. URL: <http://palata.kz/ru/news/24800> [дата обращения: 24.11.2016]).

6 декабря 2016 г. в Астане прошел национальный телемост с участием Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Глава государства в режиме телемоста дал старт запуску 23 индустриальных проектов в рамках Карты индустриализации. При этом все казахстанские СМИ обратили внимание на то, что Президент РК Нурсултан Назарбаев пришел на День индустриализации в обуви, произведенной в г. Алматы. Об этом он сообщил во время телемоста (В обуви отечественного производства пришел Назарбаев на День индустриализации. URL: <http://www.kazpravda.kz/news/ekonomika/v-obuvi-otechestvennogo-proizvodstva-prishel-nazarbaev-na-den-industrializatsii/> [дата обращения: 24.11.2016]). Так, движение «Сделано в Казахстане» в очередной раз получило поддержку на высшем уровне.

Говоря о выступлении Нурсултана Назарбаева в ходе национального телемоста, следует обратить особое внимание на слова о необходимости привлекать в страну передовые технологии и иностранных инвесторов. При этом Елбасы предложил передать вопросы развития торговли и привлечения инвестиций в ведение Министерства иностранных дел (Актуальные новости за 6 декабря. URL: <http://ru.sputniknews.kz/society/20161207/1162981/samoe-vazhnoe-za-6-dekabrya.html> [дата обращения: 24.11.2016]).

Результаты исследования

Была отмечена определенная цикличность геобрендинга как коммуникационного тренда и были определены этапы его развития и функционирования в качестве практической модели формирования национального бренда страны.

В процессе исследования были выделены следующие этапы в развитии геобрендинга как практической коммуникации в Казахстане:

Первый этап: начиная со второй половины 1990-х гг. прошлого века до 2005 г. Данный этап характеризуется поиском возможностей и способов применения технологий геобрендинга и использованием мирового опыта в Казахстане. Появление проектов, реализуемых казахстанскими территориальными образованиями вроде регионов и городов.

Второй этап: 2006—2009 гг. На данном этапе возможности геобрендинга стали включаться и рассматриваться в динамике процесса создания имиджа государства и управления им. Это позволило поднять процесс управления и координации страновых PR-кампаний на более высокий уровень. В организационном плане этот процесс нашел свое отражение в создании в феврале 2007 г. в составе Министерства иностранных дел Республики Казахстан Департамента международной информации, основной функцией которого стало формирование имиджа страны за рубежом.

Третий этап: 2010—2012 гг. Для данного этапа характерно укрепление имиджа Республики Казахстан на международной арене. Отмечается большой интерес к нашей стране, связанный с председательством Республики Казахстан в ОБСЕ в 2010 г. и проведением Зимних Азиатских игр 2011 г. Эти события обусловили необходимость преобразований в системе формирования международного имиджа Республики Казахстан как управляемой коммуникативной модели и составной части государственной политики в условиях глобализации. Завершающим событием данного этапа мы рассматриваем получение Казахстаном в ноябре 2012 г. права на проведение EXPO-2017.

Четвертый этап: 2013—2016 гг. Главным для этого этапа подготовки и продвижения страновых проектов международного значения EXPO-2017 в Астане и Зимней Универсиады 2017 г. в г. Алматы мы считаем признание на высшем государственном уровне в качестве наиболее эффективной модели построения имиджа страны системную модель, направленную на формирование национального бренда Казахстана. Поэтому, анализируя события и факты этого этапа, члены Казахстанской коммуникативной ассоциации рассматривают их на трех уровнях: национальном, региональном и отраслевом. Это и определяет, по мнению

авторов статьи, новизну разработки и анализа развития геобрендинга как практической коммуникации в Республике Казахстан.

Рассмотрев шаг за шагом развитие в нашей стране такой новой реальности в коммуникативном пространстве, как коммуникация территорий, и отметив казахстанский опыт применения моделей, стратегий и инструментов геобрендинга как практической коммуникации, считаем необходимым отметить, что выступление Президента РК Нурсултана Назарбаева в ходе национального телемоста 6 декабря 2016 г. можно рассматривать как начало нового этапа развития геобрендинга в Казахстане.

Выводы

Согласно результатам проведенного обзора, было определено, что в настоящее время геобренд стал повсеместным коммуникационным трендом.

Если в соответствии с рядом исследований, проведенных специалистами Казахстанской коммуникативной ассоциации в 2011 г., была выявлена острая потребность в формировании и восприятии образа Казахстана и казахстанцев как полиэтнического и поликультурного, динамично развивающегося общества в сознании иностранных граждан [8], то на сегодняшний день была выявлена положительная динамика развития процесса геобрендинга.

Рассмотрев шаг за шагом развитие в нашей стране такой новой реальности в коммуникативном пространстве, как коммуникация территорий, и отметив казахстанский опыт применения моделей, стратегий и инструментов геобрендинга как практическую коммуникацию, мы пришли к следующим выводам:

- Казахстанский опыт в целом повторяет мировые тенденции, пройдя в кратчайший срок путь от реализации региональных проектов до интегрирования геобрендинга в политическую стратегию и формирования национального бренда.

- Системный подход в использовании возможностей геобрендинга в Казахстане наметился во второй половине прошлого десятилетия. Именно тогда его модели, стратегии и инструменты стали включаться и рассматриваться в динамике процесса создания имиджа государства и управления им. Это позволило поднять процесс управления и координации страновых PR-кампаний на более высокий уровень.

- Развитию геобрендинга способствовало проведение в 2016 г. конкурса на определение национального бренда Республики Казахстан. Конкурс закрепил факт того, что геобрендинг стал актуальным трендом

в РК и рассматривается в качестве эффективного инструмента для реализации знаковых страновых проектов 2017 г. ЭКСПО и Универсиады.

- Говоря о Программе развития г. Алматы, поддержанной активными алмаатинцами и реализуемой в режиме реального времени, уместно определить Программу-2020 как программу ребрендинга «южной столицы» с сохранением ценностей и устремленностью в будущее.

- В процессе акции «Сделано в Казахстане», стартовавшей в 2015 г. и получившей мощное развитие в год 25-летия Независимости РК, стали целенаправленно и системно направляться усилия на организацию процесса брендинга товаров казахстанских производителей. Организационно и структурно этот процесс оформился созданием в ноябре текущего года в Республике Казахстан Агентства по управлению национальными брендами «Сделано в Казахстане».

Уверены, что для достижения максимального результата на данном этапе особое внимание следует уделить развитию полноценного диалога между властью и гражданским обществом, с одной стороны, и бизнесом и государством — с другой.

В связи с этим необходим постоянный мониторинг имиджевых позиций различных объектов казахстанского геобрендинга на трех уровнях: национальном, региональном и отраслевом. Также необходим регулярный анализ концептов восприятия и сознания иностранных граждан для своевременного принятия мер, которые помогут значительно укрепить имиджевые и геополитические позиции Казахстана, а также способствовать развитию казахстанского бизнеса и форсированию политики импортозамещения в целом.

Список литературы

1. Жак Сегела, Татьяна Лебедева и др. Геобрендинг: практическая коммуникация в продвижении территорий. Paris: L'Harmattan, 2014. 248 с.
2. Анхольт С. Брендинг: дорога к мировому рынку / С. Анхольт. М.: Кудиц-Образ, 2004. 274 с.
3. Жак Сегела, Татьяна Лебедева и др. Указ. соч.
4. Там же.
5. Ахатова Б.А. Имидж vs. Бренд // Материалы международной научно-практич. конф. «Роль зарубежн. и отечеств. СМИ в созд. имиджа Казахстана», посвящ. 75-летию КазНУ им. аль-Фараби. Алматы, 2009. 240 с.
6. Жак Сегела, Татьяна Лебедева и др. Указ. соч.
7. Ахатова Б.А., Ван Янчжэн. Образы государств-соседей: взаимное восприятие // Коммуникативное пространство как мир без границ: Сборник трудов II Международной конференции Казахстанской коммуникативной ассоциации (КазКА). Алматы, 27—28 июня 2011 г. Алматы: Экономика, 2011. — 310 с.
8. Там же.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В КАЗАХСТАНЕ

Алма Кульжамбекова¹, Куралай Садыкова²

¹ Профессор Института управления Академии государственного управления при Президенте РК, доктор Ph.D

² Докторант Академии государственного управления при Президенте РК

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы формирования профессионального государственного аппарата в условиях реализации институциональных реформ. Проведен анализ текущего состояния кадрового состава государственной службы. Выявлены проблемы формирования профессионального корпуса и механизмов реализации новой модели государственной службы, предложены пути их решения.

Ключевые слова: *государственный аппарат, профессионализация государственных служащих, кадровая политика, институциональные реформы, государственная служба.*

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТТІҢ ҰЛТТЫҚ ҮЛГІСІН ҚАЛЫПТАСТЫРУ

Алма Кұлжамбекова, Құралай Садықова

Аңдатпа. Мақалада институционалдық реформаларды жүзеге асыру жағдайында кәсіби мемлекеттік аппаратты қалыптастыру мәселелері қарастырылады. Мемлекеттік қызметтің кадрлық құрамының ағымдағы жағдайына талдау жасалады. Кәсіби корпусы жабдықтау мен мемлекеттік қызметтің жаңа үлгісін жүзеге асыру механизмдерінің маңызды мәселелері анықталып, оларды шешу жолдары ұсынылады.

Түйінді сөздер: *мемлекеттік аппарат, мемлекеттік қызметшілерді кәсібилендіру, кадрлық саясат, институттық реформалар, мемлекеттік қызмет.*

FORMATION OF NATIONAL MODEL OF CIVIL SERVICE IN KAZAKHSTAN

Alma Kulzhambekova, Kuralay Sadykova

Abstract. The authors of the article discuss the issue of building of a governance apparatus that would be staffed with professional civil servants in the context of the institutional reforms currently implemented in Kazakhstan. The authors provide the results of the analysis of the current state of the civil service staff that enabled them to reveal a number of problematic issues related to the task of building the mechanisms that would provide professional staff for the new Kazakhstan's civil service model. The article outlines a number of suggestions about how the task could be fulfilled.

Key words: *government, professionalizing of civil servants, civil service personnel policy, institutional reforms, civil service.*

Введение

В период реформирования и перехода к новой концепции государственного менеджмента все время наблюдается острая необходимость в повышении эффективности государственного управления. И в таких условиях трансформации общества без совершенствования управленческого ресурса, качественно нового интеллектуально-кадрового обеспечения государственных органов невозможно достижение экономических преобразований.

В «Стратегии «Казakhstan-2050» — новый политический курс состоявшегося государства» для вхождения в число тридцати самых развитых государств мира одной из приоритетных стратегических задач определено формирование профессионального, компактного, эффективного государственного аппарата путем реформирования государственной службы, повышения ответственности и функциональности государственного аппарата, качественного улучшения кадрового состава государственной службы (Стратегия «Казakhstan-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства: Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 14.12.2012 г. URL: www.akorda.kz [дата обращения: 12.10.2016]).

Изучая вопросы кадрового обеспечения, профессионализации государственной службы, профессионального развития и компетентности государственных служащих, нужно отметить, что Республика Казахстан, как и все постсоветские страны, после приобретения независимости начала формировать и строить свою национальную модель государственной службы.

Однако, несмотря на проводимые реформы по созданию условий для карьерного и профессионального роста управленческих кадров, все еще наблюдается недостаточный уровень профессионализма кадров государственной службы, низкое качество оказания государственных услуг, отток квалифицированных кадров, слабая тенденция привлечения талантливых и высокопрофессиональных специалистов на государственную службу. Этому способствуют, прежде всего, высокий уровень коррупционных правонарушений, несовершенство применения передовых кадровых технологий, формальный подход к оценке эффективности государственных служащих, низкий уровень доверия населения к органам власти, системе отбора, продвижения и объективной оценке их заслуг на государственной службе. Многие реформы носили дробный характер и ограничивались частыми реорганизационными процессами государственных органов.

Именно поэтому первая реформа пяти институциональных реформ, инициированных Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым (Пять институциональных реформ Президента Республики Казахстан от 11.03.2015 г. URL: www.nurotan.kz [дата обращения: 02.10.2016]), и конкретные меры по реализации Плана нации — 100 конкретных шагов (План нации — 100 шагов по реализации пяти институциональных реформ Президента Республики Казахстан от 20.05.2015 г. URL: www.akorda.kz. [дата обращения: 02.10.2016]) посвящены созданию современного, профессионального и автономного государственного аппарата, обеспечивающего качественную реализацию экономических программ и предоставление государственных услуг.

Для обеспечения качественной реализации реформ 23 ноября 2015 г. был принят новый Закон РК «О государственной службе Республики Казахстан» (О государственной службе Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23.11.2015 года N 416-V. URL: adilet.zan.kz. [дата обращения: 25.10.2016]), которым внедрена новая модель государственной службы, направленная на привлечение и удержание в системе государственной службы профессиональных служащих, ориентированных на оказание качественных государственных услуг.

Это предполагает, прежде всего, переориентацию государственной службы в рамках новых интеграционных объединений: Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Всемирной торговой организации (ВТО). Конкурентоспособность Казахстана в современных интеграционных процессах возможна при наличии нового поколения государственных служащих — мобильных, компетентных и умеющих отстаивать экономические и политические интересы страны.

Необходимо отметить, что эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Программы развития ООН (ПРООН),

Всемирного банка признали, что Казахстан показывает пример последовательного, поступательного реформирования государственной службы на территории постсоветского пространства.

В рамках данной статьи исследованы вопросы формирования профессионального государственного аппарата и предложены пути эффективной реализации институциональных реформ Республики Казахстан.

Методология и обзор проведенных исследований и публикаций

Методологической основой исследования является диалектический метод познания. В процессе исследования использовались как общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, классификация, системный подход), так и специальные методы познания (статистические методы, качественные и количественные методы исследования).

Вопросам реформирования, профессионализации государственной службы и кадровой политики посвящены работы казахстанских исследователей А.М. Байменова [1], Г.А. Джунусбековой [2].

Социологические аспекты развития государственной службы раскрыты в исследованиях А.К. Садвакасовой [3], А.Н. Шонбаевой [4] и таких российских ученых, как Я.Г. Зинченко [5], Л.А. Обухова [6], А.И. Турчинов [7]. Экономические, политологические и правовые основы системы государственной службы изучены в работах Т.М. Добряковой [8], С.Г. Капарова [9], А.Е. Сыздыковой [10], Б.Т. Жумагулова [11].

Изучение зарубежной литературы, посвященной вопросам совершенствования системы государственного управления и государственной службы, показано в исследованиях следующих авторов: М. Вебер [12], Р.С. Бокс [13], Н.Д. Баквальтер [14], Р.Е. Клири [15], Д.Л. Перри [14], К. Полит [16], К. Тимошенко [17] и др.

Тем не менее, несмотря на большое количество научных трудов, в перечисленных исследованиях вопросы формирования профессионального государственного аппарата и профессионализации государственных служащих рассматриваются с точки зрения той или иной отрасли (социологической, политологической, экономической, правовой, управленческой и др.).

Результаты исследования

Изучение основ формирования отвечающей современным вызовам модели государственной службы, укрепления ее кадрового потенциала предполагает также изучение нынешнего положения качественного состава государственной службы.

Анализ современного состояния государственного аппарата Республики Казахстан показывает, что штатная численность государственных служащих по состоянию на 1 января 2016 г. составляет 98 886 единиц: 422 единицы (0,4% от общей численности государственных служащих) — политические государственные служащие; 98 464 единицы — административные государственные служащие (99,5%), из них 493 единицы составляет корпус «А», 97 971 — корпус «Б» (рис. 1).

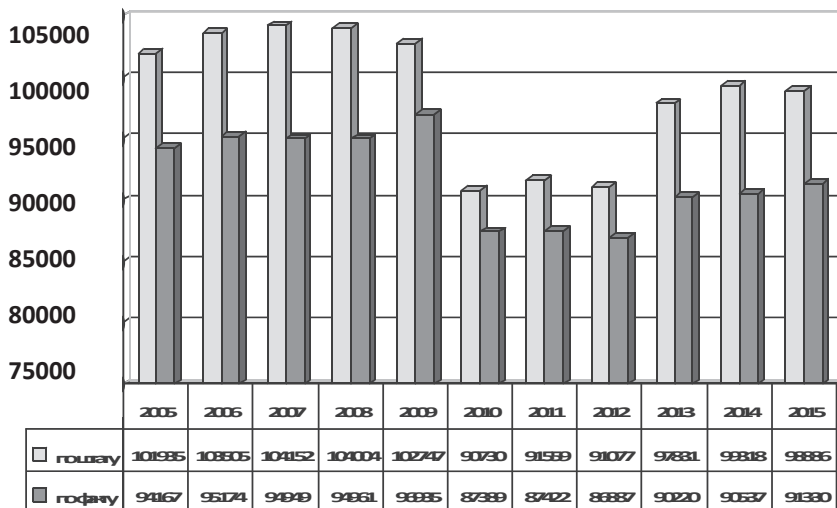

Рис. 1. Динамика численности государственных служащих в 2005—2015 гг.

Источник: Информация об основных итогах деятельности Министерства по делам государственной службы за 2015 г. URL: kzmet.gov.kz (дата обращения: 26.10.2016).

На основе анализа официальных данных можно наблюдать недостаточную укомплектованность кадрового состава государственной службы, количество вакансий которого составляет 7,6% от штатной численности государственных служащих.

Удельный вес государственных служащих в общей численности населения составляет около 0,6%, на каждого государственного служащего приходится 171,6 граждан, что значительно ниже аналогичных показателей большинства развитых стран мира (Швеция — 11,7%, США — 6,8%, Германия — 6,1%). В России — 2%, КНР — 1,6%, Бразилии — 1,5% и Чили — 1% (Совершенствование механизма кадрового резерва

государственной службы и методы работы с ним: Отчет о научно-исследовательской работе (промежуточный) Академии государственного управления при Президенте РК. Под рук. Иватовой Л.М. Астана, 2012. 205 с.). Указанный показатель Казахстана объясняется тем, что в 2010 г. государственный аппарат был сокращен на 15% по результатам проведения функционального анализа деятельности государственных органов с целью создания компактного профессионального правительства.

Значительно возрос образовательный и интеллектуальный уровень государственных служащих. Доля государственных служащих с высшим образованием составляет 83,4% (в 2010 г. — 80%). Данный показатель является достаточно высоким.

Свидетельством стабильного кадрового состава и того, что на государственной службе находятся опытные кадры, поступившие на государственную службу по принципу меритократии и качественной системы отбора, является возрастной состав (рис. 2) и стаж государственной службы (рис. 3).

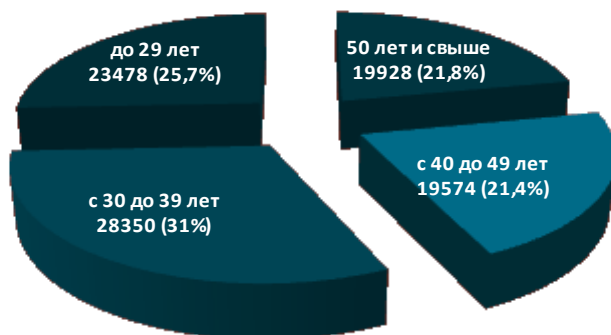

Рис. 2. Возрастной состав государственных служащих по состоянию на 1 января 2016 г.

Источник: Информация об основных итогах деятельности Министерства по делам государственной службы за 2015 г. URL: kzmet.gov.kz (дата обращения: 26.10.2016).

Средний возраст государственных служащих составляет 38,9 лет: в том числе средний возраст политических государственных служащих — 48,3 года; административных государственных служащих корпуса «А» — 46,6 лет; административных государственных служащих корпуса «Б» — 38,9 лет, что свидетельствует о сбалансированной системе с преобладанием молодых кадров на должностях, связанных с непосредственным выполнением установленных государственными органами задач и функций.

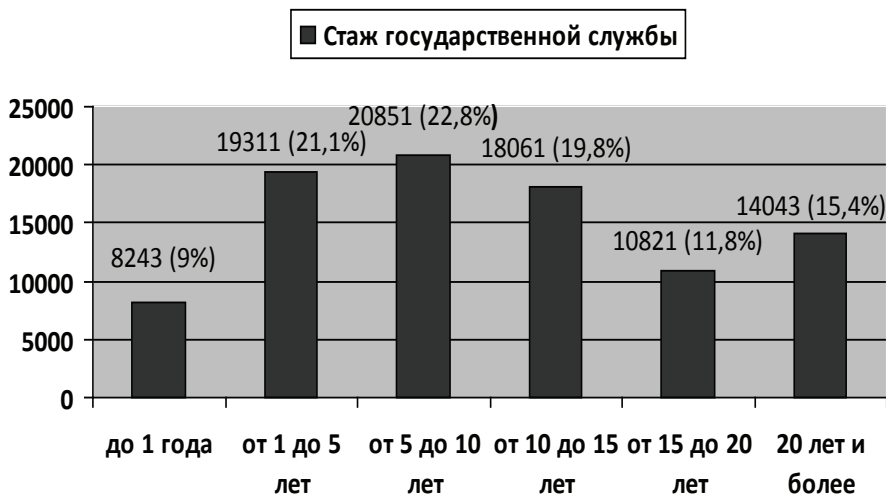

Рис. 3. Стаж государственной службы по состоянию на 1 января 2016 г.

Источник: Информация об основных итогах деятельности Министерства по делам государственной службы за 2015 г. URL: kzmet.gov.kz (дата обращения: 26.10.2016).

Средний стаж государственной службы составляет 10,7 лет.

Итак, как показал анализ, наблюдается значительный рост качественных показателей государственных служащих Республики Казахстан.

Вместе с тем во всех высокоразвитых государствах сменяемость корпуса государственных служащих на 3—6% считается естественным процессом. Пополнение новыми высокопрофессиональными специалистами вакантных мест, освобожденных в связи с достижением пенсионного возраста государственного служащего, уходом в отставку или по любым другим основаниям, является одной из основных технологий организации кадровой работы. Однако сменяемость государственных служащих в Республике Казахстан составляет выше средних показателей — 16,6% (16 458 единиц) от общего количества штатной численности государственных служащих, что, на наш взгляд, свидетельствует о текучести и оттоке кадров из системы государственной службы в частный сектор.

Одним из ключевых аспектов новой модели является переход от позиционной к карьерной модели государственной службы, основной характеристикой которой является возможность карьерного роста с начальных должностей внутри государственного органа. Переход к ка-

рьерной модели предполагает комплексное изменение процессов отбора и продвижения кадров в государственном аппарате.

Выделяются несколько механизмов поступления:

- 1) базовый для всех граждан: на низовые должности;
- 2) отбор на вышестоящие должности внутри государственного органа и в случае отсутствия кандидатов в государственном органе внутри государственной службы;
- 3) открытый для всех граждан, имеющих опыт работы в сферах деятельности, схожих с функциями государственных органов, при этом предусматривается «конвертация» стажа.

Процедура для впервые поступающих на государственную службу подразумевает трехэтапный отбор (рис. 4).

При позиционной модели казахстанской государственной службы нарушался принцип меритократии, когда прием на государственную службу осуществлялся на любые должности и могли быть приняты недостаточно подготовленные и непрофессиональные кадры. При нынешней карьерной модели впервые законодательно закреплён принцип меритократии (О государственной службе Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23.11.2015 года N 416-V. URL: adilet.zan.kz [дата обращения: 25.10.2016]), который предусматривает возможность поступления на государственную службу только на низовые должности. Более того, продвижение по государственной службе осуществляется строго по иерархии в соответствии со способностями и профессиональной подготовкой с соблюдением системы признания личных заслуг и достижений государственного служащего. Тем самым на институциональном уровне определился основной инструмент реализации человеческого потенциала, позволяющий справедливо оценить труд государственного служащего и таким образом обеспечить его возможность карьерного продвижения, роста.

Также укреплению принципа меритократии способствует выдвижение на вышестоящие должности корпуса «Б» только по конкурсу из числа государственных служащих, занимающих нижестоящие должности.

Карьерная модель государственной службы предусматривает прием на государственную службу граждан из частного, квазигосударственного и гражданского секторов путем открытого конкурса (не более 15% от общего числа всех служащих), прохождение ими ориентационного обучающего курса; зарубежных менеджеров на контрактной основе; граждан Казахстана — сотрудников международных организаций, что способствует привлечению в государственные органы высокопрофессиональных специалистов и применению успешных зарубежных практик.

Рис. 4. Поступление на государственную службу

С целью эффективной реализации институциональных реформ одним из конкретных шагов был определен отбор кандидатов на низовые должности и дальнейшее карьерное продвижение на основе компетентностного подхода (План нации — 100 шагов по реализации пяти институциональных реформ Президента Республики Казахстан от 20.05.2015 г. URL: www.akorda.kz. [дата обращения: 02.10.2016]). Для успешного применения компетентностного подхода важным требованием при по-

ступлении на государственную службу — помимо образования и стажа работы — должно стать наличие компетенций в зависимости от уровня и функциональных обязанностей должности. Тем самым необходимо отметить, что представляется недостаточным ограничиваться только профессиональными знаниями и умениями при оценке персонала. Поэтому для каждой должности должна быть разработана рамка компетенций, которая отразит требования по наличию конкретных знаний, умений, навыков, необходимых для эффективной деятельности на определенной должности в государственном органе и будет успешно применена не только при оценке деятельности государственного служащего, но и при направлении их на обучение, грейдинговании и мотивации их.

Достижение стратегических целей обеспечивается на основе материальной заинтересованности служащих в результатах своих действий. Поэтому в ходе реализации институциональных реформ упразднен уравнилельный подход в оплате труда и впервые в Казахстане введена факторно-балльная система оплаты труда государственных служащих, которая успешно внедрена в большинстве передовых стран и в международных организациях (например, Всемирный банк). Эта система предусматривает распределение всех должностей в государственном аппарате по уровням единой шкалы на основе восьми факторов: а) управление сотрудниками; б) ответственность; в) самостоятельность в работе; г) опыт работы; д) уровень специальных знаний; е) уровень контактов; ж) сложность работы; з) последствия принимаемых решений. Такая система четкого профессионального ранжирования всех управленческих должностей позволит учитывать объем необходимых компетенций, сложность выполняемой работы, степень ответственности, увязать уровень вознаграждения и ценность должности, также развивать потенциал, профессиональные навыки и компетенции каждого служащего.

Особое место в реализации мер по защите меритократии и недопущению коррупции занимает внедрение новых этических правил (Планы нации — 100 шагов по реализации пяти институциональных реформ Президента Республики Казахстан от 20.05.2015 г. URL: www.akorda.kz [дата обращения: 02.10.2016]). Единый свод стандартов поведения государственных служащих — новый Этический кодекс государственных служащих Республики Казахстан, принятый 29 декабря 2015 г., нацелен на установление требований к поведению государственных служащих и определение стандартов поведения, в том числе при конфликте интересов, взаимодействии с гражданами, публичных выступлениях (Этический кодекс государственных служащих Республики Казахстан (Правила служебной этики государственных служащих): Указ Президента Республики Казахстан от 29.12.2015 года N 153. URL: adilet.zan.kz [дата об-

ращения: 29.10.2016]). Вместе с тем установлена современная система контроля за соблюдением этических норм путем введения должности уполномоченного по этике и возложения на руководителей государственных органов персональной дисциплинарной или административной ответственности за антикоррупционную обстановку. Внедрение нового института направлено не только на обеспечение систематизированного контроля за соблюдением норм служебной этики, но и на профилактику нарушений законодательства государственными служащими, наделяя уполномоченных по этике консультирующими функциями в пределах своих полномочий.

Отдельное внимание в рамках реформы уделено вопросам превенции коррупции. Наделение Министерства по делам государственной службы полномочиями по устранению причин и условий, способствующих коррупции (без применения мер уголовного преследования) и антикоррупционному просвещению, впервые позволило на практике вывести превенцию коррупции на качественно новый уровень. На это же нацелена современная форма работы министерства — анализ деятельности государственных органов на наличие коррупционных рисков. На сегодняшний день к коррупционным рискам можно отнести отсутствие четких оснований для отказа, единообразного исчисления сроков, единого подхода в регламентах оказания государственных услуг местных исполнительных органов в силу дискреционности сроков и полномочий, отсутствие одинаковых стандартов при фактическом оказании государственных услуг.

Успешным механизмом профессионализации государственного аппарата должно послужить системное обучение государственных служащих. Именно поэтому одним из конкретных шагов определялась необходимость законодательного закрепления системы регулярного обучения государственных служащих.

Эта необходимость реализовалась введением совершенно новых принципов непрерывности обучения государственных служащих и развития необходимых компетенций, практической ориентированности подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих и выделением в отдельную статью в новом Законе РК «О государственной службе Республики Казахстан» (О государственной службе Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23.11.2015 года N 416-V. URL: adilet.zan.kz [дата обращения: 25.10.2016]).

На кадровые службы государственных органов возложены функции по обеспечению профессионального развития кадров государственного органа, в том числе путем организации стажировок, подготовки,

переподготовки, повышения квалификации государственных служащих (Об утверждении типового положения о службе управления персоналом (кадровой службе): Приказ Министра по делам государственной службы Республики Казахстан от 29.12.2015 года N 14. URL: adilet.zan.kz [дата обращения: 21.10.2016]). Однако, как показывает практика, несмотря на законодательное наделение полномочиями, кадровые службы подходят к осуществлению данной функции больше формально. Поэтому нужно выстроить систему обеспечения профессионального развития персонала на основе современных инструментов карьерного планирования и продвижения государственных служащих и совершенствования деятельности кадровых служб государственных органов.

Выводы

Формирование профессионального государственного аппарата возможно при обеспечении двух аспектов государственной кадровой политики:

1. Совершенствование механизмов профессионализации государственных служащих посредством модернизации системы профессиональной подготовки и развития государственных служащих.

2. Необходимость создания условий высокопрофессиональным и талантливым кадрам для эффективного использования их способностей в решении задач и функций государства.

В связи с этим необходима реализация следующих мер:

– совершенствование кадровых технологий и активизация деятельности кадровых служб по обеспечению профессионального развития кадров государственного органа, в том числе путем организации стажировок, наставничества, подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих;

– отказ от формального подхода при направлении на учебу государственных служащих без учета целесообразности обучения именно по конкретной специальности либо без учета карьерного планирования, перспектив роста;

– практическая ориентированность, отказ от теоретизированности обучения государственных служащих;

– регулярная оценка профессионального уровня государственного служащего, на основании чего определяется уровень денежного содержания, а именно выплата бонусов, оказание материальной помощи государственным служащим, применение мер поощрения;

– совершенствование системы оценки качества государственных услуг;

разработка системы общественного контроля за использованием профессиональных компетенций государственного служащего для обеспечения прозрачности процедур и технологий занятия государственных должностей;

– использование передовых, успешно адаптированных кадровых технологий, инструментов менеджмента и принципов корпоративного управления в государственном секторе.

Список литературы

1. *Байменов А.М.* Государственная служба. Международный опыт. Казахстанская модель. 2-е издание. Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2013. — 150 с.
2. *Junusbekova, G.A.* (2014). Aspects of improvement of staff management at civil service in the Republic of Kazakhstan. *Life Science Journal*, 11 (3). Pp. 254—259.
3. *Садуақасова А.К.* Социологический анализ развития государственной службы в Республике Казахстан: Дис... докт. социол. наук: 22.00.04. Астана, 2008. 282 с.
4. *Шонбаева А.Н.* Социализация молодых государственных служащих Республики Казахстан в современных условиях: Дис... канд. социол. наук: 22.00.04. Астана, 2010. 145 с.
5. *Зинченко Я.Г.* Профессионализация государственной гражданской службы в российском обществе: Дис... канд. социол. наук: 22.00.08. — Ростов н/Д, 2009. 68 с.
6. *Обухова Л.А.* Профессионализация кадрового обеспечения государственной гражданской службы Российской Федерации: Дис... докт. социол. наук: 22.00.08. М., 2007. 341 с.
7. *Турчинов А.И.* Профессионализация как деятельностьная основа кадровой политики: Дис... докт. социол. наук: 22.00.08. М., 1998. 388 с.
8. *Добрякова Т.М.* Совершенствование организации управления кадрами государственной службы: Дис... канд. экон. наук: 08.00.05. Астана, 2003. 122 с.
9. *Капаров С.Г.* Модернизация государственной службы в Казахстане: политологический анализ: Дис... канд. полит. наук: 23.00.02. Астана, 2009. 176 с.
10. *Сыздыкова А.Е.* Особенности формирования государственной кадровой политики Республики Казахстан (политологический анализ): Дис... канд. полит. наук: 23.00.02. Алматы, 2006. 137 с.
11. *Жумагулов Б.Т.* Правовое регулирование трудовых отношений государственных служащих в Республике Казахстан: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.05. Алматы, 2002. 170 с.
12. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
13. *Box, R.C.* (2015). *Public Service Values*. London and New York: Routledge. 179 p.
14. *Perry, J.L., Buckwalter N.D.* (2010). The Public Service of the Future. *Public Administration Review*, 70 (s1). Pp. 238—245.
15. *Cleary, R.E.* (1980). The professional as public servant: the decision — making dilemma. *International Journal of Public Administration*, 2 (2). Pp. 151—160.
16. *Pollitt, C.* (2013). The Evolving Narratives of Public Management Reform. *Public Management Review*, 15 (6). Pp. 899—922.
17. *Timoshenko, K.* (2008). Russian public sector reform: The impact on university accounting. *Journal of Business Economics and Management*, 9 (2). Pp. 133—144.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ: ХРОНОЛОГИЯ, СОДЕРЖАНИЕ, ИТОГИ

Маншук Каримова¹, Найля Альмухамедова²

¹ Научный сотрудник отдела экономических исследований
Казахстанского института стратегических исследований
(КИСИ) при Президенте РК, магистр экономики

² Научный сотрудник отдела экономических исследований
КИСИ при Президенте РК, магистр экономики

Аннотация. В статье проводится обзор работы Комиссии по земельной реформе, сформированной в целях рассмотрения и выработки предложений по совершенствованию норм земельного законодательства, вызвавших недовольство в обществе весной 2016 г. Основное внимание уделяется проведенным заседаниям в г. Астане и выездным встречам членов Комиссии по земельной реформе с населением в регионах РК. В статье также приведены ключевые положения предложений Комиссии по земельной реформе. В конце статьи проводится оценка работы Комиссии по земельной реформе и подводятся итоги.

Ключевые слова: Комиссия по земельной реформе, земельное законодательство, земли сельскохозяйственного назначения, аренда земли, рациональное использование земель, мораторий.

ЖЕР РЕФОРМАСЫНА ҚАТЫСТЫ ШҚІРТАЛАСТАР: ХРОНОЛОГИЯСЫ, МАЗМҰНЫ, ҚОРЫТЫНДЫЛАРЫ

Мәншүк Кәрімова, Найля Әлмұхамедова

Аңдатпа: Мақалада 2016 ж. көктемінде қоғамда наразылық туғызған жер заңнамасындағы нормаларды қарастыру және оларды жетілдіру бойынша ұсыныстарды дайындау мақсатында құрылған жер реформасы жөніндегі Комиссияның жұмысына шолу жасалып отыр. Әсіресе, Астана қаласында өткен отырыстарға және ҚР аймақтарында халықтың қатысуымен өткізілген жер реформасы жөніндегі Комиссия мүшелерінің көшпелі кездесулеріне ерекше назар аударылды. Сонымен қатар мақалада жер реформасы жөніндегі Комиссия ұсыныстарының

негізгі ережелері келтіріледі. Мақаланың соңында жер реформасы жөніндегі Комиссия жұмысына баға беріліп, қорытындылар шығарылады.

Түйінді сөздер: жер реформасы жөніндегі Комиссия, жер заңнамасы, ауыл шаруашылық бағытындағы жерлер, жер жалгерлігі, жерді тиімді пайдалану, мораторий.

LAND REFORM DISCUSSION: CHRONOLOGY, CONTENT, AND CONCLUSIONS

Manshuk Karimova, Naila Almukhamedova

Abstract. The article provides an overview of the work of the Land Reform Commission formed to review and recommend on improving the land legislation and the vigorous public debate and discontent the reform suggestions caused the in Spring 2016. The article focuses on the rallies held in Astana and the off-site meetings of the Land Reform Commission members with the people living in the regions of Kazakhstan. The article, then, identifies the key proposals made by the Land Reform Commission. Finally, the authors provide an assessment of the work of the Land Reform Commission and make a number of conclusions.

Key words: Land Reform Commission, land legislation, agricultural land, land lease, rational use of land, moratorium.

Введение

В 2016 г. впервые в истории независимого Казахстана была создана эффективная площадка взаимодействия государства и населения в виде Правительственной комиссии по земельным вопросам. Несмотря на то, что Комиссия была сформирована вследствие масштабного общественного резонанса относительно принятия ряда поправок в Земельный кодекс РК, создание такой диалоговой площадки свидетельствует о возрастающей демократизации общественно-политической жизни страны. В этой связи необходимо особенно отметить, что за годы независимости Казахстана наблюдается рост гражданского сознания населения, который представляет собой естественный процесс демократического развития. Земельная дискуссия показала, что государственная власть достаточно открыта и готова идти на конструктивный диалог в решении актуальных проблем общества. В ходе диалога государству и населению все-таки удалось прийти к определенному консенсусу по ряду положений земельного законодательства, вызвавших общественное недовольство. Отметим, что во многих развитых странах мира распространена

практика проведения общественных слушаний и создания аналогичных диалоговых площадок по вопросам нововведений в национальное законодательство, затрагивающих права граждан и общественные интересы. Известны различные социальные технологии по проведению общественных слушаний, которые проводятся в разных странах. Под общим названием «Гражданские конференции» имеется несколько близких подходов (гражданское жюри, конференции по достижению консенсуса, гражданские слушания и конференции, виртуальные общественные слушания, оценка регулирующего воздействия и др.) (Сащенко Н.П., Захарова В.И. Отечественный и зарубежный опыт проведения общественных слушаний по вопросам законодательного регулирования социальных проблем с участием общественных экспертов. URL: <http://ngo-kirov.ru/otechestvennyj-i-zarubezhnyj-opyt-provedeniya-obshhestvennyx-slushanij-po-voprosam-zakonodatelnogo-regulirovaniya-socialnyx-problem-s-uchastiem-obshhestvennyx-ekspertov> [дата обращения: 12.12.2016]).

Правительственная Комиссия по земельному вопросу является одним из успешных примеров проведения общественных слушаний относительно нововведений в земельное законодательство. При этом работа Комиссии сформировала новую парадигму в разработке и реализации государственной политики в стране, повысила прозрачность и открытость деятельности госорганов. Данная статья является кратким содержанием одноименной монографии, подготовленной научными сотрудниками Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК. В статье анализируется деятельность Комиссии по земельной реформе.

1. Формирование Комиссии по земельной реформе

Весной 2016 г. нововведения в земельном законодательстве Республики Казахстан в рамках реализации Плана нации «100 конкретных шагов» вызвали широкий резонанс в казахстанском обществе (План нации «100 конкретных шагов» по реализации пяти институциональных реформ, принятый на расширенном заседании Правительства Республики Казахстан, Астана, 5 мая 2015 года. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000100> [дата обращения: 12.12.2016]). Этому отчасти способствовала слабая информационно-разъяснительная работа уполномоченных органов по поводу изменений в Земельном кодексе РК. В итоге дискуссия, связанная с введением новых норм, переросла в общественные акции протестов, которые прошли в ряде областей Казахстана.

После такого широкого резонанса среди населения, в обществе сложились разные ожидания по поводу разрешения данной ситуации. Однако в сложившейся ситуации Глава государства Н.А. Назарбаев в очередной раз выступил в роли «арбитра» и предложил способ конструктивного решения проблемного вопроса. Так, 5 мая 2016 г. Президент Н.А. Назарбаев провел совещание по актуальным вопросам текущей повестки дня, на котором указал на ошибки и недочеты в работе государственных органов. В частности, Глава государства подверг критике работу Министерства национальной экономики РК (МНЭ РК) и Министерства сельского хозяйства РК (МСХ РК), в результате чего руководители данных ведомств подали в отставку.

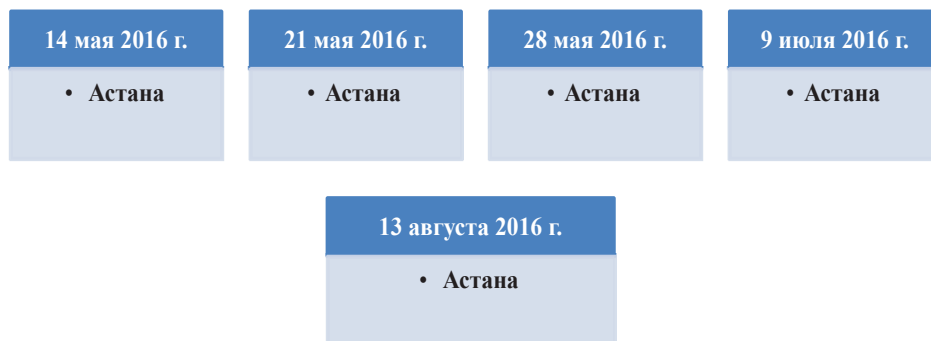
По итогам заседания Н.А. Назарбаев объявил о введении моратория до 2017 г. на ряд норм Земельного кодекса, что вызвало недовольство населения, и поручил создать общественную комиссию (О введении моратория на применение отдельных норм земельного законодательства: Указ Президента Республики Казахстан от 6 мая 2016 года N 248. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_other_events/ukaz-o-vvedenii-moratoriya-na-primeneniye-otdelnyh-norm-zemel'nogo-zakonodatelstva [дата обращения: 12.12.2016]; О приостановлении действия отдельных норм Земельного кодекса Республики Казахстан и введении в действие Закона Республики Казахстан от 2 ноября 2015 года «О внесении изменений и дополнений в Земельный кодекс Республики Казахстан»: Закон Республики Казахстан от 30 июня 2016 года N 5-VI. URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=32306793 [дата обращения: 12.12.2016 г.]). При этом Президент подчеркнул, что в рамках пяти институциональных реформ будет продолжена работа по реализации структурных изменений, которые необходимы нашей стране и призваны укрепить способность экономики успешно противостоять любым глобальным вызовам. Решение о введении моратория получило одобрение и поддержку со стороны общества.

После объявления временного моратория в мае 2016 г. по поручению Президента РК Н.А. Назарбаева была сформирована Комиссия по земельной реформе (Комиссия), в состав которой вошли 75 человек. Стоит отметить, что в состав Комиссии были приглашены наиболее яркие гражданские активисты общества, такие как президент фонда Болатхана Тайжана Мухтар Тайжан, председатель Общенациональной социал-демократической партии Жармахан Туякбай, председатель общественного объединения «Ұлт тағдыры» Досмуханбет Кушимов, политолог Айдос Сарым и др. В состав Комиссии также вошли депутаты обеих палат Парламента, члены Правительства, представители госорганов, политических

партий, агробизнеса и ученые. Кроме того, для максимального охвата в Комиссии были представлены все регионы. Для содействия Комиссии и обратного контакта с населением при МСХ РК был создан специальный Секретариат и Штаб Комиссии.

По состоянию на 15 августа текущего года Комиссией было проведено пять заседаний в г. Астане, а также четыре выездных заседания — встречи членов Комиссии с населением в регионах Казахстана (рис. 1). Основными задачами Комиссии стали рассмотрение и выработка предложений по совершенствованию норм земельного законодательства посредством обсуждения с общественностью, а также через эффективную деятельность четырех рабочих групп: экономической, правовой, информационно-разъяснительной и по обеспечению прозрачности процедур (рис. 2).

Заседания Комиссии по земельной реформе в г. Астане

Выездные заседания Комиссии по земельной реформе в регионах

Рис. 1. Хронология мероприятий Комиссии по земельной реформе в период с мая по август 2016 г.

Руководители рабочих групп для выработки предложений по вопросам, обсуждаемым на заседаниях Комиссии, провели семь заседаний внутри групп. Комиссия проводила работу в открытом для СМИ режиме, для того чтобы максимальное число граждан получило достоверную информацию о ходе дискуссии.

В целях проведения разъяснительной работы среди населения с 14 мая текущего года работал сайт «jerturaly.kz» и Call-центр (1434), действующий во всех регионах. По состоянию на 13 августа 2016 г. в Call-центр поступил 13 851 звонок, касающийся вопросов проведения земельной реформы и индивидуального жилищного строительства (ИЖС).

Помимо выездных заседаний Комиссии, к разъяснительной работе были привлечены также все действующие общественные советы при областных, городских и районных акиматах. За май — август текущего года было проведено около тысячи встреч с участием 67 тысяч представителей населения. Благодаря работе Комиссии и активному участию общественных советов, в регионах удалось обеспечить всестороннее обсуждение земельного вопроса на национальном уровне.

Рис. 2. Основные функции рабочих групп Комиссии по земельной реформе

2. Заседания Комиссии по земельной реформе в г. Астане

Первое заседание — 14.05.2016 г. В работе первого заседания приняли участие 70 человек, были выслушаны мнения 63 участников Комиссии по земельному вопросу. В рамках заседания прозвучали предложения по деятельности самой Комиссии. Так, на заседании был утвержден регламент работы Комиссии. Члены Комиссии пришли к решению, что необходимо проводить заседания каждую неделю. Кроме того, в ходе заседания политолог М. Шибутов предложил создать четыре рабочих группы (экономическую, правовую, информационно-разъяснительную и по обеспечению прозрачности процедур), сделать заседания тематическими, а также сформировать Секретариат Комиссии. Данные предложения были поддержаны председателем Комиссии Б. Сагинтаевым.

После завершения первого заседания Комиссии по земельной реформе в МСХ РК проанализировали стенограмму выступлений всех участников и их вопросы, поднятые по вопросам земли. Согласно данным министерства, земельную реформу поддержали 40% выступивших, 19% были против, а также 21% членов Комиссии не высказали своего мнения.

Второе заседание — 21.05.2016 г. Темой второго заседания комиссии по земельной реформе стал вопрос продажи и выдачи в аренду земель сельхозназначения гражданам Казахстана. Кроме того, в начале заседания были выбраны руководители четырех рабочих групп. Руководителем рабочей группы по экономическим вопросам был назначен ректор Казахского агротехнического университета Ахылбек Куришбаев. В состав вошли 26 членов Комиссии. Правовую группу возглавил Мухтар Тайжан, в состав группы вошло 14 человек. Руководителем группы по информации и разъяснению стал общественный деятель Мурат Абенев, группа была сформирована из 16 членов Комиссии. Остальные члены комиссии (16) вошли в состав группы по вопросам законности и прозрачности процедур. Их руководителем стал председатель общественного объединения «Ұлт тағдыры» Досмуханбет Кушимов.

В ходе заседания большинство членов Комиссии высказались «за» продажу сельскохозяйственных земель гражданам РК, а также часть участников Комиссии выразили мнение о сохранении института аренды для казахстанцев. Кроме того, члены Комиссии затронули вопросы рационального использования земель, установления предельных максимальных размеров сельхозземель, а также применения новых методов кадастровой

оценки. Для подготовки обобщенных предложений, с учетом мнений населения по обсуждаемым вопросам, членами Комиссии было принято решение о выезде в регионы.

Третье заседание — 28.05.2016 г. В работе заседания приняли участие 62 члена Комиссии. Основной темой обсуждения стали вопросы аренды земель сельхозназначения иностранными гражданами и иностранными юридическими лицами, а также продажи земель совместным предприятиям с участием иностранного капитала. Прежде чем перейти к обсуждению заявленной темы, председатель Комиссии Б. Сагинтаев предложил руководителям групп подвести основные итоги прошлого заседания.

Руководитель экономической группы Ахылбек Куришбаев предложил при выдаче земель сельхозназначений отдавать приоритет сельскому населению. Мухтар Тайжан, руководитель правовой группы, выступил с просьбой объяснить ему причину подписания многомиллионных соглашений о сотрудничестве с транснациональными компаниями КНР, кроме того, он также поднял вопрос о задержании казахстанцев 21 мая текущего года в разных городах страны и попросил не привлекать их к уголовной ответственности. Руководитель группы по информации и разъяснению Мурат Абенов выступил с идеей о создании единой базы предложений граждан по земельному вопросу. В свою очередь, руководитель группы по прозрачности процедур Досмуханбет Кушимов предложил обнародовать данные о собственниках земель.

Мнения членов Комиссии по поводу аренды земель иностранцами разделились. Ряд участников Комиссии по земельной реформе выразили мнение о том, что они категорически против продажи и аренды земель сельхозназначения иностранцам и совместным предприятиям с участием иностранного капитала. Представители аграрного бизнеса Казахстана, которые являются членами Комиссии, выступили за аренду, так как, по их мнению, это позволит привлечь в сельское хозяйство инвесторов и новые технологии.

Четвертое заседание — 09.07.2016 г. Ключевыми темами заседания стали такие вопросы, как утверждение предельных размеров сельхозземель, общественный контроль при определении границ земельных участков, предназначенных для удовлетворения нужд населения по содержанию их личного подворья и др. Члены Комиссии предложили установить предельные максимальные размеры земель

сельхозназначения. По их мнению, на сегодняшний день вопрос по утверждению предельных размеров земель сельхозназначения по видам угодий, которые могут находиться в аренде у граждан РК, является весьма актуальным.

Помимо этого, на заседании были обсуждены вопросы сохранения института аренды земель сельхозназначения сроком до 49 лет. Руководитель штаба Комиссии по земельной реформе Ерлан Нысанбаев отметил необходимость сохранения института аренды с введением ежегодного мониторинга в течение первых пяти лет, для чего он предложил ввести отдельную статью в Земельном кодексе, регламентирующую порядок предоставления сельхозземель с введением ежегодного мониторинга.

Руководитель экономической группы Ахылбек Куришбаев предложил ужесточить наказание за нарушение земельного законодательства. В частности, Куришбаев выступил с идеей об установлении жестких штрафных санкций, в случае если будет нанесен ущерб национальным интересам Казахстана. Также, по мнению руководителя экономической группы, в Казахстане должен быть разработан сайт, на котором будут указаны владельцы, арендаторы земель и площадь земель, находящаяся в их владении.

Пятое заседание — 13.08.2016 г. Главной повесткой дня пятого заседания были обозначены вопросы деятельности Комиссии по земельной реформе, предложения по изменению земельного законодательства, выдвинутые четырьмя рабочими группами Комиссии, а также продление моратория на ряд норм Земельного кодекса до 31 декабря 2021 г.

Председатель Комиссии по земельной реформе А. Мырзахметов остановился на основных предложениях Комиссии:

- сохранение института аренды земель сельхозназначения для граждан РК сроком до 49 лет посредством введения ежегодного мониторинга в первые пять лет;
- усиление контроля за рациональным использованием земель;
- утверждение Положения, регламентирующего передачу земель сельскохозяйственного назначения;
- определение площади пастбищ и сенокосов вокруг населенных пунктов;
- представление возможности выкупа предусмотренных для ИЖС земельных участков для государственных нужд.

Решения Комиссии были сформированы рабочими группами на основе предложений, собранных на проведенных заседаниях и встречах. В итоге

на заседании было предложено направить предложения в Парламент РК. Также члены Комиссии проголосовали за прекращение работы Комиссии в случае одобрения Президентом РК предлагаемых предложений.

3. Выездные заседания Комиссии по земельной реформе

Выездное заседание в Акмолинской области — 03.06.2016 г.

Основными вопросами обсуждения стали нововведения в Земельный кодекс РК, на которые был наложен мораторий (Земельный кодекс Республики Казахстан от 20 июня 2003 года N 442-II (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.06.2016 г.) URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1040583 [дата обращения: 12.12.2016]). В работе заседания приняли участие более 250 человек, в селекторном режиме были подключены все районы области.

Представители Акмолинской области, участвовавшие в заседании, высказали свое мнение по поводу изменений в Земельном кодексе РК, а также задали все интересующие их вопросы. Вопросы касались продажи земель сельхозназначений, аренды иностранным гражданам и иностранным юридическим лицам, проблем социальной сферы, развития сельской инфраструктуры и др.

Для обсуждения изменений в земельном законодательстве в области была создана специальная рабочая группа из представителей государственных органов, почетных граждан области, крупных сельхозтоваропроизводителей, представителей общественных объединений, членов партии «Нұр Отан», депутатов маслихата, ученых, ветеранов труда, юристов. Также в регионе был разработан сетевой график мероприятий областной рабочей группы в регионах области по проведению разъяснительной работы. Рабочая группа по состоянию на 3 июня 2016 г. провела три заседания, в том числе два — с участием областного общественного совета с привлечением представителей различных слоев населения (местной интеллигенции, сельхозтоваропроизводителей, депутатов, общественных объединений, политических партий и СМИ). Помимо этого, с участием сельхозтоваропроизводителей и местного населения во всех регионах области были проведены выездные кустовые семинары-совещания.

В ходе заседания Правительства 14 июня 2016 г. Премьер-Министр РК Карим Масимов поручил передать вопросы, связанные с земельной комиссией, министру сельского хозяйства РК Аскару Мырзахметову.

Выездное заседание в Алматинской области — 18.06.2016 г.

Заседание Комиссии с участием представителей общественности прошло на территории холдинга «Байсерке-Агро». В начале заседания председатель Комиссии по земельной реформе Бакытжан Сагинтаев представил нового председателя Комиссии — вице-преьера РК, министра сельского хозяйства Аскара Мырзахметова.

В ходе заседания представители аграрного бизнеса Алматинской области выступили за возможность сохранения института аренды земель сельхозназначения гражданам Казахстана на 49 лет, объясняя это тем, что не у всех аграриев достаточно средств на покупку земель. Что касается аренды земель для иностранных граждан и иностранных юридических лиц, то участники заседания предложили ограничить срок пользования десятью годами, а продажу сельскохозяйственных территорий запретить законодательно. Кроме того, жители области остановились на проблемах развития села, сельской инфраструктуры, привлечения инвестиций в сельское хозяйство. В качестве выхода из ситуации было внесено предложение о создании специализированного агробанка.

Выездное заседание в Кызылординской области — 02.07.2016 г.

Встреча членов Комиссии под председательством министра сельского хозяйства РК Аскара Мырзахметова прошла в поселке Наги Ильясова Сырдарьинского района Кызылординской области.

А. Мырзахметов отметил, что ранее, в ходе предыдущих заседаний Комиссии, были обсуждены вопросы общего характера, озвучены комплексные предложения и замечания. Было обозначено, что дальнейшие встречи Комиссии будут проходить в ином формате, а именно на заседаниях будут рассматриваться отдельные изменения в статьях земельного законодательства. По этому поводу со специальным докладом выступил Руководитель секретариата Комиссии по земельной реформе Ерлан Нысанбаев. В своем докладе он выдвинул несколько обобщенных предложений на общее обсуждение:

– *сохранение института аренды земель сельхозназначения сроком до 49 лет*, включение в состав конкурсной комиссии представителей общественных советов, объединений и Национальной палаты предпринимателей;

– *разработка Правил организации и проведения конкурсов по предоставлению земель сельхозназначения в аренду*. В правилах должны быть четко определены действия акиматов по проведению конкурсов, конкретные сроки объявлений о начале конкурса в республиканских и областных СМИ;

– *разработка и утверждение типового договора аренды.* В нем должны быть предусмотрены обязанности, ответственность и права землепользователей;

– *усиление требований по рациональному использованию земельных участков.* В частности, использование земли строго в соответствии с диверсификацией растениеводства, сохранение плодородия почв, проведение агротехнических мероприятий, получение среднегодового показателя урожайности сельхозкультур не ниже 85% от среднерайонного показателя, применение новых технологий производства по недопущению вреда экологии, привлечение инвестиций.

В ходе заседания также были рассмотрены вопросы установления предельных максимальных размеров земель и запрета на предоставление в частную собственность земель, расположенных до трех километров от охранной зоны государственной границы.

Выездное заседание в Атырауской области — 23.07.2016 г.

Заседание проходило в Атырауском государственном университете им. Х. Досмухамедова под председательством А. Мырзахметова. На повестке дня были рассмотрены вопросы сохранения и совершенствования института аренды для граждан РК, формирования системы обеспечения пастбищами для удовлетворения нужд населения по содержанию их личного подворья. Участники заседания также обменялись мнениями по поводу выдачи земель казахстанцам в частную собственность и в аренду иностранцам.

В ходе заседания со своими предложениями выступили руководители рабочих групп Комиссии. Руководитель экономической группы А. Куришбаев выступил с предложениями по совершенствованию института аренды земель сельхозназначения и ведения мониторинга. В частности, проведение ежегодного мониторинга в течение пяти лет после передачи в аренду. Кроме того, А. Куришбаев предложил установить специальный порядок предоставления права аренды с участием общественных советов и объединений, Национальной палаты предпринимателей. М. Тайжан, руководитель правовой группы, в своем докладе отметил результаты работы группы, а также более подробно остановился на вопросе обеспечения пастбищами для удовлетворения нужд населения по содержанию их личного подворья.

В итоге заседания члены Комиссии отметили, что пришло время вынести единое заключение по всем текущим вопросам и предложениям. Данные предложения в обобщенном виде были озвучены на пятом заседании Комиссии по земельной реформе 13 августа 2016 г.

Таким образом, работа Комиссии в течение трех месяцев была достаточно продуктивной, этому отчасти способствовало то, что заседания были тематическими, а также были организованы выезды в регионы страны. В рамках заседаний Комиссии были подняты актуальные проблемы в сфере аренды и продажи земель сельскохозяйственного назначения, вопросы по состоянию земель и их рационального использования, проведению инвентаризации и мониторинга и др.

4. Ключевые положения предложений Комиссии по земельной реформе

На основе обобщения предложений четырех рабочих групп 13 августа 2016 г. на пятом заседании Комиссии председатель Аскар Мырзахметов озвучил ключевые предложения по изменению земельного законодательства РК.

Предложения были сгруппированы по шести основным направлениям:

1. Аренда сельскохозяйственных земель физическими и юридическими лицами РК.

1.1. Сохранение аренды сельхозземель для физических и юридических лиц Республики Казахстан сроком до 49 лет.

1.2. Повышение контроля за рациональным использованием земель и выполнением землепользователями взятых на себя обязательств путем введения постоянного мониторинга. Первые пять лет планируется проводить мониторинг ежегодно, а в последующие годы на орошаемой пашне — каждые три года, на богарной — каждые пять лет.

1.3. Дополнить Статью 43 Земельного кодекса РК новым пунктом, который позволит четко урегулировать Порядок предоставления права землепользования на земельный участок сельхозназначения по средствам отражения конкретных норм с указанием порядка и алгоритма действий лица, заинтересованного в получении земельного участка, и государственных органов.

1.4. В целях обеспечения прозрачности предоставления прав на земельные участки включить в состав конкурсной комиссии, создаваемой местными исполнительными органами, представителей общественного совета, общественных организаций. Также было предложено включить в состав Комиссии представителей прокуратуры и СМИ, но данный пункт не был включен в окончательную версию предложения.

1.5. Разработать и установить в подзаконном акте Правила проведения конкурсов. Эти Правила позволят установить конкретный порядок действий акиматов по предоставлению сельхозземель.

1.6. Определять сроки аренды земель в зависимости от объема инвестиций, в соответствии с бизнес-планом или производственной программой. Решение о продлении срока аренды принимать при участии общественных советов и объединений, по результатам мониторинга использования земли и надлежащего исполнения условий договора аренды.

1.7. Разработать и утвердить типовой договор аренды сельхозземель, с уточнением и усилением обязанностей землепользователей и их ответственности.

1.8. Усилить требования по рациональному использованию сельхозземель.

1.9. Ввести поэтапное предоставление земель сельхозназначения: сначала на пять лет только в аренду, затем в случае рационального и эффективного использования его в течение указанного срока предоставлять право частной собственности по согласованию с общественными советами.

2. *Усиление требований по государственному контролю за использованием и охраной земель.*

2.1. Дополнить статью о компетенции центрального уполномоченного органа (Статья 14, пункт 12-1). В частности, по осуществлению контроля за законностью принятых решений местных исполнительных органов областей, городов республиканского значения, столицы, городов областного значения в сфере земельного законодательства. Кроме того, к компетенции центрального уполномоченного органа отнести подготовку и предъявление исков в суд.

2.2. Расширить перечень лиц, которые могут обратиться для инициирования контроля за законностью принятых решений уполномоченных органов.

2.3. К компетенции акимов населенных пунктов в области регулирования земельных отношений в пределах границы (черты) населенного пункта отнести следующее: осуществление государственного контроля в отношении физических лиц за недопущением незаконного занятия или обмена государственных земельных участков, либо совершения других сделок; выдачу обязательных для исполнения предписаний по устранению нарушений; рассмотрение дел об административных правонарушениях в области земельного законодательства.

2.4. В целях недопущения простоя разработки землеустроительного проекта, сократить срок действия положительного заключения до одного года.

3. *Установление максимальных размеров земельных участков сельскохозяйственного назначения в пределах одной административной единицы, которые могут находиться на праве аренды у одного гражданина РК.*

3.1. С целью исключения появления латифундистов, внести норму по установлению предельных (максимальных) размеров земельных участков сельскохозяйственного назначения.

3.2. В целях утверждения максимальных размеров земельных участков, наделить центральный уполномоченный орган компетенцией в области разработки и утверждения методики определения предельных (максимальных) размеров земельных участков сельскохозяйственного назначения, которые могут находиться на праве аренды у одного гражданина РК.

4. Установление ограничения по предоставлению земельного участка сельскохозяйственного назначения, непосредственно примыкающего к охранной зоне Государственной границы РК.

4.1. В целях обеспечения национальной безопасности страны, установить зону ограничения по предоставлению земельных участков сельскохозяйственного назначения, непосредственно примыкающих к охранной зоне Государственной границы РК, установив такое предоставление только на праве аренды и только гражданам и юридическим лицам РК.

5. Установление ограничений по использованию пастбищных и сенокосных угодий, находящихся в пределах границы населенных пунктов, необходимых для содержания личного подворья.

5.1. Для решения проблем обеспечения сельских жителей пастбищами и сенокосными угодьями предлагается внедрить ограничение поголовья скота в личном подворье с внесением изменений в действующее законодательство. Кроме того, требуется ввести запрет на предоставление пастбищных и сенокосных угодий, находящихся в пределах населенного пункта в целях удовлетворения нужд населения по содержанию личного подворья в частную собственность или землепользование.

5.2. Ввести в земельное законодательство норму по расширению территории населенных пунктов, для использования пастбищных и сенокосных угодий в целях удовлетворения нужд населения по содержанию их личного подворья. Нужды населения в пастбищных и сенокосных угодьях отнести к государственным нуждам для возможности их принудительного изъятия.

6. Установление нормы по включению вопроса предоставления земельных участков для ИЖС в перечень исключительных случаев, по которым осуществляется принудительное отчуждение их для государственных нужд.

6.1. Для возможности принудительного изъятия отнести к государственным нуждам нужды населения по предоставлению земельных участков для ИЖС.

Члены Комиссии пришли к мнению, что данные предложения по сохранению и совершенствованию института аренды сельхозземель для граждан РК нужно внести на рассмотрение в Парламент. Председатель Комиссии по земельной реформе А. Мырзахметов, принимая во внимание необходимость проведения инвентаризации земель, получения достоверной информации о качестве сельхозземель, выработки аргументированных нововведений в земельное законодательство, предложил внести на рассмотрение Президенту РК предложение о продлении действующего моратория на пять лет, до 31 декабря 2021 г. Данная инициатива была поддержана членами Комиссии. Члены Комиссии также проголосовали за то, что, в случае одобрения Президентом РК моратория до 31 декабря 2021 г., Комиссия завершит свою работу.

18 августа 2016 г. Глава государства Н.А. Назарбаев провел совещание по итогам социально-экономического развития страны и деятельности Комиссии по земельной реформе. В совещании приняли участие премьер-министр К. Масимов, руководитель Администрации Президента А. Джаксыбеков, заместитель премьер-министра — министр сельского хозяйства А. Мырзахметов, помощник Президента — секретарь Совета Безопасности Н. Ермакбаев, министр национальной экономики К. Бишимбаев. В ходе совещания Президент РК Нурсултан Назарбаев положительно оценил работу Комиссии и поддержал предложение о продлении моратория на ряд норм Земельного кодекса сроком на пять лет. По итогам совещания Глава государства дал ряд конкретных поручений, а также внес изменения по продлению моратория в Указ от 6 мая 2016 г. № 248 «О введении моратория на применение отдельных норм земельного законодательства» (О внесении изменения в Указ Президента Республики Казахстан от 6 мая 2016 года N 248 «О введении моратория на применение отдельных норм земельного законодательства»: Указ Президента Республики Казахстан от 18 августа 2016 года N 308. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34446992#pos=1;-263 [дата обращения: 12.12.2016]).

Заключение (выводы)

Таким образом, работа в рамках Комиссии по земельной реформе стала первым в истории независимого Казахстана успешным опытом объединения представителей государственных органов и гражданского альянса. Государственная власть продемонстрировала свою готовность идти на конструктивный диалог в решении важных проблем общества. Несмотря на то, что Комиссия была создана после общественного резонанса по поводу принятия ряда поправок в Земельный кодекс РК,

земельная дискуссия в рамках заседаний Комиссии по земельной реформе и обсуждений на региональном уровне с участием общественных советов вскрыла ключевые проблемы «казахстанского аула» и развития всего сельского хозяйства. В ходе работы Комиссии, кроме вопросов аренды и продажи земель сельхозназначения, были подняты актуальные проблемы состояния земель, переоценки их кадастровой стоимости, низкой эффективности их использования, привлечения инвестиций и инноваций в сельское хозяйство, установления ограничений по использованию земель в черте границы населенных пунктов, ограничений по аренде земель, примыкающих к границам страны. Все эти вопросы также принципиальны в развитии села и аграрной сферы. Поэтому их своевременное решение имеет особую важность для населения страны.

Подводя итоги работы Комиссии, можно заключить, что принятие решения о продлении моратория на спорные статьи Земельного кодекса РК является наиболее оптимальным разрешением земельной дискуссии. Данный период времени позволит тщательно проанализировать все проблемные вопросы, связанные с состоянием земель, их рациональным использованием и охраной, а также развитием института аренды и частной собственности. Поэтому для эффективной оценки и решения данных проблем необходимо будет обеспечить качественную реализацию работы рабочей группы по этим вопросам путем привлечения высококвалифицированных специалистов и проведения мониторингов на постоянной основе.

В целом эффективное взаимодействие и конструктивный диалог государства и общества, которые были основаны в работе Комиссии, создали новую парадигму в разработке и реализации государственной политики в стране, что является значительным достижением Казахстана за 25 лет независимости. Государственные органы стали ближе к народу, что можно наблюдать в настоящее время. В частности, Парламент Республики Казахстан уже внес изменения в свою работу, включив в состав рабочих групп представителей общественности и НПО, министерства начали чаще и более открыто проводить экспертные встречи с независимыми экспертами в рамках подготовки стратегических документов развития и нормативно-правовых актов.

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И ДОСТИЖЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Рымбек Жумашев¹, Айдар Жетписбаев²

¹ Профессор кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории Карагандинского государственного университета (КарГУ) им. акад. Е.А. Букетова, доктор исторических наук

² Докторант кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории КарГУ им. акад. Е.А. Букетова

Аннотация. Изучение основных направлений этнокультурной политики позволяет рационализировать сложную систему межэтнических и межконфессиональных отношений. Углубленное изучение ключевых этапов и главных трендов этнокультурной политики Республики Казахстан является актуальной задачей для историков, политологов, социологов и юристов. В статье выносятся на рассмотрение проблема реализации государственной этнокультурной политики в сфере образования, развития масс-медиа и в вопросах религиозного согласия. Изучена специфика миграционных процессов и предложена периодизация демографических изменений. Дается анализ особенностей репатриционной и диаспоральной политики Республики Казахстан. Сделан акцент на особое значение механизмов поддержки казахских диаспор ближнего и дальнего зарубежья и выделение квот репатриантам. Большое внимание уделяется деятельности Ассамблеи народа Казахстана как центрального института этнокультурной консолидации и особенностям практики мониторинга межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Приводится комплексный анализ главных трендов этноисторических трансформаций социума с учетом этнополитического и этнокультурного компонентов основных направлений политики страны по формированию гражданской идентичности.

Ключевые слова: этнокультурная политика, миграционная и диаспоральная политика, информационная безопасность, полиязычие, мониторинг межэтнических отношений, Всемирный курултай казахов, Ассамблея народа Казахстана.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ЭТНОМӘДЕНИ САЯСАТЫНЫҢ БАСТЫ ТРЕНДТЕРІ МЕН ЖЕТІСТІКТЕРІ

Рымбек Жұмашев, Айдар Жетпісбаев

Аңдатпа. Этномәдени саясаттың негізгі бағыттарын зерттеу этносаралық және дінаралық қатынастардың күрделі жүйесін рационалдауға мүмкіндік береді. Қазақстан Республикасының этномәдени саясатының басты трендтері мен кезеңдерін терең зерттеу тарихшылар, саясаттанушылар, әлеуметтанушылар және заңгерлер үшін өзекті мәселе бола бермек. Мақалада діни келісім мәселелері, масс-медиа ны дамыту, білім беру саласындағы мемлекеттік этно-мәдени саясатты жүзеге асыру мәселесі қарастырылады. Көші-қон үдерістерінің ерекшелігі зерттеліп, демографиялық өзгерістерді кезеңдерге бөлу ұсынылады. Репатрианттарды үлестеу және диаспораларды қолдау механизмдеріне баса көңіл бөлініп, Қазақстан Республикасының репатриция және диаспоралық саясатының ерекшеліктеріне талдау беріледі. Этносаралық және конфессияаралық өзара әрекеттестік мониторингі практикасының ерекшеліктері және этномәдени шоғырландырудың орталық институты ретінде Қазақстан халқы Ассамблеясының қызметіне баса назар аударылады. Азаматтық бірегейлікті қалыптастыру бойынша еліміздің саясатының негізгі бағыттарының этносаяси және этномәдени компоненттерін ескере отырып, қоғамның этнотарихи трансформациясының басты трендтеріне кешенді талдау жасалады.

Түйінді сөздер: этномәдени саясат, көші-қон және диаспоралық саясат, ақпараттық қауіпсіздік, көптілділік, этносаралық қатынастар мониторингі, Қазақтардың дүниежезілік құрылтайы, Қазақстан халқы ассамблеясы.

MAIN TRENDS AND ACHIEVEMENTS OF ETHNIC AND CULTURAL POLICY IN KAZAKHSTAN

Rymbek Zhumashev, Aidar Zhetpisbayev

Abstract. Studying the main trends of the ethno-cultural policy allows to conceptualize on the complex system of inter-ethnic and inter-religious relations. The authors argue in favor of a more robust and profound study of the main stages and trends of the ethno-cultural policy that has been implemented in Kazakhstan that would be conducted by historians, political scientists, sociologists, and lawyers. This article, in particular, focuses on the ethno-cultural policy in such fields as education, mass media, and maintenance of inter-religious harmony. The authors touch upon the features of migration and identify during several distinctive periods as well as survey the repatriation and diaspora policies in Kazakhstan. The particular attention is paid to the Peoples' Assembly of Kazakhstan as the major institution aimed at inter-ethnic consolidation and to the monitoring practices of inter-ethnic and inter-religious situation. The authors provide a comprehensive analysis of the main trends of historical transformation taking into account the government

policies in the ethno-political and ethno-cultural fields as well as the efforts aimed at formation of the common civic identity.

Key words: ethno-cultural policy, ethno-cultural consolidation, migration and diaspora policy, information security, multilingualism, monitoring of inter-ethnic situation, instrumentalism, Kazakhs' World Kurultai, Peoples' Assembly of Kazakhstan.

Введение

Процесс формирования национального государства носит продолжительный характер. Поступательные изменения экономической, правовой, социальной сфер жизни общества приводят к возникновению единого функционального базиса нации. Типы и механизмы государственных отношений в исходных условиях являются абстрактной конструкцией и постепенно включаются в отлаженную работоспособную систему. Республика Казахстан сумела достичь солидного успеха в таких сложных сферах политических отношений, как этнокультурная политика и национальное строительство.

В вопросах формирования гражданской нации и укрепления гражданской идентичности особое место занимают публикации, статьи и речи Н.А. Назарбаева. Они носят доктринальный и программный характер и задают основной тренд дальнейшего развития этнокультурной политики. Такие основные императивы казахстанской этнокультурной политики, как идея гражданской идентичности, политическая консолидация этносов, формирование общенациональной идеи, были сформулированы Президентом еще на самых ранних этапах независимости: «Народ Казахстана рассматривается как общность граждан разных национальностей, а не как новая этническая общность. На данном этапе нашего развития единственно реалистичной является именно такая постановка вопроса... Ассамблея народов Казахстана и является одним из инструментов гражданской консолидации представителей разных этносов. Для формирования нового самоопределения, новой идентичности людей сегодня необходим сознательный выбор из множества вариантов. Поиск общенациональной идеи обретает все более актуальный характер. Она должна, конечно, носить консолидирующий, а не конфликтный характер» [1, с. 113].

Национальное строительство в контексте формирования гражданской нации является ключевым вопросом внутренней политики Республики Казахстан. Укрепление гражданской идентичности составляет неотъемлемую часть Плана нации «100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ», озвученного Президентом

Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым на расширенном заседании Правительства в Астане 6 мая 2015 г.

Перенос основных аспектов формирования гражданской нации и патриотизма из политического и идеологического измерения в сферу научного осмысления является основой решения ряда задач прикладного характера, связанных с идентификацией личности как гражданина, описания этнополитических процессов и тенденций, поиска дальнейших перспектив этнокультурного развития современного общества.

Целью данной работы является изучение основных трендов и достижений в истории формирования этнокультурной политики в Республике Казахстан.

Постановка проблемы обусловлена необходимостью исторического анализа основных трендов и достижений этнокультурной политики, приводящих к формированию политической реальности Республики Казахстан.

Методы исследования

В настоящей работе сделана попытка выявить основные тренды и достижения этнокультурной политики с опорой на принципы историзма, целостности и объективности. Под термином «этнокультурная политика» мы понимаем действия, направленные на реализацию властных отношений в сфере взаимодействия государства, институтов гражданского общества и конкретных этнокультурных групп — исторически сложившихся общностей, консолидирующихся на основе антропологической, этнической, культурной и религиозной схожести.

При написании данной работы были применены общенаучные методы: системный, структурно-функциональный анализ и обобщение. С целью переработки большого объема информации авторами были использованы также и специальные методы исследования.

В качестве специальных методов исследования миграционных изменений, диаспоральной политики и формирования полиязычного общества были использованы специальные приемы анализа демографических процессов: методы структурных группировок, сравнения и факторного анализа, ситуационного анализа миграций. При проведении исследования были использованы данные переписей населения, статистических агентств и социологических опросов.

В изучении вопросов конфессиональной политики, проблем формирования информационного пространства республики и деятельности Ассамблеи народа Казахстана (АНК) был применен

нормативный анализ базовых документов, обеспечивающих основной формат конструктивного межконфессионального и межэтнического взаимодействия.

Инструментом, позволяющим исследовать качественные закономерности функционирования медийного поля страны, является специальный метод контент-анализа.

В описании ключевых аспектов государственного мониторинга этнокультурных процессов *были использованы институциональный подход и метод компаративистики*. Сочетание этих двух инструментов позволило охарактеризовать основные аспекты мониторинга этнокультурной политики на государственном уровне.

Этнокультурная политика изначально трактовалась в США как практика голосования по этническому и религиозному признакам, что было связано с возросшим притоком мигрантов после 1830 г. На сегодняшний день этнокультурные политические предпочтения по-прежнему составляют важную часть в борьбе за власть в США.

В советской историографии применялась категория «национальная политика» как многокомпонентная политика по отношению к различным нациям, народам и народностям, проживающим на территории СССР. Распад СССР повлек за собой кризис национальной принадлежности и возникновение феномена многоуровневой гражданской идентичности, которая появилась в результате возникновения и постановки вопроса самоопределения постсоветских государств, делимитации границ и нерешенности смыслового наполнения и взаимосвязи понятий: нация, национальность и гражданство.

Известный российский исследователь и крупнейший ученый в сфере этнополитики В.А. Тишков указывает на то, что «национальной политикой» государство должно называть политику обеспечения национальных приоритетов и интересов страны, а политика сохранения и управления этнокультурным многообразием должна называться «этнической политикой» [2, с. 81].

В.Ю. Зорин охарактеризовал проблему модернизации государственной концепции этнонациональной политики как политики этнокультурной, или этнополитики, определив ее как построение системы государственной организации и управления в условиях многонациональности, учета и реализации прав этнических общностей и входящих в них граждан, связанных с сохранением их культуры, традиций, языка в условиях единой страны и разного типа расселения, а также проблемы межэтнических отношений, включая конфликты, и методы их предотвращения и разрешения [3].

В Республике Казахстан вопросами теоретического содержания и практического наполнения этнокультурной политики (этнополитики) занимаются А.А. Бухаева, С.Ш. Казиев, Ж.К. Нургалиева, К.К. Токаев, Е.Л. Тугжанов и др.

Республикой Казахстан проводится активная политика по отношению к диаспорам, целью которой является сохранение этнической идентичности, национальной самобытности казахов, проживающих за рубежом. Этот вопрос этнокультурной политики нашел свое отражение в исследованиях Н.Ж. Габбасова, Г.Б. Козгамбаева, Г.М. Мендикуловой, Б.И. Ракишева, Н.Ю. Сорочан и др.

В государствах, получивших независимость, нередко спорные решения языкового вопроса становятся предметом дискуссий и приводят к протестным акциям. В Казахстане было сформулировано собственное видение этого аспекта этнокультурной политики — формирование информационного и образовательного пространства на основе триединства языков: казахского, русского и английского. Научная идея использования в качестве основы полиязычия одновременного овладения несколькими языками как «фрагмента» социально значимого опыта человечества получила свое развитие в работах О.Т. Ариновой, Б.А. Жетписбаевой, Н.Э. Пфейфер, Т.Т. Султанова и др.

Анализ основных трендов этнокультурной политики включает в себя изучение межконфессиональных отношений. Диалог мировых и традиционных религий, способы и механизмы сотрудничества с целью преодоления негативных проявлений околорелигиозных течений, таких как насилие, фанатизм, экстремизм и терроризм, стали предметом изысканий таких исследователей, как А.П. Абуов, Е.Е. Бурова, Ж.У. Кыдыралина, А.Г. Косиченко, Е.М. Смагулов, А.К. Султангалиева, И.А. Тарасевич, И.Б. Цепкова и др.

Этнокультурная политика Республики Казахстан ориентирована на укрепление единства в рамках единой гражданской национальной идентичности, сохранение общественного согласия и формирование межэтнической толерантности.

Результаты исследования

В настоящей статье предлагается попытка анализа характера и динамики основных трендов и достижений этнокультурной политики Республики Казахстан с момента обретения государственной независимости.

Миграционная ситуация и возвращение соотечественников

Основные тенденции миграционных изменений сформировали новый демографический и этнокультурный облик Республики Казахстан, повлияли на численный и социальный состав населения страны. После обретения государственной независимости Республикой Казахстан, в миграционном обмене условно наблюдается три этапа:

- 1-й этап: 1991—2003 гг. — этап отрицательного сальдо миграции. Резкое сокращение численности населения республики привело к крупным изменениям в социальном и этнодемографическом составе. В 1991—2003 гг. численность населения страны сократилась более чем на 1500 тыс. чел. Прекращение прений относительно вопросов двойного гражданства, двойного статуса языков сказалось на спаде волны эмиграции.

Начиная с 1992 г., в Республике Казахстан оформился новый вектор миграционных процессов — репатриация казахов, оказавшихся за рубежом по различным причинам. Процесс репатриации этнических казахов можно разделить на два этапа: с 1992-го по 1997 г., до принятия Закона о миграции 1997 г.; с 1997 г. до настоящего времени, когда репатрианты — оралманы могут переехать в Казахстан по квоте, где для них созданы необходимые условия для проживания, работы и учебы [4, с. 4].

Возвращение соотечественников является важной составной частью государственной этнокультурной политики. Приток оралманов пробудил интерес населения Казахстана к народным ремеслам, этнической музыке, прикладному искусству и к другим элементам утраченной традиционной культуры. Оралманы заняли важное место в экономической, политической, культурной, образовательной сферах жизни казахстанского общества.

- 2-й этап: 2004—2010 г., миграции давали положительное сальдо. В 2009 г. начала свое функционирование программа «Нұрлы көш». Ее целью являлось рациональное расселение этнических казахов и граждан Казахстана в интересах демографического и социально-экономического развития регионов и реализации потенциалов участников [5, с. 142]. К 2010 г. меры по модернизации экономической и политической системы позволили поднять демографические показатели выше уровня 1992 г. В республику прибыло почти 1000 тыс. чел. На историческую родину вернулись 259 тыс. семей оралманов. Большинство оралманов (61,5%) прибыли из Узбекистана, 14,3% являются выходцами из Китая, 9,3% —

из Монголии, 6,8% — из Туркменистана, 4,6% — из России и 3,5% — из других стран (Почти 1 млн оралманов приехали в Казахстан за 24 года. Новости — Казахстан. URL: <http://newskaz.ru/society/20150528/8311070.html#ixzz4B3AuZbjF> [дата обращения: 23.07.2016]).

▪ 3-й этап: с 2011 г. по настоящее время — отрицательное сальдо миграции на фоне роста численности коренного населения и новых мер по регулированию внутренней миграции. В 2014 г. в стране стартовала государственная программа «Серпін-2050», которая была нацелена на снижение дефицита специалистов для предприятий, которые были введены в строй в рамках программы индустриально-инновационного развития. Для этого были выделены образовательные гранты на обучение одаренных тысяч молодых людей из регионов с высокой плотностью населения. В рамках программы осуществляется стимулирование переезда граждан из густонаселенных южных регионов в северные области, население которых сокращается («Серпін-2050» — программа светлого будущего. URL: <http://abenov.com/murat-abenov-serpin2050-programma-svetlogo-buduwego> [дата обращения: 23.09.2016]).

В целях улучшения демографической ситуации, в 2016 г. была установлена региональная квота по приему оралманов на 1259 семей (Установлена региональная квота приема оралманов и переселенцев на 2016 год. URL: <http://www.inform.kz/rus/article/2875528> [дата обращения: 23.07.2016]).

В целом миграция была одним из факторов, серьезно повлиявших на изменение численности населения. В 2015 г. численность населения достигла 17 670,6 чел. против 16 358,2 чел. в 1991 г.

Взаимодействие Республики Казахстан с казахскими диаспорами

Казахстан заявил о себе как о государстве, которому небезразличны судьбы соотечественников, волею исторической судьбы ставших диаспорой. В современных условиях, когда Казахстан стал полноправным членом мирового сообщества, остро стоит проблема триединства, то есть взаимоотношений, взаимозависимости и взаимосвязей на межгосударственном и международном уровне трех основных компонентов: Республики Казахстан, казахской диаспоры и стран, где проживают наши соотечественники. Казахская диаспора является одним из важнейших компонентов внешней политики нашего государства со странами их проживания, на межгосударственные взаимоотношения с которыми влияет положение казахов как этнического меньшинства в инонациональной среде, имеющих историческую Родину — Казахстан

[6, с. 128]. В современных казахских диаспорах довольно четко прослеживаются две тенденции: 1) попытка сохранить и развить свою этническую идентичность в иноэтнической среде обитания и 2) репатриация в Казахстан. Данные тенденции получили свое развитие после 1991 г., когда Казахстан провозгласил независимость и начал поступательно строить отношения с казахскими диаспорами.

За пределами Казахстана проживает более трети всех этнических казахов мира. В 2010 г. численность казахской диаспоры в КНР достигла 1462 тыс. чел. (Этнический состав населения КНР. URL: www.stats.gov.cn. сп. [дата обращения: 08.04.2015]). Казахи Китая компактно проживают в Иле-Казахском автономном округе и в провинции Ганьсу, Аксай-Казахском, Мори-Казахском и Барколь-Казахском уездах Синьцзян-Уйгурского автономного района.

В Республике Узбекистан проживает примерно 884,2 тыс. казахов (The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/uz.html> [дата обращения: 08.04.2015]).

В России казахское население живет в основном в регионах, граничащих с Казахстаном. Согласно последней переписи населения (2010 г.), в Российской Федерации проживает 648 тыс. казахов, преимущественно, в следующих регионах: Астрахань, Волгоград, Саратов, Самара, Оренбург, Челябинск, Курган, Тюмень, Омск, Новосибирск, Алтайский край и Республика Алтай (ВПН. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm [дата обращения: 08.04.2015]).

В Монголии проживает 101,5 тыс. казахов, а в Баян-Ольгийском районе казахи составляют почти 90% населения (Результаты переписи населения Монголии 2010 года. URL: http://ubstat.mn/Upload/Reports/khaos-nii_2010_onii_ulsiiin_toollogiin_negdsen_dun_niislel_2011-11.pdf [дата обращения: 08.12.2015]).

Стремительное развитие Республики Казахстан дает ей возможность участвовать в деле создания казахских обществ в разных странах мира. Представители казахских диаспор в настоящий момент пытаются чаще встречаться, организовывать совместные культурные и спортивные мероприятия, в чем проявляется стратегия казахской диаспоры — сохранение этнической идентичности.

С обретением независимости казахстанское научное сообщество получило возможность изучать историю и современное положение казахов, проживающих в различных странах мира, наладить многогранные связи со своими соотечественниками. Данная политика является важнейшим условием для развития полиэтнического

Казахстана, заботящегося о консолидации и единении не только казахстанского народа как новой общности людей, проживающих в республике, но и являющегося защитником соотечественников за пределами своей исторической Родины. Казахстан заинтересован, так же как и зарубежные казахи, в самом тесном сотрудничестве во всех сферах жизнедеятельности [7].

Основным институтом консолидации казахов является Всемирная ассоциация казахов (ВАК), в рамках деятельности которой проводятся мероприятия, направленные на консолидацию казахской диаспоры, как в области науки, образования, культурно-духовном и социально-экономическом развитии, так и в общественной жизни казахских культурных центров. При содействии ВАК было проведено четыре Всемирных курултая казахов. Государство на основе специальной программы финансирует мероприятия, которые позволяют создать благоприятные условия для сохранения этнической идентичности казахами, проживающими за рубежом, сохранения и изучения родного языка, истории Казахстана, приобщения к национальным традициям и культуре. Республика Казахстан выделяет квоты и готовит представителей диаспоры к проживанию в Казахстане, финансирует репатриацию, оказывает помощь при поступлении в казахстанские вузы и участвует в налаживании бизнес-контактов с казахстанскими предпринимателями [8, с. 134].

Формирование полиязычного общества

С 1991 г. в постсоветских государствах начался процесс дерусификации и коренизации. Но Республика Казахстан пошла по пути укрепления правовой базы и реализации политики полиязычия, способствующей осознанию гражданами необходимости овладения государственным и английским языками, не принижая статуса русского языка. Идею триединства языков в Казахстане Президент Н.А. Назарбаев впервые озвучил еще в 2004 г., впоследствии неоднократно к ней возвращаясь. В октябре 2006 г. на XII сессии Ассамблеи народа Казахстана Глава государства вновь отметил, что знание как минимум трех языков важно для будущего наших детей. А уже в 2007 г. в Послании народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире» Глава государства предложил начать поэтапную реализацию культурного проекта «Триединство языков». Именно с этого момента и начинается отсчет новой языковой политики независимого Казахстана, которая сегодня является примером для других стран мира по степени популярности в обществе и уровню своей эффективности [9, с. 13].

Важное средство решения языкового вопроса — принцип свободного развития языков казахстанских этносов. В 2014 — 2015 учебном году в общеобразовательных школах страны из 2616 тыс. чел. на казахском языке обучалось 804 тыс. чел., на русском — 1714 тыс. чел., в контингенте школ с узбекским языком обучения было закреплено 78 тыс. чел., 14,7 тыс. чел. — с уйгурским, 4 тыс. чел. — с таджикским (Обеспеченность учащихся учебниками на 2014—2015 учебный год с учетом поступлений 2014 года. URL: <http://stat.gov.kz/getImg?id=ESTAT096376> [дата обращения: 22.06.2015]).

На начало 2015/2016 учебного года в Казахстане действовало 127 вузов с общей численностью студентов 459,3 тыс. чел. В них обучались представители более 90 национальностей. Удельный вес учащихся казахов составил 85,1%, русских — 7,7%, узбеков — 2,2%, татар, украинцев, корейцев, уйгур — в пределах 0,5—1,0%, прочих национальностей — 2,62%. Численность студентов, обучающихся на государственном языке, составила 288 тыс. чел., или 62,6%, на русском — 157 тыс. чел., или 34,26%, на английском — 13,9 тыс. чел., или 3% (Распределение численности студентов по языкам обучения. URL: <http://stat.gov.kz/getImg?id=ESTAT108365> [дата обращения: 15.05.2016]).

Ориентация на формирование полиязычного общества позволит гражданам Казахстана повысить конкурентоспособность на внутреннем и международном рынке труда. Каждый из языков имеет собственную нишу: казахский язык является ключом к отечественной культуре, истории и всему тюркскому миру, современные достижения в сфере науки и техники доступны на английском языке, русский язык занимает свое место как язык межнационального общения.

Конфессиональная политика

С развалом Советского Союза и уходом с политической арены коммунистической идеологии образовался идеологический вакуум, который стал заполняться различными течениями религиозного и мистического характера.

Республика Казахстан столкнулась с отсутствием опыта работы с религиозными сектами, деятельность которых носила экстремистский, деструктивный или радикальный характер. Со временем Казахстан стал инициатором в области реформ, связанных с религиозной пропагандой. Несмотря на строгость законодательных норм, четко соблюдаются принципы свободы совести гражданина, заложенные в Конвенции ООН по правам человека и Конституции Республики Казахстан, а функционирование всех трех ветвей власти носит светский характер.

Казахстан принимает активное участие в международных программах по вопросам борьбы с религиозным экстремизмом и радикализмом новых духовных течений, сотрудничает с другими государствами и перенимает наиболее передовой опыт.

Действующее законодательство основывается на том, что Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским государством, подтверждает право каждого на свободу совести, гарантирует равноправие каждого независимо от его религиозного убеждения, признает историческую роль ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа, уважает другие религии, сочетающиеся с духовным наследием народа Казахстана, признает важность межконфессионального согласия, религиозной толерантности и уважения религиозных убеждений граждан (Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 11 октября 2011 г. N 483-М (с изменениями и дополнениями от 24.12.2012 г.) // Казахстанская правда от 15 октября 2011 г. N 330-331 (26721-26722). Принятый в 2011 г. новый Закон о религиозной деятельности и религиозных объединениях дал государству дополнительные инструменты для противодействия угрозам в религиозной сфере, создал условия для развития двух наиболее значительных конфессий, но также осложнил деятельность отдельных религиозных объединений [10]. По состоянию на 10 апреля 2016 г. в Казахстане было зарегистрировано 3601 религиозное объединение из 18 конфессий (Религиозные объединения Республики Казахстан. URL: http://www.din.gov.kz/rus/religioznye_obedineniya/?cid=0&rid=1638 [дата обращения: 10.05.2016]).

На данный момент, помимо правового поля, этноконфессиональные отношения регулируются на институциональном уровне. Государственным органом, осуществляющим регулирование в сфере религиозной деятельности, является Комитет по делам религий Министерства культуры и спорта Республики Казахстан. Основной задачей Комитета является: выработка предложений по формированию и реализации государственной политики в сфере религиозной деятельности и взаимодействия с религиозными объединениями.

Еще одной формой взаимодействия этносов, наций и конфессий является Съезд лидеров мировых и традиционных религий. По замыслу Президента Казахстана диалог между лидерами мировых и традиционных религий, построенный на основе общих аспектов и точных сведений друг о друге, открывает широкие перспективы для взаимного сотрудничества и способствует преодолению таких негативных проявлений нашего времени, как насилие, фанатизм, экстремизм и терроризм (О Съезде

лидеров мировых и традиционных религий. URL: <http://www.religions-congress.org/content/view/15/32/lang,russian> [дата обращения: 13.08.2016]).

В 2016 г. в Казахстане был создан Государственный музей «Центр сближения культур», работа которого была направлена на сохранение и продвижение культурного разнообразия и межрелигиозного диалога в странах Центральной Азии на основе передового опыта, гуманитарных аспектов и принципов устойчивого культурного развития, выработанных ЮНЕСКО (*Воронина К.* Центр сближения культур создали в Казахстане. URL: <http://www.kazpravda.kz/rubric/kultura/tsentr-sblizheniya-kultur-sozdali-v-kazahstane> [дата обращения: 19.08.2016]). Казахстан как поликонфессиональное государство играет важную роль в диалоге культур Восток — Запад, создав уникальную площадку международного уровня, на которой поднимаются вопросы преодоления религиозной нетерпимости и национального шовинизма.

Информационная политика

Начало эпохи «гласности» в 1985—1991 гг., появление свободной прессы, возникновение первых негосударственных телеканалов, получение широкого доступа к зарубежному контенту серьезно изменили ценностные ориентиры советских граждан. Эти изменения привели, с одной стороны, к росту демократических прав и свобод, с другой — девальвировали отношение к карьере, семейным ценностям, алкоголю, наркотикам. С принятием 28 июня 1991 г. Закона о печати и других средствах массовой информации, начался новый этап в формировании медиа-поля. Проблема формирования собственного медиа-поля в 1990-х гг. встала перед правительством молодой Республики Казахстан сразу после обретения независимости. В период с 1991-го по 1996 г. возникают новые различные средства массовой информации. Несмотря на расширение прав и свобод, большинство масс-медиа не имели возможности для развития в связи с серьезными финансовыми трудностями. После развала Советского Союза пришло понимание того, что государственный суверенитет национального государства должен опираться на независимое информационное пространство.

В конце 1990-х гг. информационное поле на фоне экономического роста обрело крепкую материальную базу. СМИ постепенно становятся инструментом в политической борьбе, преимущественно в период выборов. Политизация масс-медиа напрямую была связана с деятельностью олигархических групп. Значительная доля потребляемой информации производится теле-, радиокомпаниями и печатными изданиями, преимущественно на русском языке. Сеть Интернет, в

силу слабой развитости технической составляющей, еще не имела значительного влияния на формирование общественного мнения. В 2000 г. число пользователей Интернет составляло 70 тыс. чел., или всего 0,5% населения страны.

С 5 мая 2003 г. под эгидой Ассамблеи народа Казахстана выходит журнал «Достық-Дружба». Журнал со дня своего создания является раздаточным материалом на ежегодных сессиях АНК, Всемирных курултаях казахов, почти на всех международных конференциях, встречах за круглым столом.

Начиная с 2006 г., медиaprостранство страны претерпело серьезные изменения. Парламентом Республики Казахстан был принят Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам средств массовой информации», а Указом Президента была утверждена Концепция развития конкурентоспособности информационного пространства Республики Казахстан на 2006—2009 гг. Усилились государственные позиции на медийном поле за счет тендеров. Благодаря улучшению материально-технической базы расширяется широкополосный доступ к сети Интернет и число пользователей возрастает до 1247 тыс. чел., или 8,5% населения (Kazakhstan Internet Usage and Telecommunications Reports. URL: <http://www.internetworldstats.com/asia/kz.htm> [дата обращения: 20.04.2016]).

Современный этап начался с утверждения Указом Президента 29 июня 2011 г. Государственной программы развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011—2020 гг. Ключевой задачей Программы являлось усиление роли СМИ в формировании языковой среды посредством создания новых телевизионных каналов, вещающих на государственном языке (О Государственной программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011—2020 гг. URL: <http://prokuror.gov.kz/rus/dokumenty/gosudarstvennyy-yazyk/o-gosudarstvennoy-programme-razvitiya-i-funkcionirovaniya-yazykov-v> [дата обращения: 20.04.2016]). Вновь созданные телеканалы позволили Казахстану начать формирование собственного информационного пространства. На базе корпораций «Хабар» и «Казахстан» были запущены республиканские проекты — информационный канал «24.kz», круглосуточный спутниковый информационно-познавательный канал «Kazakh TV» (создан на основе телеканала «CaspioNet»), спортивный канал «KazSport», образовательный канал «Білім және Мәдениет». Проблема информационного вакуума, возникшая в 1990-х гг., начинает решаться Казахстаном за счет производимого внутри страны качественного контента — теле- и радиопередач, сериалов, художественных и документальных фильмов.

Телеканал «Казахстан» транслирует программы, посвященные истории, самобытной культуре различных диаспор, проживающих на территории страны. Телепрограмма «Единство.кз» посвящена освещению миролюбивой политики государства, направленной на укрепление мира, согласия и дружбы между народами, проживающими в Казахстане. Вместе с тем в рамках программы активно освещается деятельность Ассамблеи народа Казахстана и этнокультурных объединений нашей республики. Программа «Бірлік» носит познавательный-социальный характер, пропагандируя межнациональное согласие и толерантность. Представители разных этносов, как проживающие в Казахстане, так и приезжающие в Казахстан с гостевым визитом, в прямом эфире рассказывают о культуре, традициях, менталитете своего народа (Перечень программ телеканала «Казахстан». URL: <http://astanafm.kz/ru/programs> [дата обращения: 21.05.2016]); Агентство «Хабар» выпускает телепередачи в рамках цикла «Вместе — мы сила!» (АНК — Телеканал «Хабар». Официальный сайт. URL: <http://khabar.kz/ru/news/itemlist/tag/АНК> [дата обращения: 22.05.2016]).

Государству необходимо форсировать развитие собственного пространства масс-медиа в рамках этнокультурной политики. Информационное противодействие «гибридным войнам» является сложнейшей задачей внутренней политики. Благодаря развитию технологий число казахстанских пользователей сети Интернет в 2016 г. достигло 7000 тыс. чел., или охватило почти 50% населения страны. Последние события на Украине, Ближнем Востоке и в Узбекистане показали силу информационного воздействия посредством социальных сетей и мессенджеров на формирование общественного мнения. Формирование и контроль собственного пространства масс-медиа позволят стране определить четкие ориентиры дальнейшего развития этнокультурных отношений.

Институционализация государственного мониторинга этнокультурных процессов

Основная цель мониторинга этнокультурных процессов и отношений — предотвращение и разрешение конфликтов. Данная практика распространена во многих государствах мира. Непосредственными исполнителями в решении задач в рамках осуществления мониторинга выступают государственные институты, общественные организации, научные и экспертные центры.

Например, в Российской Федерации на базе Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) функционирует сетевая организация этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.

Федеральное агентство по делам национальностей внедряет программу мониторинга состояния межэтнических и межнациональных отношений для предотвращения межэтнических конфликтов. Также имеются лаборатории и экспертные центры на базе крупнейших университетов России.

В Китайской Народной Республике на решение вопросов мониторинга этнокультурных отношений ориентированы Пекинский Центральный университет национальностей (ЦУН); специальные службы по противодействию сепаратизму и взаимодействию в потенциально конфликтных регионах — Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе; академический институт по изучению национальностей и ряд экспертных центров; пропагандистскую и образовательную функцию выполняет Институт Конфуция.

В Казахстане основы мониторинга этнокультурных процессов были заложены с созданием Ассамблеи народа Казахстана. Выступая на первой сессии АНК 24 марта 1995 г., Президент Казахстана Н.А. Назарбаев отметил важность научного изучения и анализа динамики ситуации в этнической, языковой, религиозной сферах: «Общество чрезвычайно нуждается в четкой характеристике процессов, происходящих в этой области, причем не только в Казахстане, но и во всем мире, знании перспектив становления межэтнических отношений» [11, с. 178].

На базе АНК функционирует Научно-экспертный совет (НЭС) Ассамблеи народа Казахстана. Основываясь на междисциплинарном подходе, НЭС включает в себя представителей из различных областей гуманитарного знания: историков, политологов, социологов, юристов, филологов и этнолингвистов, психологов и узконаправленных специалистов. Тесно с АНК сотрудничает Центр по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центральноазиатском регионе. Центр — структурное подразделение Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, которое занимается изучением межэтнических и межконфессиональных отношений и обучением по вопросам государственной этнополитики, проблемам этносов и конфессий (Структуры АНК. URL: <http://assembly.kz/ru/struktury-ank> [дата обращения: 25.05.2016]). На сегодняшний день на базе Казахского национального университета (КазНУ) им. Аль-Фараби, Евразийского национального университета (ЕНУ) им. Л.Н. Гумилёва, Карагандинского государственного университета (КарГУ) им. Е.А. Букетова и других крупнейших университетов Республики Казахстан создана сеть кафедр Ассамблеи народа Казахстана, деятельность которых носит образовательный и аналитический характер.

Вопросами мониторинга этнокультурных отношений и политики, помимо АНК, также занимаются: Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК; Институт философии,

политологии и религиоведения (ИФПиР), Республиканское государственное предприятие «Дом дружбы — Центр по исследованию проблем межэтнических отношений».

На мониторинг межэтнических отношений ориентированы отдельные подразделения исполнительных органов, Администрации Президента РК и Комитета национальной безопасности. Превентивное решение потенциальных межэтнических конфликтов и смягчение их последствий являются неотъемлемой частью формирования эффективной этнокультурной политики.

Основным транслятором и практическим реализатором мегатренда этнокультурной политики, заданного Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым, является Ассамблея народа Казахстана. Казахская модель межэтнической толерантности и общественного согласия уникальна в силу того, что центральным институтом стал не государственный орган, а специально созданная Ассамблея народа Казахстана, соединившая в себе потенциал государственных и общественных структур. Выступая на первой учредительной сессии Ассамблеи, Н.А. Назарбаев отметил: «Проводя национальную политику, нужно учитывать этнический состав населения Казахстана и процесс его формирования, проходивший далеко не просто» [12, с. 255].

С самого начала независимости руководство республики последовательно реализовывало политический курс, направленный на укрепление общественного согласия, межэтнической и межконфессиональной толерантности: принятие Конституции РК и создание Ассамблеи народа Казахстана (1995); конституционные изменения 2007 г.; принятие Закона Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана» (2008 г.); определение базовых принципов (2008—2009 гг.); разработка, обсуждение, общественная экспертиза и принятие Доктрины национального единства Казахстана (2009—2010 гг.).

Основными задачами АНК являются:

а) формирование казахстанской идентичности путем консолидации этносов Казахстана на основе гражданской и духовно-культурной общности при стержневой роли государственного языка и культуры казахского народа;

б) обеспечение эффективного взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества в сфере межэтнических отношений;

в) интеграция усилий этнокультурных объединений в обеспечении гармоничных межэтнических отношений в Казахстане;

г) формирование системы упреждающих механизмов по профилактике негативных тенденций в области межэтнических отношений

и нейтрализации возможных угроз, недопущение политизации этнического фактора;

д) совершенствование деятельности Ассамблеи народа Казахстана по реализации государственной политики в области межэтнических отношений и повышение ее роли в демократизации политической системы, решение актуальных задач общественного развития [13, с. 97].

С принятием в 2010 г. Доктрины национального единства Казахстана рассматриваемый процесс с точки зрения его концептуального содержания вышел на качественно новый уровень. Если ранее организация мероприятий на фольклорном уровне не отражала сути Ассамблеи народа Казахстана, то сегодня АНК заняла прочное место в научном и политическом мире. Казахская модель этнокультурной политики, построенная на основе деятельности АНК, создает все условия для межэтнической консолидации в рамках единой гражданской идентичности.

Негативные аспекты межэтнических отношений

Вместе с тем эпизодически проявляются негативные моменты межэтнических отношений. Эпизодические столкновения казахского населения с представителями турецкого, уйгурского, чеченского и курдского этносов происходили в густонаселенных южных и западных регионах страны, испытывающих дефицит социальных благ. Действия общественных организаций, инициативных групп, исполнительных и государственных органов в подобных ситуациях имеют направленность на недопущение этнизации бытовых конфликтов, административных и уголовных правонарушений. Политизация межэтнических линий напряженности на фоне ощущения социальной несправедливости является катализатором столкновений и погромов.

Единичные посягательства со стороны исламских радикалов (Хизб ут-Тахрир, ДАИШ и др.) и отдельных русскоязычных сепаратистов (Э. Лимонов, И. Сычёв, Т. Шевцова-Валова) на легитимность конституционного строя и целостности страны строго пресекались в соответствии с законодательством РК.

В Республике Казахстан наблюдателями ООН и ОБСЕ не были зарегистрированы факты ущемления прав человека и ограничения свобод граждан по этническому, расовому и языковому признакам.

Обсуждение результатов исследования

Основные тенденции в вопросах реализации этнокультурной политики, межэтнической и межконфессиональной консолидации

задаются политической волей Первого Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева.

В последние годы вышло несколько исследовательских работ, выполненных на высоком научном и методологическом уровне. Основные принципы реализации государственной этнокультурной политики сформулировал Е.Л. Тугжанов. Как один из участников становления казахстанской модели межэтнической толерантности и общественного согласия Тугжанов пишет о трех основных уровнях этнокультурной политики:

- нормативный (Конституция Республики Казахстан, Положение об Ассамблее народа Казахстана, Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» и др.);
- доктринальный (Доктрина национального единства, Концепция развития Ассамблеи народа Казахстана до 2025 г., Концепция укрепления и развития казахстанской идентичности и единства);
- институциональный (Ассамблея народа Казахстана, Всемирный курултай казахов, этнокультурные объединения) [14, с. 24].

Государственная этнокультурная политика строится на следующих базовых принципах: верховенство закона, запрещение любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, этнической, языковой или религиозной принадлежности, укрепление государственной независимости, формирование единого народа как национально-государственного сообщества. Таким образом, каждый гражданин, независимо от этнического происхождения, связывает свою судьбу и будущее с Казахстаном. Единое прошлое, совместное настоящее и общая ответственность за будущее связывают общество в одно целое: «У нас одно Отечество, одна Родина — Независимый Казахстан». Осознанность этого выбора — главное объединяющее начало (Доктрина Национального Единства Казахстана. URL: <http://assembly.kz/ru/doktrina-nacionalnogo-edinstva> [дата обращения: 18.03.2014]).

Весомое, компетентное и взвешенное научное мнение представлено российским ученым Ю.В. Якушевой. В своей диссертации она изучает историю становления этнической политики в период независимости Республики Казахстан, делает вывод, что Казахстан успешно решил поставленную в начале 1990-х гг. задачу обеспечения межэтнического мира внутри страны. За годы независимости, несмотря на полиэтничный состав населения и наличие определенного конфликтного потенциала, спровоцированного целым комплексом проблем социально-экономического характера, в Республике Казахстан не было зафиксировано значительных конфликтов на межэтнической почве. Немаловажную роль в сохранении стабильной ситуации сыграло формирование механизмов

конструктивного взаимодействия между этносами и создание целостной системы предупреждения и разрешения конфликтов [15].

Современные исследователи характеризуют политические решения как пример максимального успеха политической теории и практики казахстанской модели этнокультурной политики в вопросе формирования гражданской нации и идентичности.

Отличие нашей работы заключается в комплексном анализе главных трендов этноисторических трансформаций социума с учетом этнополитического и этнокультурного компонента основных направлений внутренней и внешней политики страны. Этнокультурная политика Республики Казахстан имеет ряд трендов, закреплённых в общественном сознании. Основными трендами этнокультурной политики являются:

- поддержка связей с казахскими диаспорами;
- меры по возвращению соотечественников;
- формирование полиязычного общества;
- конфессиональная политика;
- информационная политика;
- государственный мониторинг этнокультурных процессов;
- политическая деятельность института этнокультурной консолидации (Ассамблея народа Казахстана).

Данные тренды выражены и оформлены на нормативном, доктринальном и институциональном уровне.

Выводы

Целью продуманной и взвешенной этнокультурной политики Республики Казахстан является гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений и формирование на ее основе гражданской нации. В работе была сделана попытка выявить ключевые направления этнокультурной политики и описать историю их формирования.

Поддержка экономических, культурных и политических связей с соотечественниками, проживающими за рубежом (казахской диаспорой), является важной составной частью государственной этнокультурной политики. Казахстан, финансируя программы по возвращению соотечественников и поддержке диаспор, выходит на качественно новый уровень этнокультурной политики, с опорой на мощный человеческий потенциал казахской диаспоры.

Развитие полиязычного общества — ключ к повышению гражданами Казахстана конкурентоспособности на внутреннем и международном рынке труда. Знание трех языков позволит казахстанцам стать ближе

к современным достижениям в сфере науки, образования, техники, культуры, искусства и дипломатии.

Казахстан как полиэтничное и поликонфессиональное государство обладает уникальным опытом в вопросах диалога культур Восток — Запад и преодоления религиозной нетерпимости и национального шовинизма.

Необходимо укрепление позиций государственного участия в формировании и контроле собственного информационного пространства, что является неотъемлемым условием дальнейшего стабильного развития этнокультурной политики и информационной безопасности страны.

Наряду с информационной безопасностью, для предупреждения межэтнических конфликтов и смягчения их последствий в Казахстане проводится регулярный анализ информации и мониторинг состояния межэтнических и межконфессиональных отношений.

Центральный тренд этнокультурной политики, заданный Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым, реализуется посредством деятельности Ассамблеи народа Казахстана. Функционирование АНК тесно связано с основными направлениями государственной этнокультурной политики. АНК является базовым институтом этнокультурной консолидации и межэтнического диалога. Казахская модель этнокультурной политики, построенная на основе деятельности АНК, создает все условия для межэтнической консолидации.

Рациональный политический подход, твердая политическая воля и эффективные механизмы позволяют говорить об успешности этнокультурной политики в рамках каждого из основных трендов в вопросе формирования единой гражданской нации и политической идентичности.

Список литературы

1. Назарбаев Н.А. Избранные речи. Т. III. 1995—1998 гг. Астана: ИД «Сарыарка», 2009. 582 с.
2. Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2008. 84 с.
3. Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., ИЭА РАН, 2011. Вып. 225. 33 с.
4. Mendikulova Gulnara. Some Problems of Adaptation of the Kazakh Repatriates (Oralmans) in Contemporary Kazakhstan // Отан тарихы. 2004. N 2. С. 3—35.
5. История независимого Казахстана: Монография / Под общ. ред. Х.М. Абжанова, Л.Н. Нурсултановой. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2011. 400 с.
6. Инициативы, направленные в мир / Под ред. М.Х. Абусейтовой. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2011. 400 с.
7. Мендикулова Г.М. Казахская диаспора и Республика Казахстан: проблемы и перспективы // Казахстан-Спектр. 1998. N 1. С. 73—77.
8. Инициативы, направленные в мир...

9. *Жетписбаева Б.А., Аринова О.Т.* От идеи «Триединство языков» Н.А. Назарбаева до полиязычного образования в Казахстане // Вестн. Караганд. гос. ун-та. Сер. Педагогика. 2012. N 4 (68). С. 19—23.
10. *Тарасевич И.А.* Проблемы законодательства Республики Казахстан о религиозной деятельности и религиозных объединениях // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. N 2. С. 104—107.
11. Ассамблея народа Казахстана: история двух десятилетий. Алматы: КАЗ-аппарат, 2015. 326 с.
12. *Назарбаев Н.А.* Сборник докладов на 1—10 сессиях Ассамблеи народов Казахстана. Астана: Елорда, 2005. 440 с.
13. *Рустембекова Д.К.* Роль Ассамблеи народа Казахстана в формировании казахстанской модели единства и толерантности // Вестн. Караганд. гос. ун-та. Сер. Юриспруденция. 2011. N 1 (61). С. 96—102.
14. *Тугжанов Е.Л.* Политика межэтнической толерантности и общественного согласия в Республике Казахстан: политологический анализ: автореф. / Тугжанов Е.Л. Астана, 2010. 44 с.
15. *Якушева Ю.В.* Государственная политика в сфере этнической интеграции в Республике Казахстан (1991—1996 гг.) // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. N 6 (60). С. 177—186.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И АПК КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ЕАЭС

Аружан Джусибалиева

Старший преподаватель Казахского агротехнического университета (КАТУ) им. С. Сейфуллина,
кандидат экономических наук

Аннотация. В данной работе автором предложено исследование и анализ развития наиболее конкурентоспособных отраслей экономики Республики Казахстан в условиях функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на примере двух отраслей, имеющих наибольшую долю в структуре ВВП РК и национальной экономики в целом, а также несущих в себе кластерные инициативы (пищевая промышленность и агропромышленный комплекс).

Объектом исследования является динамика развития пищевой промышленности и АПК Казахстана в условиях ЕАЭС. Предметом исследования являются макроэкономические показатели развития вышеуказанных отраслей экономики и факторы интеграции Казахстана в условиях единого экономического пространства (ЕЭП).

Ключевые слова: интеграция, импорт, экспорт, пищевая промышленность, агропромышленный сектор, кластерное развитие, конкурентоспособность.

ЕАЭО ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ АЗЫҚ-ТҮЛІК ӨНЕРКӘСІБІ МЕН АӨК ДАМУЫНЫҢ ТАЛДАУЫ

Аружан Джусибалиева

Аңдатпа. Мақалада автор Еуразиялық экономикалық одақтың (ЕАЭО) қызмет етуі жағдайындағы Қазақстан Республикасы экономикасының бәсекеге ең қабілетті салаларын зерттеу мен талдау ұсынған. ҚР ЖІӨ құрылымындағы барынша ауқымды үлеске ие және кластерлік бастамалар тартылған негізгі екі сала — азық-түлік өнеркәсібі мен агроөндірістік кешен (АӨК) қарастырылған .

Зерттеудің объектісі ретінде ЕАЭО жағдайындағы Қазақстанның азық-түлік өндірісі мен АӨК-тің даму мәселесі алынған. Зерттеудің пәні — экономиканың жоғарыда аталған салаларының дамуының макроэкономикалық көрсеткіштері мен Қазақстанның біртұтас экономикалық кеңестік жағдайындағы интеграциясының факторлары.

Түйінді сөздер: интеграция, импорт, экспорт, азық-түлік өндірісі, агроөндірістік кешен, кластерлік даму, бәсекеге қабілеттілік.

FOOD AND AGRICULTURAL INDUSTRY OF KAZAKHSTAN WITHIN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Aruzhan Dzhusibalieva

Abstract. The author discusses the development of the most competitive sectors of the economy of Kazakhstan in the context of the Eurasian Economic Union; the analysis is based on the cases of the two sectors, namely food and agricultural industries, which have the biggest share in Kazakhstan's economy and generate numerous initiatives of cluster building.

The author traces the dynamics of the development of the food industry and the agro-industrial complex of Kazakhstan within the context of gradual consolidation of the EEU taking into account the macroeconomic indexes of the above sectors.

Key words: integration, import, export, food processing, agro-industry, cluster development, competitiveness.

Введение

Вопросам региональной экономической интеграции и развития внешней торговли большое внимание уделяется как в зарубежной, так и в отечественной экономической литературе. Теоретические вопросы международной и региональной экономической интеграции рассматриваются в трудах П.Ж. Прудона, Ж.Ж. Руссо, А. Сен-Симона, Я. Тинбергена, А. Мюллер-Армака, В. Рёпке, Б. Баласса, А. Маршалла, Дж. Вайнера и др. Среди ученых-экономистов стран СНГ вопросам региональной экономической интеграции и развития внешней торговли были посвящены труды Ю.В. Шишкова, А.Т. Спицина, А.С. Булатова, Л.В. Пакуша, Р. Якубова, А. Рапота, П.А. Кохно и нектор. др. Значительный вклад из представителей ученых Казахстана в изучение вопросов экономического развития и интегрирования государств в мировую экономику внесли А.А. Абишев, А.А. Арупов, Н.К. Мамыров, У.Б. Баймуратов, Ж.Я. Аубакирова, А.Л. Ашимбаева, Д.М. Мадиярова, А.М. Мырзахметова, О.С. Сабден, А.Д. Челекбай и др.

Целью научного исследования в рамках данной публикации является проведение сводного макроэкономического анализа развития пищевой промышленности и агропромышленного комплекса Казахстана в условиях функционирования ЕАЭС.

Методы исследования

Автором использованы комплексные и системные методы научного обобщения, диалектический метод, метод макроэкономического анализа и синтеза, статистический метод, графический метод. В частности, автором использованы специфические методы макроэкономического исследования, такие как метод макроэкономического агрегирования, метод учета изъятий и инъекций.

Результаты исследования и выводы

1. Интеграционный процесс выгоден, прежде всего, для отечественных товаропроизводителей, так как создаются общие рынки торговли между странами, увеличиваются объемы рынков, упрощаются процедуры экспорта казахстанских товаров в Россию, Беларусь, Армению и Кыргызстан, налаживаются процедуры по сокращению объемов теневой экономики в импорте легкой промышленности и в целом увеличивается макроэкономический эффект развития отраслей экономики.

2. Важной составляющей устойчивого развития аграрного сектора является формирование и реализация кластерных инициатив в наиболее конкурентоспособных отраслях АПК, что влечет за собой повышение уровня агротехнологий и качества произведенной продукции пищевой промышленности, увеличение добавленной стоимости и доходов АПК.

3. В производстве продукции пищевой промышленности в разрезе товарных групп высокий рост в стоимостных объемах выражен *высоким темпом роста цен* на продовольственные товары.

4. Производство продуктов питания и напитков в Казахстане в огромной степени зависит от развития производства сельскохозяйственных товаров, а также товаров пищевой промышленности.

5. Динамичное развитие и значительное расширение производственных мощностей отраслей пищевой промышленности мультипликативно связано с активной государственной поддержкой и субсиди-

рованием предприятий — производителей сельскохозяйственных и продовольственных товаров для увеличения присутствия отечественных товаров во внутреннем потреблении, а также освоения новых экспортных рынков.

6. Пищевая промышленность является *импортозависимой*, так как большинство секторов/подсекторов, несмотря на имеющееся отечественное производство, в большей степени зависят от поставок на внутренний рынок из других стран.

7. Отрасли промышленности Казахстана, ориентированные на внутренний рынок, менее привлекательны, чем отрасли-экспортеры, как с точки зрения конкурентоспособности (перспектив роста производства, освоивания новых рынков, наращивания конкурентных преимуществ), так и с точки зрения надежности кредитования (рентабельности производства).

В современных условиях для Казахстана развитие интеграционных процессов имеет особое и актуальное значение, поскольку участие страны в международной экономической интеграции является не только условием создания экономической основы суверенитета РК, но и обеспечения высокого экономического роста страны, вхождения его в мировое сообщество в качестве полноправного участника. Развитие интеграционных процессов стало закономерным результатом роста международного движения товаров и факторов их производства.

Идея создания Евразийского экономического союза прозвучала из уст Президента еще 22 года назад.

Спустя 20 лет, 28 апреля 2014 г., в своем очередном выступлении в МГУ им. М.В. Ломоносова на тему «От идеи Евразийского союза — к новым перспективам евразийской интеграции» Глава государства отметил, что «...евразийская интеграция обеспечивает нам общее стратегическое преимущество накануне грядущей Третьей глобальной индустриальной революции. Она происходит в условиях драматического акта смены парадигмы мироустройства в сторону многополярности. Нынешняя глобальная нестабильность — это кризис не только экономики, но и международного права, глобальной политики» (От идеи Евразийского союза — к новым перспективам евразийской интеграции: Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в МГУ им. М.В. Ломоносова. 28 апреля 2014 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: www.akorda.kz [дата обращения: 21.11.2016]).

Евразийский экономический союз — это международное интеграционное экономическое объединение, которое является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.

В настоящее время государствами — участниками ЕАЭС являются уже пять стран: Казахстан, Россия, Беларусь, Армения и Кыргызстан.

Договором о ЕАЭС стороны учреждают Евразийский экономический союз, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим договором и международными договорами в рамках ЕАЭС.

Основные направления проводимой согласованной макроэкономической политики государств-членов в рамках ЕАЭС включают:

- обеспечение устойчивого развития экономики государств-членов с использованием интеграционного потенциала ЕАЭС и конкурентных преимуществ каждого государства-члена;
- формирование единых принципов функционирования экономики государств-членов и обеспечение их эффективного взаимодействия;
- создание условий для повышения внутренней устойчивости экономики государств-членов, включая обеспечение макроэкономической стабильности, а также устойчивости к внешнему воздействию и др.

(Договор о Евразийском экономическом союзе // Официальный интернет-ресурс Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: www.economy.gov.kz [дата обращения: 21.11.2016]).

Если проанализировать состояние взаимной торговли Казахстана со странами ЕАЭС в текущем году, то, согласно данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики (далее — МНЭ) РК в январе — апреле 2016 г. взаимная торговля Казахстана со странами ЕАЭС составила 3624,1 млн долл. США, что на 29,9% меньше, чем в январе — апреле 2015 г., в том числе экспорт — 1161,3 млн долл. США (уменьшился на 28,7%), импорт — 2462,8 млн долл. США (уменьшился на 30,4%). В разрезе стран данные о взаимной торговле за указанный период показаны в таблице 1.

Табл. 1. Взаимная торговля РК со странами ЕАЭС,
млн долл. США

	Январь — апрель 2016 г.	Январь — апрель 2015 г.	%
Всего:	3624,1	5167,5	70,1
экспорт:	1161,3	1628,3	71,3
Россия	1062,9	1399,6	75,9
Беларусь	4,9	12,48	39,3
Армения	0,0	0,1	18,3
Кыргызстан	93,5	216,1	43,3
импорт:	2462,8	3539,2	69,6
Россия	2357,9	3327,2	70,9
Беларусь	84,7	147	57,6
Армения	0,74	1,235	59,9
Кыргызстан	19,5	63,8	30,6

Источник: таблица составлена автором согласно данным официального интернет-ресурса Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК. URL: www.stat.gov.kz (дата обращения: 23.11.2016).

Из данных таблицы 1 видно, что в структуре экспорта РК преобладают минеральные продукты (33,0% к общему объему экспорта в страны ЕАЭС), металлы и изделия из них (21,1%), продукция химической промышленности (20,6%), продукты животного и растительного происхождения, готовые продовольственные товары (10,8%). Из стран ЕАЭС в большей степени импортируются машины и оборудование (23,5% к общему объему импорта из стран ЕАЭС), продукция химической промышленности (18,0%), минеральные продукты (17,4%), продукты животного и растительного происхождения, готовые продовольственные товары (15,3%), металлы и изделия их них (11,3%) (Официальный интернет-ресурс Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК. URL: www.stat.gov.kz [дата обращения: 21.11.2016]).

Отметим, что основная цель создания и развития кластеров в АПК РК — это создание условий для расширения внутреннего производства и повышения конкурентоспособности продукции данных отраслей на основе формирования интеграционных связей и совершенствования государственного регулирования.

В настоящее время перспективным является развитие кластеров в отраслях по производству и переработке таких продуктов, как:

- зерно (в Акмолинской, Костанайской и Северо-Казахстанской областях);

- молоко (в Акмолинской, Алматинской, Восточно-Казахстанской, Костанайской и Северо-Казахстанской областях);
- плоды и овощи (в Алматинской, Жамбылской и Южно-Казахстанской областях);
- мясо (в Костанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областях);
- рис (в Кызылординской области);
- рыба (в Атырауской, Восточно-Казахстанской и Карагандинской областях);
- хлопок (в Южно-Казахстанской области);
- кожсырье (в Актыбинской, Карагандинской и Северо-Казахстанской областях);
- шерсть (в Актыбинской, Восточно-Казахстанской и Жамбылской областях).

(Агробизнес-2020: Государственная программа по развитию агропромышленного комплекса в Республике Казахстан на 2013—2020 гг. URL: www.minagri.gov.kz [дата обращения: 21.11.2016]).

Согласно данным таблицы 2, можно сделать вывод, что за период с 2010-го по 2015 г. на фоне роста объемов ВВП и промышленности в стране наблюдался также и рост производства продовольственных товаров. Среднегодовой темп роста отрасли за этот период составил 9,5%. В 2015 г. темп роста объемов производства пищевой промышленности вырос до 12%.

Табл. 2. Динамика ВВП, промышленности, обрабатывающей и пищевой промышленности за 2010—2015 гг., млрд тенге

Макроэкономические показатели	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Январь — сентябрь 2015 г.
ВВП РК	21,8	27,5	30,3	33,5	38,0	34,9
Объем промышленности РК	9,1	12,1	15,9	16,8	18,1	10,3
Объем обрабатывающей промышленности РК	2,9	3,8	4,8	5,4	5,9	4,1
Объем производства пищевой промышленности РК	6,9	8,2	8,6	9,7	11,0	7,7

Источник: таблица составлена автором согласно данным официального интернет-ресурса Министерства национальной экономики РК. URL: www.eco-poty.gov.kz (дата обращения: 23.11.2016).

Наблюдается положительная динамика роста объемов производства, вклад отрасли пищевой промышленности в объем ВВП РК остается стабильным. При этом высока доля отрасли в объеме обрабатывающей

промышленности — 19,2%. Также в общем объеме промышленности в 2015 г. доля пищевой промышленности достигла 7,4%.

Согласно данным Комитета по статистике МНЭ РК по итогам 2015 г., по сравнению с 2014 г. значительный рост в объемах производства пищевой промышленности наблюдается по таким товарным группам, как: мясо и мясные субпродукты (ИФО в 2015 г. составил 113,8%); мясо птицы домашней, свежее или охлажденное (ИФО — 124,9%); масло соевое и фракции (ИФО — 138,4%); маргарин (ИФО — 110,4%); обработанное жидкое молоко и сливки (ИФО — 121,2%); сыр и творог (ИФО — 118,8%). Положительная динамика наблюдается в производстве напитков, номинальный рост производства напитков составил 17,2%, при этом рост натуральных объемов производства составляет 8,9%.

Также следует отметить, что в производстве пищевой промышленности в разрезе товарных групп высокий рост в стоимостных объемах выражен высоким темпом роста цен на продовольственные товары. Отметим, что рост в стоимостных объемах пищевой промышленности составил 39,8%, при этом физические объемы в среднем выросли на 3,5%. Таким образом, за период с 2010-го по июнь 2016 г. цены на продовольственные товары выросли более чем на 30%. Индекс потребительских цен в мае 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г. составил 104,2%. Цены на продовольственные товары за январь — ноябрь 2016 г. повысились на 4,8% (Официальный интернет-ресурс Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК. URL: www.stat.gov.kz [дата обращения: 21.11.2016]).

На основе изученных данных можно резюмировать, что производство продуктов питания и напитков в огромной степени зависит от развития производства сельскохозяйственных товаров, а также товаров пищевой промышленности, совокупная доля затрат на товары данных отраслей составляет 82,4% от всех затрат. Продукция пищевой промышленности в наибольшем объеме используется в производстве продуктов питания — 29,2% из всей произведенной продукции были направлены в самую пищевую промышленность.

Следует отметить также, что 26,9% продуктов питания в 2015 г. были использованы в сфере общественного питания и торговли, тогда как 18,2% произведенных товаров пищевой промышленности были использованы в АПК страны. Кроме того, в целом 20,1% произведенных продовольственных товаров были использованы в предоставлении государственных услуг, в частности в сфере здравоохранения, социальной помощи и образования. Примечательно то, что расходы на закуп товаров специального назначения в данных сферах покрываются из национального бюджета. Следовательно, 1/5 часть закупок продовольственной продукции осуществляется через государственные заказы.

Как показал анализ текущего состояния и развития отрасли, пищевая промышленность РК занимает важнейшее место в развитии общей экономики страны. Значительное расширение производственных мощностей пищевой промышленности связано с активной государственной политикой по оказанию мер поддержки предприятиям-производителям продовольственных товаров для увеличения присутствия отечественных товаров во внутреннем потреблении, а также освоения новых экспортных рынков.

Согласно данным отчета министра сельского хозяйства РК А.И. Мырзахметова перед населением (Отчет министра сельского хозяйства Мырзахметова А.И. перед населением от 10.06.2016 г. // Официальный интернет-ресурс Министерства сельского хозяйства РК. URL: www.minagri.gov.kz. [дата обращения: 26.11.2016]), валовый выпуск продукции (услуг) сельского хозяйства в 2015 г. составил 3307,0 млрд тенге, что выше уровня соответствующего периода предыдущего года на 3,4% (в т.ч. растениеводство — 1825,2 млрд тенге, животноводство — 1469,9 млрд тенге). Объем производства продуктов питания за 2015 г. увеличился на 0,1% и составил 1074,8 млрд тенге. Объем инвестиций в основной капитал пищевой промышленности увеличился на 28,1% и составил 55,9 млрд тенге.

По итогам 2015 г. объемы производства пищевой и перерабатывающей промышленности в денежном выражении составили 1074 млрд тенге, в том числе производство молочных продуктов составило 184 млрд тенге (17%), переработка и консервирование мяса и производство мясных изделий — 149,8 млрд тенге (14%). В 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 1,7% (с 2926 до 2976 т) увеличилось производство твердого сыра, на 4,9% (с 8783 до 9211 т) — мясных консервов, на 4,1% (с 179 785 до 187 123 т) — кисломолочной продукции. При этом на 3,5% сократились объемы производства колбасных изделий, на 15,8% — мясорастительных консервов, на 1,3% — обработанного молока, на 9% — сливочного масла, на 26% — сгущенного молока (Отчет министра сельского хозяйства Мырзахметова А.И. перед населением от 10.06.2016 г. ...).

На наш взгляд, указанное сокращение производства связано, прежде всего, со снижением покупательской способности потребителей и присутствием инфляционных тенденций в экономике страны, негативно влияющих в совокупности на динамику потребления основных продуктов питания, входящих в потребительскую корзину населения.

Проведенный нами анализ данных по продовольственной безопасности страны показал, что показатель обеспеченности внутреннего рынка *по основным видам продовольствия* за счет отечественного производства составляет более 80%. Однако есть продукты, по которым наблюдается достаточно *низкая обеспеченность* внутреннего рынка за счет отечественного производства. Это: масло сливочное — 78,1%, расти-

тельное масло — 70,7%, сахар-песок — 62,4%, сыры и творог — 17,6%, колбасные изделия — 55,3%, мясо птицы — 48,9%, фрукты — 48,4%, овощи — по всем видам — 24,2%, рыба — 56,6%.

Исходя из вышеизложенных данных, можно сделать вывод, что пищевая промышленность является *импортозависимой*, так как большинство секторов/подсекторов, несмотря на имеющееся отечественное производство, в большей степени зависит от поставок на внутренний рынок из других стран. В частности, наиболее импортозависимыми секторами Казахстана (доля импорта во внутреннем потреблении составляет более 30%) являются производство мясной продукции, производство молочной продукции (например, сыр и творог, сливочное масло), чая и кофе, сахара и винно-водочных изделий. Высок уровень импортозависимости по плодоовощной продукции, включая фрукты, продукции переработки рыбы, доля импорта во внутреннем потреблении составляет более 70%. Тем не менее в рассматриваемой отрасли есть и секторы, направленные как на насыщение внутреннего рынка, так и на рынки внешние. Это производство макаронных изделий, муки, круп и растительных масел (Официальный интернет-ресурс Министерства сельского хозяйства РК. URL: www.minagri.gov.kz [дата обращения: 26.11.2016]).

Если проанализировать показатели экспорта и импорта продуктов питания, то, согласно итогам 2015 г., по сравнению с 2014 г. все показатели внешней торговли отрасли «пищевая промышленность» снизились незначительно. Экспорт продукции пищевой промышленности в 2015 г. по отношению к 2012 г. вырос с 834,9 млн долл. США до 1036,4 млн долл. США, то есть на 201,6 млн долл. США (или на 24,1%). Необходимо отметить, что рост объемов экспорта продукции пищевой промышленности объясняется увеличением объемов экспорта:

- продуктов питания — с 814,1 млн долл. США до 992,6 млн долл. США, то есть на 178,5 млн долл. США (или на 21,9%);
- напитков — с 20,7 млн долл. США до 43,8 млн долл. США, то есть на 23,1 млн долл. США (или на 111,4%).

Рост импорта пищевой промышленности объясняется увеличением объемов импорта:

- продуктов питания — с 1,7 млрд долл. США до 2,9 млрд долл. США, то есть на 1,1 млрд долл. США (или на 64,7%);
- напитков — с 177,4 млн долл. США до 290,2 млн долл. США, то есть на 112,7 млн долл. США (или на 63,5%).

(Официальный интернет-ресурс Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК. URL: www.stat.gov.kz [дата обращения: 26.11.2016]).

В разрезе стран в 2015 г. структура импорта продукции пищевой промышленности распределилась между странами дальнего зарубежья

и странами СНГ по 30,7% и 69,3% соответственно. Импорт из стран дальнего зарубежья в 2015 г. по отношению к 2014 г. вырос с 832,8 млн долл. США до 952,1 млн долл. США, то есть на 119,4 млн долл. США (или на 14,3%). В разрезе стран в 2015 г. структура экспорта продукции пищевой промышленности выглядит более или менее оптимистично и между странами дальнего зарубежья и странами СНГ распределилась как 26,8% и 73,2% соответственно. Экспорт в страны дальнего зарубежья в 2015 г. по отношению к 2014 г. вырос с 227 406,5 тыс. долл. США до 277 387,2 тыс. долл. США, то есть на 50,0 млн долл. США (или на 22,0%).

На основе проведенного анализа по рынкам пищевой промышленности можно резюмировать следующее:

- пищевая промышленность страны имеет ощутимое присутствие на внутреннем рынке — так, внутреннее потребление продуктов питания в среднем на 72% обеспечивается отечественными продовольственными товарами;
- за годы функционирования ТС наблюдается рост производства в отрасли, вместе с тем в первые годы функционирования ЕАЭС отмечается значительный рост в ценах на продукты питания;
- преобладание доли импортной продукции по ряду товарных позиций пищевой промышленности;
- основным поставщиком импортных продуктов питания является Россия, также наблюдается замещение импорта из дальних стран импортом из России;
- экспортные поставки из Казахстана были в большей степени в страны СНГ.

Для того чтобы оценить макроэкономический эффект развития отрасли пищевой промышленности и аграрного сектора экономики Казахстана и их готовность функционировать в рамках ЕАЭС и ВТО, следует обратить внимание на развитие производства отрасли вкупе с развитием рынка потребления, как внутреннего, так и внешнего (в частности, рынки России, Беларуси, Армении и Кыргызстана). В этой связи необходимо отметить ряд следующих проблем и отраслевых изменений:

Во-первых, казахстанский внутренний рынок пищевой промышленности в 2015 г. вырос по сравнению с 2011 г. на 41,4%. Среднегодовые темпы роста импорта превышают среднегодовые темпы роста объемов производства в 3,7 раза. Объемы внутреннего потребления продукции пищевой промышленности в Казахстане с 2013-го по 2015 г. увеличились с 5565,0 млн долл. США до 7869,0 млн долл. США.

Во-вторых, несмотря на высокие темпы роста импортной продукции, отечественная продукция пищевой промышленности преобладает во внутреннем потреблении страны. Объемы внутреннего потребле-

ния продукции пищевой промышленности в Казахстане с 2011-го по 2015 г. увеличились значительно с 4 млрд 24 млн долл. США до 4 млрд 769 млн долл. США. Импорт также увеличился с 2,5 млн долл. США до 3,1 млн долл. США.

В-третьих, в связи с достаточно высоким уровнем импорта в Казахстан продукции пищевой промышленности, на рынке страны наблюдается присутствие многих игроков этой отрасли из третьих стран. Необходимо рассмотреть и проанализировать структуру игроков, импортирующих пищевую продукцию на наш внутренний рынок, в частности партнеров по ЕАЭС. Удельный вес импорта продуктов питания из России в объеме внутреннего потребления Казахстана в 2015 г. по сравнению с 2011 г. практически не изменился, оставаясь на уровне 15,9% — 18,0%, удельный вес импорта из Республики Беларусь увеличился с 1,0% до 2,8%. Удельные веса пищевых продуктов из Узбекистана и Кыргызстана в общем потреблении РК увеличились в 2015 г. по сравнению с 2011 г., это свидетельствует о положительном влиянии создания ЕАЭС на импорт из данных стран по причине того, что взаимная торговля товарами с ними осуществляется на беспошлинной основе. Увеличение удельного веса объемов китайского импорта во внутреннем потреблении с 1,8% до 4,5% в 2015 г. можно объяснить высокой конкурентоспособностью китайской продукции пищевой промышленности.

В-четвертых, в структуре пищевой промышленности наблюдается рост доли объемов продуктов переработки и консервирования мяса, производства мясных изделий с 5,2% в 2011 г. до 7,8% в 2015 г. При этом по остальным отраслям пищевой промышленности доли в объемах пищевой промышленности в 2011 и 2015 гг. находятся примерно на одном уровне.

Казахстанская пищевая промышленность и агропромышленный сектор в целом сосредоточены в сегментах производства продуктов питания, в мукомольной и крахмальной промышленности, производства мяса и мясных изделий, а также молочных продуктов. За годы функционирования ТС в производстве продовольственных товаров Казахстана основной рост производства наблюдался в сегментах мукомольной промышленности (40%), производства мясных изделий (80%), молочных продуктов, включая сыры и творог (56%). Также в период функционирования ТС отмечается увеличение в производственных мощностях напитков (на 70%). Вместе с тем анализ официальных данных говорит о том, что по итогам первого года функционирования ЕАЭС на рынке продовольственных товаров Казахстана уже отмечается значительный рост в ценах на продукты питания, среднегодовой рост цен за 2015 г. составил 16,2%.

В-пятых, в пищевой промышленности и агропромышленном секторе экономики наблюдается ряд положительных изменений, связанных с

ростом удельного веса отечественной продукции во внутреннем потреблении, либо ростом производства вкупе с увеличением экспортных поставок на внешние рынки. Отмечается рост производства мяса и мяса птицы, пищевых субпродуктов, продуктов готовых и консервированных из мяса, субпродуктов мясных или крови животных, колбас и изделий, аналогичных из мяса, а также растительного и подсолнечного масел, маргарина, йогурта, молока и сливок и других продуктов.

(Официальный интернет-ресурс Министерства национальной экономики РК. URL: www.stat.gov.kz [дата обращения: 26.11.2016]).

Огромную роль в регулировании сельского хозяйства и аграрного сектора в целом играет государство. В настоящий момент основополагающим актом законодательства в данной сфере является базовый Закон РК «О государственном регулировании развития АПК и сельских территорий» (с изменениями на 28.04.16 г. № 506-V), который определяет как правовые, так и экономические основы осуществления государственного регулирования аграрного сектора страны.

Согласно данным итогов деятельности Министерства сельского хозяйства РК за I квартал 2016 г., объем валовой продукции сельского хозяйства за I квартал 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. увеличился на 2,9% и составил 317,8 млрд тенге. Данный рост обеспечен за счет увеличения объемов производства животноводческой продукции на 3% (303,6 млрд тенге). Объем инвестиций в основной капитал сельского хозяйства увеличился на 21,1% и составил 25,5 млрд тенге.

Присоединение Казахстана к ВТО налагает на страну выполнение определенных обязательств. Правовой основой для принятия обязательств в области сельского хозяйства является Соглашение ВТО по сельскому хозяйству. Поддержка, имеющая искажающее воздействие на международную торговлю товарами сельского хозяйства, согласно ВТО, подлежит сокращению. В этих целях все меры государственной поддержки подразделяются на меры «зеленой» и «желтой» корзин.

▪ «Желтая корзина» — суммарная стоимость прямой и косвенной поддержки сельхозтоваропроизводителей, влияющая на цену и себестоимость продукции, включает следующее:

– *агрегированные меры поддержки (АМП)* — субсидии, подлежащие сокращению (примерно на треть);

– *de minimis* — субсидии в размере 5% от ВВП сельского хозяйства (для развивающихся стран — 10%) исключаются из сокращений;

– *специальный и дифференцированный режим (Сид режим)* — «развивающиеся страны» освобождаются от сокращения инвестиционных субсидий и субсидий на удешевление средств производства (такие, как

вода, химические пестициды и ГСМ), предоставляемых производителям с низкими доходами или бедными ресурсами.

Налоговые льготы не включаются в «желтую корзину» и, соответственно, не подлежат сокращению.

«Желтая (янтарная) корзина» — содержит те виды поддержки, которые считаются стимулирующими производство и, следовательно, искажающими торговлю. К ним относят регулирование рыночных цен, прямые платежи и субсидии, льготы на транспортировку и списание долгов, приобретение ГСМ со скидками и т.п. В правилах ВТО нет точного определения, какие меры государственной поддержки следует относить к «желтой корзине», и в нее попадают любые меры, не помещенные в другие корзины. Обязательства по объемам «желтой корзины» фиксируют для каждой страны — члена ВТО в перечне обязательств в виде агрегированных мер поддержки. Их начальный и конечный размер и темп сокращения обсуждают в ходе переговоров.

▪ «Зеленая корзина» — меры данной корзины могут предоставляться без ограничения, поскольку они не оказывают или оказывают минимальное искажающее воздействие на торговлю.

Справочно: к примерам таких мер относится поддержка, направленная на институциональное развитие отрасли, например, строительство сельской инфраструктуры, проведение научных исследований, борьба с вредителями и болезнями сельскохозяйственных животных и растений, а также адресные выплаты сельхозтоваропроизводителям при получении ими убытков (Официальный интернет-ресурс Министерства сельского хозяйства РК. URL: www.minagri.gov.kz [дата обращения: 26.11.2016]).

Данный объем позволит Правительству ежегодно оказывать поддержку сельскому хозяйству в рамках реализации программы «Агробизнес-2020». Кроме того, у Казахстана размер пошлин будет ниже, чем в ЕАЭС. Казахстан в переходный период — четыре года — будет применять более низкие ставки импортных таможенных пошлин по 3500 товарным позициям, а через четыре года совместно с партнерами по ЕАЭС начнутся переговоры по гармонизации наших тарифных обязательств в рамках ВТО.

В заключение проведенного анализа развития отраслей экономики РК в рамках ЕАЭС, нам бы хотелось резюмировать сравнительным анализом географии экспорта и региональной структуры экспорта Казахстана в 2015 и 2014 гг. (табл. 3, 4). Как видно из данных таблицы 3, наибольшая доля экспорта РК направлялась в страны ЕС (55,6%), в КНР поставлялось 11,3% всего экспорта РК. Экспортная доля, поставляемая в страны ЕАЭС, составила 9,8%, в страны СНГ — 6,5%, в страны остального мира направлялось 16,8% экспорта.

Табл. 3. Региональная структура экспорта РК в январе — июне 2014 г. и январе — июне 2015 г., млн. долл. США

	Январь — июнь 2014 г.	Январь — июнь 2015 г.	Прирост	Доля
Экспорт РК	42 531,3	24 059,3	-43,4%	100%
<i>в том числе:</i>				
Страны ЕАЭС	3213,1	2351,1	-26,8%	9,8%
Страны ЕС	24 273,7	13 367,8	-44,9%	55,6%
Китай	5628,7	2727,0	-51,6%	11,3%
Страны СНГ, без ЕАЭС	2187,7	1570,7	-28,2%	6,5%
Остальные страны мира	7228,1	4042,7	-44,1%	16,8%

Источник: таблица составлена автором согласно данным официального интернет-ресурса Министерства по инвестициям и развитию РК. URL: www.mid.gov.kz (дата обращения: 28.11.2016).

Что касается обработанного экспорта, то ее географическая структура изменилась незначительно. В первом полугодии 2015 г. экспорт обработанной продукции Казахстана осуществлялся в 92 страны. Как видно из данных таблицы 4, основная доля обработанного экспорта направлялась в страны ЕС (30,1%), Китай (19,1%) и страны ЕАЭС (17,1%).

Табл. 4. Региональная структура обработанного экспорта РК в январе — июне 2014 г. и январе — июне 2015 г., млн. долл. США

	Январь — июнь 2014 г.	Январь — июнь 2015 г.	Прирост	Доля
Экспорт обработанных товаров РК	8829,4	6505,9	-26,3%	100%
<i>в том числе:</i>				
Страны ЕАЭС	1846,8	1110,2	-39,9%	17,1%
Страны ЕС	2474,7	1955,7	-21,0%	30,1%
Китай	1653,1	1243,8	-24,8%	19,1%
Страны СНГ, без ЕАЭС	950,7	767,8	-19,2%	11,8%
Остальные страны мира	1904,2	1428,5	-25,0%	22,0%

Источник: таблица составлена автором согласно данным: официального интернет-ресурса Министерства по инвестициям и развитию РК. URL: www.mid.gov.kz (дата обращения: 28.11.2016); *Анализа состояния внешней торговли Казахстана (2-е полугодие 2015 г.)* // АО «Национальное Агентство по экспорту и инвестициям Kaznex Invest». Министерство по инвестициям и развитию РК. Астана, 2015.

Несмотря на ряд положительных тенденций, проведенный нами макроэкономический анализ развития основных конкурентоспособных отраслей экономики РК, а также мониторинг результатов и показателей внешней торговли РК в рамках ЕАЭС свидетельствуют о негативном влиянии, прежде всего, экзогенных (внешних) макроэкономических факторов. Сегодня мы все наблюдаем общее замедление экономического роста в мире, что негативно отразилось как на экономическом росте, так, соответственно, и на товарообороте РК, который, по итогам только 1-го полугодия 2016 г. снизился на 35,5%. В целом, экспорт РК за 1-е полугодие 2016 г. сократился на 41,3%.

Мы пришли к выводу, что такое сокращение экспорта произошло за счет влияния внешних факторов (таких, как падение мировых цен на энергоресурсы и металлы, колебание валют, сокращение спроса на целевых рынках и пр.). При этом следует отметить, что экспорт сырьевых товаров снизился в 2 раза, а обработанных товаров — на 26,3%. В заключение также добавим, что в 1 полугодии 2016 г. казахстанский экспорт направлялся в 98 стран, из них в 92 страны поставлялся обработанный экспорт. Основная доля обработанного экспорта направлялась в страны ЕС (30,1%), Китай (19,1%) и страны ЕАЭС (17,1%).

Следует отметить, что отрасли промышленности Казахстана, ориентированные на внутренний рынок, менее привлекательны, чем отрасли-экспортеры, как с точки зрения конкурентоспособности (перспектив роста производства, освоивания новых рынков, наращивания конкурентных преимуществ), так и с точки зрения надежности кредитования (рентабельности производства). По итогам проведенного макроэкономического анализа развития основных отраслей экономики Казахстана в рамках ЕЭП и ЕАЭС также выявлено, что направленность экономики страны является все еще сырьевой. Результаты исследования показали, что в основном *экспорториентированными* товарами казахстанского происхождения являются сырье и товары промежуточного потребления, тогда как готовые товары в Казахстане являются *импорториентированными*.

В современных условиях участие Казахстана в ЕАЭС является важнейшей и составной частью общей макроэкономической политики нашей страны. Сохраняя государственный суверенитет в полной мере, Казахстан обеспечивает более тесное экономическое сотрудничество и взаимовыгодную интеграцию со странами-партнерами для развития и роста национальной экономики в целом.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И ПОЛИТОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Мурат Лаумулин

Советник-посланник в Посольстве Республики Казахстан
в Республике Беларусь, доктор политических наук

Аннотация. Данная статья является продолжением цикла обзоров литературы, посвященной Центральной Азии. Последний обзор такого рода увидел свет на страницах данного журнала в 2012 г. Но настоящая статья имеет свои особенности: она рассматривает преемственность и взаимосвязь востоковедения и политологии в контексте изучения Центральной Азии. Эта проблема содержит вопрос о роли дореволюционной истории региона в трудах зарубежных исследователей. Применительно к Центральной Азии возобладало засилье политологов, для которых характерны эпигонство и вторичность, если говорить именно об историко-востоковедных исследованиях. Всю литературу за рубежом о Центральной Азии постсоветского периода условно можно разделить на несколько групп. К первой группе нужно отнести политологические исследования концептуального уровня. Вторая группа представляет собой исследования традиционного академического характера. К третьей группе мы бы отнесли работы политологического и социологического направления, затрагивающие проблемы трансформации традиционных структур в современный период (советский, постсоветский), то есть имеющие отношение к востоковедной проблематике. Четвертая группа публикаций о регионе — это различного рода просветительская литература общепопулярного характера.

Ключевые слова: *Центральная Азия, востоковедение, ориенталистика, политология, геополитика.*

ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫ ЗЕРТТЕУ ТҰРҒЫСЫНДАҒЫ ШЫҒЫСТАНУ ЖӘНЕ САЯСАТТАНУ: ТАРИХНАМАЛЫҚ ШОЛУ

Мұрат Лаумулин

Аңдатпа. Ұсынылған мақала Орталық Азияға арналған әдебиеттерге шолудың жалғасы болып табылады. Осындай шолулардың соңғысы осы журналдың 2012 жылғы нөмірінде жарыққа шыққан болатын. Бірақ, бұл мақаланың ерекшелігі:

ол Орталық Азияны зерттеу тұрғысынан алғандағы шығыстану мен саясаттанудың өзара байланысы мен сабақтастығын қарастырады. Негізгі мәселе ретінде шетелдік зерттеушілер еңбектеріндегі аймақтың төңкеріске дейінгі тарихының рөлі алынған. Орталық Азияны зерттеудің тарихи-шығыстанулық бағытында еліктеушілік пен қайталанушылықты негізге алған саясаттанушылардың басым болғандығы байқалады. Посткеңестік кезеңдегі Орталық Азияға қатысты шетелдік әдебиетті шартты түрде бірнеше топқа бөлуге болады. Бірінші топқа тұжырымдамалық деңгейдегі саясаттанулық зерттеулер, екінші топқа дәстүрлі академиялық еңбектер жатады. Ал үшінші топқа дәстүрлі құрылымдардың заманауи кезеңдегі (кеңестік, посткеңестік) жаңаруына, яғни шығыстанушылық мәселеге қатысы бар саясаттанулық және әлеуметтанулық жұмыстар жатқызылса, төртінші топқа жалпылама мазмұндағы көпшіліктік ағартуға бағытталған зерттеулер кірген.

Түйінді сөздер: Орталық Азия, шығыстану, ориенталистика, саясаттану, геосаясат.

ORIENTAL STUDIES AND POLITICAL SCIENCE IN RESEARCH ON CENTRAL ASIA: HISTORIOGRAPHY

Murat Laumulin

Abstract. This article is one of the series of the literature reviews on Central Asia. This article differs from the last review of this kind published in the journal in 2012 as the author surveys the continuity and interrelation of the oriental studies and political science in the context of Central Asia's research. The particular attention is given to the role of the pre-revolutionary history of Central Asia in the writings of foreign researchers. The authors argues that the prevalence of political scientists in the field leads to replication and secondariness if compared to the research carried out within the historical and oriental studies. The author distinguishes several types of the literature on Central Asia of the post-Soviet period. The first is that of political science with higher level of conceptualization. The second is traditional academic studies. The third surveys the trends within the transformation of traditional structures in the modern times during both the Soviet and post-Soviet periods that go beyond political science and sociology and have elements of oriental studies. The fourth is the closest to the traveler's memoir genre.

Key words: Central Asia, Oriental Studies, political science, geopolitics.

Центральная Азия в фокусе ориенталистики и политологии

Нам уже приходилось недавно писать о взаимосвязи и влиянии традиционного востоковедения и политологии [1]. Этому посвящена 4-я часть четырехтомного издания, которое осуществил КИСИ в 2015 — 2016 гг.

«История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства)». К сожалению, по техническим причинам небольшая часть материалов не попала в последнюю часть. Они легли в основу настоящей статьи.

В то же время данная статья является продолжением цикла обзоров литературы, посвященной Центральной Азии. Последний обзор такого рода увидел свет на страницах данного журнала в 2012 г. Но настоящая статья имеет свои особенности: она рассматривает преемственность и взаимосвязь востоковедения и политологии в контексте изучения Центральной Азии. Но и проблемы современной международной политики также рассматриваются через призму недавних изданий.

Эта проблема содержит вопрос о роли дореволюционной истории региона в трудах зарубежных исследователей. Здесь доминировали две наиболее крупные проблемы: присоединение Центральной Азии к России и связанная с ней так называемая «Большая игра». Но основное место занимает изучение Центральной Азии и ее истории в современной политологии. Это связано с тем, что многочисленные публикации о регионе и отдельных государствах ЦА включают в себя, как правило, исторический экскурс.

Не секрет, что в последние десятилетия классическая ориенталистика была взята на вооружение политологией и геополитикой (и этот вывод касается не только Центральной Азии). В некоторых случаях даже можно утверждать, что традиционная наука была оттеснена на второй план политическими исследованиями.

Как представляется, такое положение дел связано не только с идеологической экспансией, геополитической борьбой и вмешательством мозговых центров в деятельность академических институтов, что было характерно для всей второй половины XX в. Постепенный закат классической ориенталистики, который в последние десятилетия принял ускоряющийся характер, имеет и объективные причины. Востоковедение XX столетия имело под собой прочный фундамент в лице заложенных еще в предыдущем веке традиций, методов, теорий и т.д. Однако изменение картины мира, исчерпание естественного поля для исследований, деколонизация и другие объективные факторы, в том числе физический уход с научной сцены и из жизни целых поколений ученых, получивших классическое востоковедное образование в первой половине и в середине XX в., когда еще были живы традиции классической науки XIX в., все это вместе привело к неизбежному упадку той ориенталистики, которую мы знали по блестящим трудам классической эпохи.

Применительно к Центральной Азии возобладало засилье политологов, для которых с точки зрения классической науки характерны, как

правило, эпигонство и вторичность, если говорить именно об историко-востоковедных исследованиях. Тем не менее и в этих условиях литература XXI в. демонстрирует приятные исключения. Так, нельзя не сказать о работе профессора Ф. Старра «Утраченное просвещение» [2], который гармонично соединил в своей книге востоковедные знания с политическим заказом. В этом же ряду следует назвать интереснейшую работу М. Олкотт «В вихре джихада» [3], о которой нам уже приходилось писать и которую, благодаря обширному собранному полевому материалу и глубокому использованию исторических материалов, вполне можно отнести к работам из разряда историко-востоковедных. Но оба исследователя уже являются ветеранами науки с блестящей подготовкой, и все меньше остается шансов, что их сменит поколение со сравнимым багажом знаний и методологий (и с тем же запасом академического энтузиазма).

Всю литературу за рубежом о Центральной Азии постсоветского периода (вольно или невольно мы берем эту дату в качестве исторической и историографической межи) условно можно разделить на несколько групп. К первой группе нужно отнести политологические исследования концептуального уровня, посвященные как региону в целом, так и отдельным республикам (от древности до современности, или, как говорили в наше время, «от палеолита до Главлита»). Их авторы, как правило, не ставят перед собой целью (за редкими исключениями) дать развернутую историческую картину предмета исследования, но считают для себя обязательным ввести читателя в исторический контекст. Поэтому их работы имеют или введение, или первый раздел (главу, часть) исторического характера. С научной точки зрения эти разделы обычно являются полностью компилятивным изложением давно известных исследований. В крайне редких случаях некоторые авторы делают попытку приспособить исторический контекст под собственную теорию или концепцию, если таковые у них имеются. В этих случаях мы освещаем такие исследования отдельно.

Вторая группа представляет собой исследования традиционного академического характера. Это могут быть широкомасштабные проекты, как, например, длившийся десятилетиями французский проект по изучению архивов Османской империи, в том числе и по Центральной Азии. К этой же категории относятся различные этнографические, археологические и другие подобного рода полевые проекты исследований. Они стали возможными после падения железного занавеса, когда драматическое крушение СССР открыло свободный доступ на нашу территорию западным ученым. Однако в последние годы подобные проекты (по-видимому, вследствие недостатка финансирования) постепенно

сходят на нет. Изучение ислама, музейных коллекций, лингвистические исследования — все это, безусловно, попадает под категорию восточноведного знания.

К третьей группе мы бы отнесли работы политологического и социологического направления, затрагивающие проблемы трансформации традиционных структур в современный период (советский, постсоветский), то есть имеющие отношение к восточноведной проблематике. Круг изучаемых вопросов включает в себя изменения в традиционном обществе (клановой системе, ауле, кишлаке, махалле и т.д.), исламский вопрос, рост религиозного самосознания, проблемы национализма, этнического и национального самосознания, особенно после распада советской системы, и в более широком контексте — вопросы демодернизации, архаизации, роста религиозного мракобесия и социальной деградации постсоветских обществ Центральной Азии (хотя порой складывается впечатление, что многие западные авторы, констатируя эти процессы, в глубине души приветствуют их).

Четвертая группа публикаций о регионе — это различного рода просветительская литература общепопулярного характера, порой на грани туристических справочников. Наиболее солидными среди них являются издания в рамках различных серий: например, «Оксфордская мировая история», серии издательств «Пэлгрейв», «Макмиллан» и др. Естественно, подобные издания в научном плане не представляют никакой ценности, хотя в роли подробных источниковедческих и историографических справочников они могут быть полезными серьезным исследователям.

Среди типичных изданий, которые можно отнести к первой группе, выделяется коллективный сборник, изданный в США, «Центральная Азия в исторической перспективе» (1998) под ред. Б. Манц [4]. Во Франции в этот период основным источником информации о регионе для академических кругов и широкой публики служила монография Ж.-П. Ру «Центральная Азия: история и цивилизации» (1997) [5]. В Великобритании просветительскую функцию в отношении Центральной Азии несли работы М. Уайтлока по истории региона. Это книги «За Оксом» (2002) и «Нерассказанная история Центральной Азии» (2003) [6].

К этой же категории изданий относится фундаментальная по своей направленности монография Дилипа Хиро «Внутри Центральной Азии: политическая и культурная история Узбекистана, Туркменистана, Казахстана, Киргизстана, Таджикистана, Турции и Ирана» (2009). Как мы видим, автор сделал попытку связать глубокий историко-цивилизационный контекст региона с событиями новейшей истории, включая исламскую революцию в Иране. При этом Д. Хиро рассматривает историю и современное положение каждой из республик региона [7].

Вторую группу изданий представляет фундаментальное исследование А. Франка «Бухара и мусульмане России: суфизм, образование и парадокс исламского престижа» (2012). Книга базируется на изучении источника «Тарих-и Барангави» (История Баранги), который повествует о выходцах из Волго-Уральского региона — татар и башкир, которые в XVIII—XIX вв. по политическим или экономическим мотивам нашли пристанище в Бухаре. С точки зрения серьезных критиков, это интересное и глубокое историческое исследование, проливающее свет на многие аспекты религиозной истории обширных мусульманских регионов Российской империи [8]. К данной работе примыкает книга А. Купера «Бухарские евреи и динамика глобального иудаизма», которая рассматривает историю этой общины в исторической перспективе [9]. Параллельно в монографии затрагиваются проблемы истории региона.

В данном ряду также можно назвать работу под редакцией П. Сартори «Исследования социальной современной истории Центральной Азии: 19-й нач. 20 в.», в которой фокус делается на изучении отношений между российской колониальной администрацией и местными элитами. Помимо этого, поднимается широкий круг проблем, связанный с противоречиями в сфере земельно-водной политики, отношениями между простым населением и новой элитой, связанной с колониальным режимом. Затрагиваются также вопросы ислама и подъема национального самосознания на рубеже веков [10].

Классическое востоковедение представляет монография Т. Уэлсфорда, посвященная короткому периоду в истории Маверенахра и сложившейся там системе правления. Фактически автор исследует механизм перехода власти и легитимности от Шейбанидов к их двоюродной ветви — Тукай-Тимуридам в короткий период с 1598-го по 1605 г. Данный сюжет представляется крайне важным с точки зрения изучения механизма власти в позднесредневековый период истории региона [11].

К числу востоковедной историографии, безусловно, можно отнести монографию Агнесс Нилюфер «Быть мусульманином в Имперской России» (2014). Автор исследует (в основном на примере Татарстана) политику Петербурга в отношении нацменьшинств по христианизации части населения (кряшенов) [12].

Основательно подготовленная монография Уильяма Хоничерча «Внутренняя Азия и пространственная политика империй: археология, мобильность и культура» (2015) написана как ответ тем западным «исследователям», которые делали попытки в последнее время принизить роль кочевников Внутренней Евразии в качестве строителей собственных цивилизаций. В конечном итоге участие автора в данной дискуссии, последняя вспышка которой имела место с выходом работ А. Хазанова,

Н. Крадина, Т. Барфилда и др. в 1980—1990-е гг., возвращает нас к проблеме кочевой государственности [13].

В четвертой группе изданий обращает на себя внимание книга К. Табронна «Потерянное сердце Азии» (1994), построенная на собственных впечатлениях автора, полученных во время путешествия по республикам региона вскоре после распада Советского Союза и одобренных историческими экскурсами. Кстати говоря, это широко распространенный прием по написанию такого рода работ, характерный для многих публикаций данной группы [14].

В «Оксфордской серии мировой истории» можно выделить две книги. Это издание С. Лю «Шёлковый путь в мировой истории» (2010), посвященный роли Центральной Азии в функционировании на протяжении тысячелетий великих торговых путей древности и средневековья [15]. Другой работой такого рода является книга П. Голдена «Центральная Азия в мировой истории» (2011), которая в географическом плане охватывает более обширный ареал, чем собственно Центральная Азия. Автор включил в регион под этим названием значительные территории Сибири, Китая, Южной Азии и Среднего Востока, то есть речь идет фактически о Центральной Евразии в духе трактовки Д. Синора [16]. В серии издательства «Пэлгрейв» в 2008 г. увидела свет книга нашего бывшего соотечественника Р. Абазова «Исторический атлас Центральной Азии», представляющая собой культурологическое издание с обширным этнографическим материалом [17].

Тему Шёлкового пути в Оксфордской серии еще ранее затрагивал К. Бекуиз в своей монографии «История империй Шёлкового пути: история Центральной Евразии с бронзового века до настоящего времени». По своим критериям данное издание вполне отвечает основным характеристикам подобных публикаций [18]. И завершает эту серию небольшое издание Дж. Милворда «Краткое введение в историю Шёлкового пути» (2013) [19]. Р. Фолиц еще ранее в своем исследовании «Религии Шёлкового пути» поднял тему роли трехтысячелетней истории религиозной экспансии в регион различных мировых конфессий и их значения в цивилизационной ориентации региона, в которой в конце концов возобладала исламская [20].

К этой группе изданий относится начатая издательством «Таурис» многотомная серия «История Центральной Азии», из которой нам пока известно только о 1-м томе — «Эпоха степных воинов» Ч. Баумера (2012). Данный том посвящен периоду бронзового и железного века, античной эпохе и началу эллинистической эпохи. Остается надеяться, что в следующих томах найдет отражение появление в регионе тюрко-монгольских (алтайских) номадов [21].

Отдельное место занимает коллективная монография (под ред. Н. Грина) «Письменные описания путешествий в центральноазиатской истории», выпущенная Индианским университетом. Издатели собрали восемь нарративов, принадлежавших самым разнообразным авторам. Среди них мемуары среднеазиатского поэта о беседах с императором Великих моголов; доклад российских коммерсантов XVII в., совершавших дипломатическую миссию в Хиву и Бухару; иллюстрированный китайский альбом о западных соседях Цинской империи; персидские записи об участии туркменов в работорговле, относящиеся примерно к 1860 г.; материалы британских экспедиций к северу от Оксуса и японские археологические доклады об экспедициях для раскопок буддистских памятников в Восточном Туркестане. В целом эти собранные вместе различные по характеру, содержанию и целям материалы охватывают исторический период с 1500-го по 1940 г. и дают представление о культурно-исторических связях региона с внешним миром и соседними цивилизациями на протяжении продолжительного исторического периода [22].

Пример синтеза двух дисциплин — «Потерянное возрождение» Ф. Старра

Самым характерным примером взаимосвязи истории (традиционного востоковедения) с современной политологией является книга самого Фредерика Старра. Несмотря на этот факт, профессор Старр является крупным академическим ученым с классической востоковедной подготовкой.

Его монография «Потерянное Возрождение: Золотой век Центральной Азии от арабских завоеваний до Тамерлана» действительно представляет интерес и заслуживает отдельного рассмотрения. Книга Ф. Старра посвящена большому периоду в истории Центральной Азии — от начала тысячелетия н.э. до XVI—XVII вв. Может показаться, что исследование по такой отдаленной истории не связано с актуальными политическими вопросами, но на самом деле такая связь у Ф. Старра присутствует [23].

На империи прошлого можно смотреть с помощью так называемого «широкого подхода», который предполагает, что империи, если и не являются гомогенными по своей структуре образованиями, тем не менее имеют общие черты, которые видны в разных частях империи, имеющей, таким образом, общее культурное пространство. В современной историографии — это распространенный подход, однако его применение к изучению прошлого часто политически мотивировано. Обычно такой подход, считает профессор Индианского университета Д. Шлапентох, используют интеллектуалы тех стран, у которых были в прошлом большие имперские амбиции.

Например, иранские историки во многих своих исследованиях разрабатывают концепцию «панперсии». В частности, Империю Ахеменидов (VI—IV вв. до н.э.) они видят не как конгломерат разных земель, людей и культур, а как своего рода общее пространство, организованное политически и культурно из имперского центра. При таком взгляде политические и культурные особенности внутри империи отходят на второй план. Такой же, по сути ревизионистский, подход можно заметить и при исследовании других империй. Скажем, некоторые современные турецкие авторы видят свою историю не просто в контексте пантюркизма, предполагающего, что турки — это исторические лидеры всех тюркских народов, а еще более грандиозной. А именно: Турция — наследница Османской империи, а косвенно и предшествовавшей ей побежденной Византии.

Если брать шире, то такой подход подразумевает, что история человечества — это не что иное, как смена империй/цивилизаций, каждая из которых считала себя высшим достижением исторического процесса. Основы этой теории легко заметить и в работах американских интеллектуалов, особенно сразу после окончания «холодной войны», когда в США верили в свое абсолютное глобальное превосходство.

Нельзя прямо утверждать, что представления Ф. Старра о древней и средневековой Центральной Азии вытекают из его современных политических установок. И все же читатель книги Ф. Старра невольно начинает видеть связь между его интерпретацией истории и современной политической повесткой дня, влияние современной политической повестки дня угадывается в написанной им книге безошибочно. При этом предложенная Ф. Старром революционно новая, по крайней мере для западной историографии, интерпретация истории Центральной Азии не является и примитивным политическим памфлетом с историческими аллюзиями. Вместе с тем его книга не основана на фактах, доселе неизвестных, которые следовали бы из новых (например, археологических) открытий, требующих пересмотра исторических концепций и интерпретаций. Хотя в книге наличествует обширный научный аппарат, это — не первоисточники, а вторичный материал, и используемая фактология давно и хорошо известна специалистам.

Новый взгляд на старые факты — такой новый взгляд потребовался Ф. Старру в силу изменившейся обстановки, то есть современности. Во-первых, приходит в упадок американо-центричный, или даже более широко — западно-центричный, взгляд на мир; возникли новые, не западные центры силы. И хотя они заимствуют западные технологии и даже кое-что из политики, тем не менее они существенно модифицируют заимствования. Во-вторых, распад СССР привел не только к явному, но временному возрождению интереса к Евразийству с его объединяющи-

ми посылками, но также и к росту самосознания в постсоветских государствах, в том числе и в Центральной Азии. Элиты этих стран создали собственную политическую и историческую картину мира. Д. Шлапентох считает, что Астана и Ташкент избавляются от Москва-центризма и больше не видят Москву как некий «центр» для себя.

Так, в Казахстане татаро-монгольская империя больше не считается, как было у Л. Гумилёва, предшественницей российского/советского государства, а предшественницей Казахского ханства. А в Узбекистане роль Тимура видится не только в создании в далеком прошлом великой «Узбекской империи», но и в снижении роли Москвы в Евразии, поскольку русские едва избежали поражения от армии Тимура. Все эти изменения в современности повлияли на работу Ф. Старра и привели его к формулированию новой интерпретации исторических событий, которая, надо признать, существенно отличается от традиционной и общепринятой в историографии.

Книга Ф. Старра охватывает широкий период истории Центральной Азии — от античных времен и до примерно XVI—XVII вв. н.э. Автор поставил историю региона в контекст нескольких империй, которые сменяли друг друга и контролировали территорию Центральной Азии на протяжении нескольких тысячелетий. И главный тезис Ф. Старра в этой широкой исторической перспективе состоит в том, что Центральная Азия совсем не была «тихой заводью» и провинциальной окраиной великих империй прошлого, регион всегда был самобытным культурным центром. И, более того, в периоды длительного нахождения в составе разных империй Центральная Азия зачастую становилась в них культурным и политическим центром. Еще один важный тезис Ф. Старра состоит в том, что империи прошлого не были централизованными объединениями, а скорее своего рода слабыми конфедерациями, где власть центрального правительства была незначительной.

Автор начинает свое повествование с доисторических времен. Он цитирует центральноазиатских историков, которые утверждают, что лошадь была впервые приручена в казахских степях, прямо в центре современного Казахстана, то есть в регионе нынешней Астаны примерно 5500 лет назад. В Центральной Азии процветала развитая аграрная цивилизация — в то же время, когда существовал древний Египет и Месопотамия. Позже Центральная Азия стала частью Персидской империи, которая, по мнению Ф. Старра, была в значительной степени децентрализованной и ее основные округа пользовались автономией. Практически округа империи были независимы, а их отношения с аппаратом имперского центра сводились к уплате дани и отдельным повинностям. Позже, в эпоху эллинизма, Центральная Азия стала процветать.

Ее культурное величие было таким же, как и в других частях древнегреческого мира. Переходя от времен античных к средним векам, автор, вполне ожидаемо, уделяет много места и внимания арабским завоеваниям. При этом Ф. Старр отходит от установившегося канона, в соответствии с которым арабы обычно описываются как вполне добрые завоеватели. Их часто противопоставляют жестоким татаро-монголам. Автор отбрасывает подобные представления и описывает арабов такими же, как все другие завоеватели в истории в более ранние и поздние времена: они разорвали города и не щадили население.

Ф. Старр не согласен с распространенным среди историков мнением, что арабы принесли в Центральную Азию культуру и способствовали ее развитию на местной почве. Наоборот, утверждает Ф. Старр, местное население презирало арабов. Вскоре арабы поняли, что не могут контролировать Центральную Азию только за счет насилия; к тому же основная масса солдат арабской армии в Центральной Азии состояла из местных жителей, преимущественно из этнических тюрков и персов.

Центральная Азия не зависела от Багдада, все было ровно наоборот. На самом деле после гражданской войны «Багдад лежал в руинах и вряд ли был местом, которое могло привлекать ученых людей того времени, искавших покровительства». Поэтому неудивительно, что некоторые города Центральной Азии могли составлять Багдаду вполне достойную конкуренцию. По некоторым свидетельствам, в городе Нисхапур лекция по юриспруденции могла собрать в 997 г. н.э. аудиторию в пятьсот человек. А фарсиязычная Центральная Азия развила свою собственную, особенную идентичность. На самом деле культурное превосходство было не в Багдаде, как обычно полагают историки, а в Центральной Азии. Рассуждая о культурном величии Центральной Азии, Ф. Старр оговаривается: «...признание роли Центральной Азии в «Арабском Возрождении» не означает приуменьшение достижений арабских ученых в Багдаде». Тем не менее нельзя недооценивать роль Центральной Азии в культурном развитии исламского мира. Именно Центральная Азия стала местом, где «арабская и персидская интеллектуальные традиции сошлись и взаимно обогатились...».

В Центральной Азии жили великие интеллектуалы своего времени, творческие гении. Среди них — Ибн Сина (Авиценна) и Аль-Фараби. В некоторых случаях именно уроженцы региона Центральной Азии совершили эпохальные изобретения, которые обычно приписываются арабским ученым. Но Центральная Азия была не только местом, где делали большие открытия и изобретения, но это также было место, где творили, где появились великие персоязычные поэты, которых обычно ассоциируют с Ираном. Развивая тему культурных достижений персоя-

зычных интеллектуалов из Центральной Азии, Ф. Старр заключает, что «новые персидские поэты» возникли в Центральной Азии.

Такое описание Центральной Азии, как одного из основных центров мировой цивилизации, должно вполне понравиться современным элитам государств региона, которые ищут древние корни величия. Современные интеллектуалы в странах Центральной Азии зачастую ищут великих людей «чистого происхождения» — настоящих казахов, узбеков, туркмен или таджиков. Но в книге Ф. Старра таких найти невозможно. Великие умы, которые жили и творили в Центральной Азии, не могут быть приписаны к какой-то определенной этнической или культурной группе. Они принадлежали к разным этническим группам и совсем не уделяли внимания тому, кто они по крови. Они говорили и писали сразу на нескольких языках. Зачастую эти великие люди остро спорили между собой. Но именно эти споры, настоящий интеллектуальный плюрализм, и сделали возможным расцвет культуры в Центральной Азии. И этот интеллектуальный плюрализм терпели правители того времени, что в конечном счете и сделало возможным, как считает Ф. Старр, культурное и экономическое процветание региона.

Рассматривая период татаро-монгольских завоеваний в Центральной Азии, Ф. Старр придерживается сбалансированного подхода. Он не представляет татаро-монголов как абсолютных разрушителей. Они часто сохраняли города, которые сдавались им без сопротивления. И все же ущерб от этого завоевания был огромным, и даже отказ от сопротивления отнюдь не гарантировал милость завоевателей. Татаро-монголы разорили Центральную Азию в гораздо большей степени, чем Россия (?) или Персия. В некоторых местах население истребляли до последнего человека, а ирригационные системы полностью разрушали.

Через несколько веков пришло новое разорение, на этот раз действовал Тимур Хромой, больше известный в западной историографии как Тамерлан. Череда его завоеваний сопровождалась жестокостью, сравнимой только с действиями Чингиз-хана. Но даже эти бедствия не остановили новое культурное возрождение. Последний великий культурный и интеллектуальный порыв имел место в Центральной Азии во времена Тамерлана (1336—1405). Культурное возрождение во времена Тимура невозможно отрицать, но у него были свои особенности. Тимур придиричиво собирал мастеров-ремесленников из всех завоеванных им земель, но очень примечательно, что он не проявлял никакого интереса к интеллектуальным талантам. Именно с этого, по мнению Ф. Старра, начался настоящий упадок культурного пространства Центральной Азии.

Таким образом, книга Ф. Старра утверждает, что не разрушения как таковые со стороны монголов или Тимура надо считать причиной на-

чавшегося упадка Центральной Азии. Главная причина была не в физическом, а в интеллектуальном разорении и в политическом заострении режимов. Следовательно, основная мысль книги Ф. Старра может быть интерпретирована следующим образом: Центральная Азия, мол, могла бы вернуться к своему прошлому величию, если бы допустила плюрализм, то есть в современном контексте — политическую демократию. Несмотря на столь явные натяжки относительно современности, книга Ф. Старра поможет историкам посмотреть на известные события древних веков с новой точки зрения. Но особенно книга интересна тем, что очень хорошо показывает, каким же западные интеллектуалы и политическая элита видят современный мировой порядок, особенно в Центральной Азии.

«Большая игра»: прошлое и настоящее

В свое время последней из крупных работ фундаментального характера, посвященных проблематике «Большой игры», стала монография П. Хопкирка «Большая игра: имперская борьба в Центральной Азии» (1992) [24]. Автор подробно — и с использованием новых архивных материалов — описывает перипетии англо-русского соперничества на протяжении длительного исторического периода, начиная с трагической гибели капитана Артура Конолли в Бухаре в 1842 г. В качестве интересного концепта Хопкирк предлагает следующую идею: так называемая «Большая игра» была для России ее версией американского «Манифеста судьбы» для того, чтобы доминировать на континенте с учетом геополитических реалий и проблем обеспечения своей безопасности. Этот крайне важный для России фактор не учитывался или игнорировался Британией. Это и стало основной причиной того противостояния, которое вошло в историю под названием «Большая игра».

В качестве противовеса классической работе Хопкирка рассматривается монография Е. Сергеева «Большая игра 1856—1907: русско-британские отношения в Центральной и Восточной Азии», переведенная на английский язык и изданная Центром Вудро Вильсоном в 2013 г. [25] Считается, что ценность труда Сергеева состоит в том, что автор комплексно применил анализ всех стратегических, экономических и политических факторов в рамках принятия политических решений в Британской и Российской империях, что выгодно отличает его исследование от работы П. Хопкирка.

В 2014 г. увидела свет книга Т. Минасяна (в пер. с фр.) «Самый секретный агент Империи», посвященная деятельности Реджинальда Тиг-Джонса, которого автор называет «виртуозным шпионом «Большой игры»». Этот британский разведчик, который, по выражению автора,

«носился из Ирана по всему Шёлковому пути», маскировался под художника, фотографа, чертежника и кинооператора, завершил свою карьеру консулом в Нью-Йорке, где настраивал американскую общественность, манипулируя ею, в поддержку Британии во Второй мировой войне [26].

На этих работах, собственно говоря, историография «Большой игры» на нынешнем этапе завершается. Традиции «Большой игры» продолжает издание под редакцией Ф. Старра «Казахстан и США» как некое практическое пособие по сохранению республики в зоне американского влияния перед лицом растущей евразийской мощи путинской России [27].

В той или иной степени данную проблематику затрагивает совместное (под ред. Ф. Старра) исследование «ЕС, Центральная Азия и развитие континентального транспорта и торговли» (2015) [28]. Авторы внимательно изучают реальные процессы, связанные со строительством транспортной инфраструктуры в регионе и, особенно, вокруг него. Явным фаворитом становится китайский проект Экономического пояса Великого Шёлкового пути, в то время как западные (американский Шёлковый путь и ТРАСЕКА Евросоюза) становятся аутсайдерами. Тем не менее исследователи убеждены в том, что, несмотря на все перипетии геополитической борьбы и рост конкуренции, Евросоюз как конечный пункт всех проектов, связывающих Азию с Европой, останется в игре при любом раскладе участников. Хотя основной спонсор — Китай интересуется Центральной Азией больше как коридором к Ирану и на Средний и Ближний Восток. Характерно, что у авторов практически выпадает Россия как более-менее весомый игрок в транспортной игре в Центральной Евразии (хотя именно она располагает единственным на сегодняшний день реальным и действующим транспортным коридором).

Наш обзор был неполным без анализа китайской проблематики. После книг М. Ларюэль и С. Пейруза конца 2000-х начала 2010-х гг. крупной работой на этом направлении стало небольшое, но емкое исследование польских политологов Александра Ярошевича и Криштофа Страхоты «Китай против (точнее, лицом к лицу) Центральной Азии: достижения двух последних десятилетий». Небольшое по объему эссе претендует на охват всех основных вопросов по данной проблематике. Книга подготовлена в Центре восточных исследований в Варшаве. В структурном плане она состоит из четырех частей. Первая посвящена изучению фундамента взаимных отношений — исторического, стратегического, а также изучению взаимных представлений Китая о Центральной Азии и наоборот. Вторая часть освещает ключевые аспекты политических связей и отношений в сфере безопасности. Третья часть посвящена исключительно экономическому присутствию КНР в регионе. И, наконец, четвертая часть изучает китайское присутствие в ЦА уже в социальном измерении.

В обоснование концепции своей книги авторы выдвигают следующие тезисы. Первый утверждает, что растущее влияние Китая и его превращение в основного игрока в Центральной Азии является главным результатом развития ситуации в регионе за последние двадцать с лишним лет после распада Советского Союза. Далее авторы утверждают, что сердцевинной интересом КНР в регионе были вопросы обеспечения собственной безопасности. В дальнейшем данная проблематика стала основой для усиления экономической и политической взаимной заинтересованности сторон. Такая эволюция отношений привела, как считают авторы, к усилению сопротивления со стороны России. Но, несмотря на российский фактор и ряд других, Китай все же превратился в основного стратегического партнера государств региона в экономической области.

Китай переиграл всех основных соперников (к ним авторы относят Россию, США, Турцию и Иран), чтобы стать незаменимым торгово-экономическим партнером стран Центральной Азии, а для некоторых из них — и главным инвестором. От присутствия Китая государства региона выигрывают в экономическом и политическом плане, но это не останавливает постепенного роста опасений относительно стратегических последствий подобной тесной зависимости от КНР. Но ситуация с безопасностью вокруг Центральной Азии остается нестабильной, и вопрос о том, как долго сохранится хрупкий геополитический баланс между Россией, США и Китаем, остается открытым, заключают исследователи.

Они описывают стратегические интересы заинтересованных сторон таким образом. Для Пекина эти интересы состоят в следующем: сохранять стабильность в Синьцзяне и предотвращать негативное влияние на СУАР из ЦА; укреплять стабильность в Центральной Азии как условия для сохранения стабильности в СУАР и экономических отношений; поддерживать суверенитет государств региона и стабильность правящих режимов как необходимое условие для усиления своих экономических и политических позиций; ослаблять доминирование и влияние геополитических соперников — поначалу России, а после 2001 г. — Соединенных Штатов.

Целями политики центральноазиатских государств в отношении Китая являются следующие: защитить себя от китайской экспансии, особенно по пограничным проблемам, по мере возможности сопротивляясь китайским претензиям; с осторожностью относиться к любым проектам китайской стороны, используя в то же время китайский фактор для усиления собственных позиций на международной арене (особенно в отношениях с Россией), но при этом избегая зависимости от Пекина; в максимальной степени использовать выгоду от торгово-экономических отношений с КНР и занять место своеобразного торгового «конвейера» в трансферте китайских товаров в Европу и на Ближний Восток.

Интересы России авторы рассматривают в традиционном ключе. К ним они относят следующие: сохранение и углубление своего политического и военного доминирования и экономического влияния; блокирование и сдерживание активности своих геополитических соперников — в первую очередь США и КНР; в то же время сохранение и развитие стратегического сотрудничества с Китаем на глобальном уровне и на равных условиях.

Третья часть работы, посвященная экономическому сотрудничеству стран ЦА с КНР и росту экономического присутствия Китая в экономиках государств региона, самая обширная и подробная. Авторы в деталях рассматривают проникновение Китая в самые различные секторы экономики и инфраструктуры региона. Секретом успехов Китая является тот факт, что Пекин проводит крайне гибкую политику и может позволить себе инвестировать в развитие энергетической инфраструктуры, не требуя контроля для себя; финансировать разработку газовых и нефтяных месторождений, не пытаясь завладеть контрольным пакетом акций на них; развивать торговлю со странами региона, кредитуя их собственными же деньгами на эти цели.

В заключение авторы пишут, что достижения в развитии отношений между Китаем и Центральной Азией впечатляют. Начавшись практически с нуля в начале 1990-х гг., эти отношения привели к тому, что Китай занял место стратегического экономического партнера стран ЦА, и он в состоянии действительно оказывать реальное весомое влияние на их экономики. Становится очевидным, что растущее китайское присутствие в регионе оказывает влияние на международное положение Центральной Азии. Но при этом государства региона также выигрывают от сотрудничества с КНР. Если эти тенденции сохранятся в прежней динамике, не за горами время, когда китайское влияние из экономического конвертируется в политическое.

Что может угрожать дальнейшему росту китайского влияния в регионе? — задаются вопросом авторы. И отвечают: это сохранение неустойчивости как в регионе в целом, так и в каждой отдельно взятой республике. Также возрастает угроза стратегической неопределенности (неустойчивости) с учетом вывода сил международной коалиции из Афганистана. На китайское присутствие в регионе также могут оказывать влияние факторы глобального характера. Например, неустойчивость на Ближнем Востоке повысит ценность Центральной Азии как источника энергоресурсов в глазах Пекина. И, наоборот, неустойчивость на Южном Кавказе отрезет страны региона от поставок энергоресурсов в Европу и заставит полностью переориентироваться на китайское направление (а как же российские маршруты? — имеем право спросить мы у авторов).

В целом, несмотря на обилие в современной политологии фундаментальных исследований (казахстанских, российских, западных и китайских), посвященных политике и присутствию Китая в Центральной Азии, работа А. Ярошевича и К. Страхоты оставляет благоприятное впечатление. Она носит концентрированный характер и не страдает излишними подробностями, хотя каких-то особых открытий в этом направлении исследований она не делает.

Проблему проникновения Китая в Центральную Азию продолжает работа Д. Денуна «Китай, США и будущее Центральной Азии» (2015). Автор дает понять, что Россия уже не является единственным центральным игроком в регионе. Скорее всего, будущее ЦА будут определять КНР и США, или даже только Китай [29].

Эволюция на местах — политология или востоковедение?

Здесь уместно перейти к исследованиям, посвященным отдельным странам региона ЦА. К данной проблематике нас возвращает работа Р. Исаака «Формирование партийной системы в Казахстане: между формальной и неформальной политикой». В контексте занимающих нас вопросов данное исследование представляет интерес тем, что поднимает проблему влияния клановой системы на политическую жизнь республики [30].

В 2009 г. в Венеции состоялся симпозиум, посвященный религиозной истории Казахстана. На базе материалов этого мероприятия в 2013 г. был издан сборник «Ислам, общество и государства Казахской степи — 18-го нач. 20 в.». В сборнике освещается (В. Девизом) религиозная история Дешт-и Кипчака с XIII по XVIII в., которая базировалась, по мнению автора, на духовном наследии суфизма Яссауи. В сборнике также подробно описывается религиозная политика царского правительства, роль религии в росте национального самосознания на рубеже XIX—XX вв. (Т. Уяма). В материалах дается также сравнительный анализ политики российских властей в отношении мусульман-казахов и буддистов-бурят [31].

Несколько ранее (2012) тот же Т. Уяма издал отдельную монографию «Азиатская Россия: империя в региональном и международном контексте», в которой немало места уделено завоеваниям, колонизации и колониальному управлению Казахстана [32].

Нельзя обойти вниманием и историческую работу Ю. Маликова, изданную в Берлине в 2011 г., «Цари, казаки и кочевники. Формирование пограничной культуры в Северном Казахстане в 18—19 веках». Данное

исследование базировалось на диссертации автора, защищенной им в университете Санта-Барбары в 2006 г. и посвященной отношениям между казаками и казачками вдоль Сибирской линии. Это добротное историческое исследование с использованием обширного комплекса источников из омских и алма-атинских архивов. Книга расценивается западными критиками как оппонирование известной работе М. Ходарковского «Степная империя России». Основной смысл выводов Маликова состоит в том, что и российская, и казахская историографии неверно трактуют истинную роль казачества в отношениях с казахами, которое играло собственную роль в пограничной зоне и не было ни послушной марионеткой Петербурга, ни врагом казахов, который помогал колонизации последних империей [33].

В области археологии заслуживает внимания коллективное издание «Кочевники и древняя история и культура Казахстана», которое базировалось на выставке в Институте древней истории Нью-Йоркского университета в 2012 г., охватывающей период бронзового века и эпоху так называемых ранних кочевников. Помимо богатого иллюстративного материала, издание содержит информативные разделы, написанные казахстанскими и американскими учеными [34].

К исторической литературе с полным основанием следует отнести издание (под ред. Б. Тейссье) «Миссия Джона Кэстла к хану Абулхайру — 1736». Книга построена на интерпретации и изучении дневника английского путешественника Дж. Кэстла, в которой упор делается на этнографическую составляющую источника [35].

На стыке востоковедения и политологии находится книга А. Бустанова «Советский ориентализм и создание центральноазиатских наций». Рассматривая вклад советского востоковедения в (идеологическое) формирование идентичности наций в Центральной Азии, автор уделяет особое внимание казахам. Ученый исследует комплексный характер советского востоковедения как наследника российской дореволюционной ориенталистики, подчеркивая ее тесную связь с немецким востоковедением (особенно тюркологией). По мнению автора, активное поощрение советским востоковедением развития научных школ на местах немало способствовало росту национализма в республиках путем прямого знакомства с источниками на родных языках (или через арабский и персидский), свидетельствовавших об исторической «древности» и «величии» того или иного народа.

Как ни парадоксально, этому процессу способствовала марксистская методология, которую использовали адепты будущего национализма. Кроме того, при изучении и трактовке собственной истории ученые из Средней Азии столкнулись с дихотомией национального и регионально-

го. В качестве примеров автор приводит судьбу этнической интерпретации таких фигур, как Аль-Фараби (казахский или узбекский) или Бируни (узбекский или таджикский) и т.д. В конечном счете все решала Москва. Но этот процесс способствовал формированию (наряду с национальной) и региональной идентичности. Как ученик С. Кляшторного С. Бустанов в споре между ориенталистами-эмигрантами и Ю. Брегелем — мэтром советской этнографии занял позицию в стане первых. Книга А. Бустанова интересна тем, что сам автор некогда принадлежал к востоковедной среде, будучи выходцем из национальной (татарской) среды и лично участвовал в этом процессе [36].

Среди работ, посвященных международной проблематике, следует назвать исследование Й. Энгвела и С. Корнелла «Роль Казахстана в международных организациях (2015) [37]. Авторы достаточно подробно описывают историю вхождения республики в систему международных отношений и различные организации. Большое внимание при этом они уделяют многочисленным инициативам Казахстана: СВМДА, Съезду мировых религий и др. Эти инициативы составили содержание первого направления внешней политики РК; ко второму авторы относят евразийскую интеграцию. И, наконец, третье направление внешней политики Астаны подразумевает участие и отношения с разнообразными мировыми игроками и институтами: ЕС, НАТО, ВТО, АСЕМ, Всемирный банк, МВФ и т.д. Как отдельный успех рассматривается председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 г. Его может повторить, по мнению исследователей, вхождение на два года в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН (если оно, конечно, состоится).

Авторы отмечают, что успех внешней политике Казахстана принесла доктрина многовекторности, обеспечив ей гибкость и разнообразие выбора в отличие от, например, Узбекистана, который своей ставкой на стратегическое партнерство неоднократно загонял себя в тупик. Выгоды многовекторности также наглядно проявились во вхождении в многочисленные международные организации. Однако с реализацией евразийского проекта В. Путина и созданием ЕАЭС казахстанской многовекторной политике был брошен реальный вызов, считают исследователи. Цементирующим фактором для единства Казахстана и России стали события на Ближнем Востоке, связанные с угрозой, исходящей от ИГИЛ. Помимо этого, из-за событий на Украине казахстанская многовекторная политика оказалась в деликатном положении. Таким образом, делают вывод авторы, для некогда процветающей многовекторной политики Казахстана наступил период сделать вынужденную интерлюдия (перерыв).

Большую группу составляют исследования последних лет, посвященные Узбекистану. Работа Ирен Хильгерс «Почему узбеки должны

быть мусульманами?» (2009) затрагивает широкий комплекс вопросов, связанных с ролью ислама в постсоветском Узбекистане. Затронутая ею тема касается истории, культурных традиций, этнографии и политики [38]. Монография Лауры Адамс «Постановочное государство: культура и национальная идентичность в Узбекистане» (2010) рассматривает особенности формирования новой идентичности постсоветского Узбекистана. В книге используется исторический и культурологический материал для иллюстрации протекающего политического процесса [39].

К числу специализированных изданий относится работа Софи Хоманн «Власть и здоровье в Узбекистане: от русской колонизации до постсоветской трансформации» (2014). Автор, давно работающая на стыке истории и этнографии, поставила своей задачей показать в сравнении состояние систем здравоохранения в Узбекистане в различные эпохи. Однако критика упрекала С. Хоманн в чрезмерном увлечении этнографией (традиционной системой лечения табибов) в ущерб реальному изучению советского вклада в развитие здравоохранения в республике и ее неизбежной деградации в постсоветскую эпоху [40].

В 2014 г. Сиракузский университет опубликовал работу С. Пешковой, написанную на базе полевых исследований в Ферганской долине, «Женщины, ислам и идентичность: публичная жизнь в частном пространстве узбекского общества». Следует отметить, что в работе имеется социо-исторический анализ местного общества. В результате исследования автор сделала попытку расшифровать социальные коды и мировоззренческие установки ферганских женщин [41].

В свою очередь, издательство «Лексингтон» выпустило в 2014 г. работу узбекской исследовательницы З. Турсуновой «Жизнь и источники существования женщин в постсоветском Узбекистане». Книга описывает роль женщин в социальной, экономической и духовной жизни в сельской местности республики. Книга готовилась в рамках проекта ЮНЕСКО по Хорезмской и Ташкентской областям. По мнению критики, исследование представляет интерес для современной этнографии и социологии тем, что показывает выработку сельскими женщинами своеобразной «стратегии выживания», а также роль ислама в семье. В качестве критических замечаний работа вызвала нарекания за идеализацию дореволюционного уклада жизни и необъективные идеологизированные в духе современного узбекского официоза нападки на модернизацию советской эпохи. Но в целом книга рисует достаточно полную картину жизни современной сельской узбекской женщины — опоры и зачастую кормилицы семьи [42].

Работа Й. Шмоллера «Мотивация в жизни молодых узбекских мужчин» также носит социологический характер и близка по тематике к предшествующему исследованию. Данная работа — результат наблюдений

автора в 2008—2010 гг. за повседневной жизнью, работой и карьерами молодых людей, жителей Ташкента в возрасте от 20—35 лет [43].

В том же году увидело свет монографическое издание П. Финке «Вариации узбекской идентичности», в котором автор рассматривает широкий исторический контекст и влияние на процесс формирования узбекской идентичности монгольской, тимуридской, царской и советской эпох. При этом Финке различает узбекскую и таджикскую идентичности, не синтезируя их в рамках некой «узбекистанской» идентичности. Критики данного издания отмечают тот момент, что Финке делает умозаключения лишь относительно тех регионов, где ему удалось побывать лично во время полевых исследований [44].

Жизни узбекской общины в Ошской области Кыргызстана посвящено исследование Моргана Лю «Под тронном Соломона» (2012). В работе рассматриваются межэтнические отношения между узбеками и киргизами, крайне осложненные известными событиями в 2010 г., а также широкий спектр вопросов, связанных с дальнейшим сохранением этнической идентификации узбекской общины в непростых условиях [45].

Переходя к изучению Кыргызстана, можно назвать ряд исследований на стыке востоковедения и политологии. Серьезные проблемы, связанные с клановым устройством киргизского общества, что имеет прямое отношение к историко-этнографической проблематике востоковедного характера, поднимаются в работе Д. Гуллита «Генеалогическое устройство Киргизской Республики: родство, государство и «трайбализм». Автор поставил себе целью показать истинную роль кланов в политической жизни Кыргызстана. При этом Гуллит открыто оппонирует концепциям К. Коллинс (2006) и Э. Шатца (2004). То есть исследователь отделяет собственно генеалогию и систему родства в форме традиции от политических связей как таковых [46]. Социологические проблемы затрагиваются также в работе А. Деюнга «Утраченный переход», посвященной изменению статуса университетского образования в постсоветской Киргизии [47].

Книга А. Иджмена «Говоря по-советски с акцентом: культура и власть в Киргизстане» (2012) посвящена формированию раннесоветской киргизской идентичности [48]. Заслуживает внимания также работа и С. Кирмзе, посвященная религиозному влиянию на молодежь современного Кыргызстана. Исследование базируется на полевых исследованиях в Ошской области. Автор подчеркивает, что, несмотря на трагические события 2010 г., в молодежной среде сохранились доброжелательные межэтнические отношения [49]. В аналогичном ключе описываются современные события в Кыргызстане в книге П. Стобдана «Демократия, нестабильность и стратегическая игра в Киргизстане» [50].

Крупное исследование немецкого ученого Матиаса Шмидта «Человек и окружающая среда в политической экологии Киргизстана в постколониальном и постсоциалистическом контексте» (2013) посвящено не только экологическим проблемам, но также и экономическим и этнографическим (изучение эволюции альпийского полуномадизма в горах Тянь-Шаня). Хронологически Шмидт рассматривает значительный исторический период (с 1880-х гг. до современности) [51].

Работа турецких авторов П. Акджали и Э. Дженнета «Политика, идентичность и образование в постсоветском Киргизстане» (2014) рассматривает три указанных проблемы в комплексе. Акцент также делается на роли зарубежного образования (в частности, турецкого) на формирование новой идентичности молодежи Центральноазиатского региона, в первую очередь киргизской [52].

* * *

Весь комплекс вопросов ставится в той или иной форме — когда открыто, когда в закамуфлированной форме — в обширной политологической литературе, которую мы попытались отразить в наших обзорах. Основная проблема состоит в ответе на вопросы: Какая судьба ждет народы Центральной Азии? По какой парадигме и по каким векторам они будут развиваться, вернуться ли они в некое новое евразийское образование? Как глубоко зайдут процессы демодернизации? Какую модель политического и социально-экономического устройства выберут для сохранения своей культурно-этнической идентичности и просто физического выживания своего населения (увы, в некоторых республиках вопрос стоит именно в такой плоскости) новые режимы, уже стучащиеся в дверь политического процесса?

К сожалению, западная политология, заикленная на геополитической проблематике, или не может, или же не хочет (что, скорее всего, больше похоже на правду) правдиво отвечать на эти сложнейшие вопросы. Поэтому искать ответы придется нам самим, то есть местным ученым и политологам. В этой связи как никогда важно опереться на опыт предшествующей академической науки. Надеемся, что пусть и не полный обзор достижений мировой ориенталистики послужит нам всем подспорьем в определении исторической судьбы и места на планете казахов и других народов — исчезнувших и существующих — Центральной Евразии.

Список литературы

1. История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). Часть IV. Востоковедение и политология в контексте изучения Центральной Азии. Астана: КИСИ, 2016. 392 с.
2. *Starr S.F.* Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane. Princeton: Princeton University Press, 2013. XXXII+696 pp.
3. *Olcott M.B.* In the Whirlwind of Jihad. Washington, DC: Carnegie Endowment, 2012. XIV+415 pp.
4. *Manz B.* (ed.). Central Asia in Historical Perspective. Boulder (Co): Westview Press, 1998. X+245 pp.
5. *Roux J.-P.* L'Asie centrale. Histoire et civilisations. Paris: Fayard, 1997. 520 p.
6. *Whitlock M.* Beyond the Oxus. The Central Asians. London: John Murrey, 2002. 290 p.; *Whitlock M.* Land beyond the River: the Untold Story of Central Asia. New York: Thomas Dunne, 2003.
7. *Hiro D.* Inside Central Asia. A Political and Cultural History of Uzbekistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkey, and Iran. New York, London: Overlook Duckworth, 2009.
8. *Frank A.J.* Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, Education and the Paradox of Islamic Prestige. Leiden: Brill, 2012. VII+215 pp.
9. *Cooper A.E.* Bukharian Jews and the Dynamics of Global Judaism. Bloomington: Indiana University Press, 2012. XXIV+305 pp.
10. *Sartori P.* (ed.) Explorations in the Social History of Modern Central Asia (19th — early 20 Century). Leiden: Brill, 2013. XIII+333 pp.
11. *Welsford Th.* Four Types of Loyalty in Early Modern Central Asia: the Tukay-Timurid takeover of Greater Ma Wara al-nahr, 1598—1605. Leiden: Brill, 2013. XX+365 pp.
12. *Nilüfer A.* Becoming Muslim in Imperial Russia: conversion, apostasy and literacy. Ithaca, London: Cornell University Press, 2014. XV+289 pp.
13. *Honeychurch W.* Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archeology, Mobility and Culture. New York: Springer Science, 2015. XI+321 pp.
14. *Thurbon C.* The Lost Heart of Asia. New York: Harper Perennial, 2008 (1994). 400 p.
15. *Xinru Liu.* The Silk Road in World History (The New Oxford World History). Oxford: Oxford University Press, 2010. 154 p.
16. *Golden P.B.* Central Asia in World History. Oxford: Oxford University Press, 2011. X+178 pp.
17. *Abazov R.* The Palgrave Concise Historical Atlas of Central Asia. New York: Palgrave Macmillan, 2008. XVII+124 pp.
18. *Beckwith C.I.* The Empires of the Silk Road. A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Oxford, Princeton: Princeton University Press, 2009. XXV+504 pp.
19. *Millward J.* The Silk Road: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2013. 160 p.
20. *Folitz R.* Religions of the Silk Road: Premodern Patterns of Globalization. New York: Palgrave, 2010. 139 p.
21. *Baumer Ch.* The History of Central Asia, Volume 1: the Age of the Steppe Warriors. London, New York, 2012. 384 p.
22. *Green N.* (ed.) Writing Travel in Central Asian History. Bloomington: Indiana University Press, 2014. IX+220 pp.
23. *Шпапенюх Д.* Новая концепция истории ЦА: великое прошлое с намеком на настоящее // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии (ЛатУК, Москва) 2015. N 3. С. 44—49.
24. *Hopkirk P.* The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. New York, London: Kodansha Globe. 1992. 542 p.
25. *Sergeev S.* The Great Game 1856—1907: Russo-British relations in Central and East Asia. Washington, DC: Johns Hopkins University Press, 2013. XIX+552 pp. Рус. изд.: *Сергеев Е.* Большая игра, 1856—1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: КМК, 2012. 454 с.
26. *Minassian T.T.* Most Secret Agent of Empire: Reginald Teague-Jones, Master Spy of the Great Game. London: Hurst, 2014. XIII+273 pp.
27. Looking Forward: Kazakhstan and the United States. *S.F. Starr, B. Sultanov, S.E. Wimbush, F. Kukeyeva, S.E. Cornell, As. Nursha.* Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program — A Joint Transatlantic Research and Policy Center, 2014. 52 p.
28. *Starr S.F., Cornell S., Norling N.* The EU, Central Asia, and the Development of Continental Transport and Trade. Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2015. 64 p.

29. *Denoon D.* China, US and Future of Central Asia. New York: New York University Press, 2015.
30. *Isaacs R.* Party system formation in Kazakhstan: between formal and informal politics. London, New York: Routledge, 2011. XV+218 pp.
31. *Piancola N., Sartory P.* (eds.) Islam, society and states across the Qazaq Steppe (18th — early 20th centuries). Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2013. 352 S.
32. *Uyama T.* Asiatic Russia: imperial power in regional and international contexts. London: Routledge, 2012. XIII+296 pp.
33. *Malikov Y.* Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteen and Nineteenth Centuries. Berlin: Klaus Schwarz verlag, 2011. 321 p.
34. *Stark S., Rubinson R.S.* (eds.) Nomads and networks: the Ancient Art and Culture of Kazakhstan. Princeton: Princeton University Press, 2012. 200 p.
35. *Teissier B.* (ed.) Into the Kazakh Steppe: John Castle's Mission to Khan Abulkhair (1736). Oxford: Signal Book, 2014. XIV+196 pp.
36. *Bustanov A.* Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. London, New York: Routledge, 2014. XXIV+144 pp.
37. *Engvall J., Cornell S.E.* Asserting Statehood: Kazakhstan's Role in International Organizations. Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2015. 73 p.
38. *Hilgers I.* Why do Uzbeks have to be Muslims? Exploring Religiosity in the Ferghana Valley. Berlin: Lit Verlag, 2009. 151 p.
39. *Adams L.L.* The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan. Durham, London: Duke University Press, 2010. 242 p.
40. *Hohmann S.* Pouvoir et santé en Ouzbékistan: De la colonisation russe aux transformations post-soviétiques. Paris: PETRA, 2014. 321 p.
41. *Peshkova S.* Women, Islam, and identity: public life in private spaces in Uzbekistan. Syracuse, New York: Syracuse University Press, 2014. VIII+352.
42. *Tursunova Z.* Women's lives and livelihoods in post-Soviet Uzbekistan: ceremonies of empowerment and peacebuilding. New York., London: Lexington Books, 2014. 48 p.
43. *Schmoller J.* Achieving a career, becoming a master. Aspirations in the lives of young Uzbek men. Studien zum Modernen Orient N 26. Berlin: Klaus Schwarz, 2015. 238 pp.
44. *Finke P.* Variations on Uzbek Identity: Strategic Choices, Cognitive Schemas and Political Constrains in Identification Process. Oxford: Berghahn, 2014. XV+271 pp.
45. *Liu M.* Under Solomon's Throne: Uzbek Visions of Renewal in Osh. Pittsburg: Pittsburg University Press, 2012. 280 p.
46. *Gullette D.* The Genealogical Construction of the Kyrgyz Republic: Kinship, State and "Tribalism". Folkenstone: Global Oriental, 2010. XII+219 pp.
47. *DeYoung A.J.* Lost Transition: redefining Students and Universities in the Contemporary Kyrgyz republic. Charlotte (NC): Information Age Publisher, 2010. XIV+171 pp.
48. *Igmen A.* Speaking Soviet with an accent: Culture and Power in Kyrgyzstan. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2012. XI+236 pp.
49. *Kirmse S.B.* Youth and globalization in Central Asia: everyday life between religion. Frankfurt, New York: Campus Verlag, 2013. 377 p.
50. *Stobdan P.* Central Asia: democracy, instability and strategic game in Kyrgyzstan. New Delhi: Pentagon Press, 2014. 276 p.
51. *Schmidt M.* Mensch und Umwelt in Kirgistan Politische Ökologie im postkolonialen und postsozialistischen Kontext. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2013. 400 S.
52. *Akcali P., Cennet E.-D.* Politics, Identity and Education in Central Asia: Post-Soviet Kyrgyzstan. London, New York: Routledge, 2014.

Литература

Полагаем рекомендовать дополнительную литературу (помимо процитированной в ходе статьи) за исследуемый период (и даже несколько шире) по Центральной Азии и отдельным странам региона, возникшую на стыке востоковедения и политологии благодаря пересечению самых различных дисциплин: этнографии, этнологии, языкознания, социологии, исламоведения и др. Проблематика включает в себя важные (с точки зрения востоковедения) процессы как социальная трансформация и эволюция традиционного общества и клановой системы, реисламизация, демодернизация, урбанизация и рурализация и т.д.

Центральная Азия

- Ahrens J., Hoen H.W. Institutional reform in Central Asia: politico-economic challenges. New York: Routledge, 2013. 290 p.
- Akyildiz S., Carlson R. (eds.) Social and cultural change in Central Asia: the Soviet legacy. London, New York: Routledge, 2014. XI+201 pp.
- Bandey Aijaz A., Ahmad Rather Farooq. Socio-economic and political motivations of Russian out-migration from Central Asia // Journal of Eurasian Studies. 2013. Vol. 4. Issue 2. Pp. 146—153.
- Berdikeyeva S. Organized Crime in Central Asia: A Threat Assessment // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). 2009. Volume 7. N 2. Pp. 75—100.
- Bodio T., Jakubowski W., Zalenski P. (eds.) Azja Centralna — problemy historii i wspolczesnosci. Pultusk: Pismo Edukacyjne, 2007. 376 s.
- Bodio T., Moldawa T. Konstytucje panstw Azji Centralnej. Tradycje i wspolczesnosci. Warszawa: IPS UW, 2007. 607 s.; Bodio T., Moldawa T. Constitutional Reforms in Central Asian States. Warszawa: IPS UW, 2008. 350 s.
- Bodio T., Zalenski P. Elites of Power in Central Asia. Warszawa: IPS UW, 2008.
- Central Asia: Islamists in Prison, Asia Briefing N 97. 15 December 2009. Bishkek/Brussels: ICG, 2009.
- Coolley A., Sharman J.C. Blurring the line between licit and illicit: transnational corruption networks in Central Asia and beyond // Central Asian Survey. 2015 (Oxford). Vol. 34. Issue 1. Pp. 11—28.
- Cummings S. Understanding Central Asia: Politics and Contested Transformation. London: Routledge, 2012.
- Dudoignon S.A., Noak C. Allah's kolkhozes: migration, de-Stalinisation, privatisation and the new Muslim congregations in the Soviet realm (1950s—2000s). Berlin: Klaus Schwartz Verlag, 2014. 540 S.
- Edelstein M. (ed.) Disaster by Design; the Atal Sea and its Lessons for Sustainability. Bingley: Emerald, 2012.
- Ferrando O. Central Asian States and their co-ethnic Minorities abroad: from diasporic Policies to Repatriation Programmes // Международные исследования. Общество, политика, экономика (ИСПИ, Астана). 2009. N 1. С. 12—26.
- Freedman E. Authoritarian Regimes, Muslims' Religious Rights in Central Asia, and Lack of Foreign Press Coverage of Rights Violations // Central Asia and Caucasus (Lulea, Sweden). 2010. N 1. Pp. 146—157.
- Gullette D. Theories on Central Asian factionalism: the debate in political science and its wider implications // Central Asian Survey (Oxford). 2007. Vol. 26. Issue 3. Pp. 373—387.
- Hohmann S., Mouradian C., Sernano S., Thorez J. Developments in Central Asia and the Caucasus: Migration, Democratization and Inequality in the Post-Soviet Era. London: Tauris, 2014.
- Kim G. Ethnic Entrepreneurship of Koreans in the USSR and Post Soviet Central Asia. Tokyo: Institute of Developing Economies, 2009. V+91 pp. (V.R.F. Series N 445).
- Kirmse S.B. Youth and globalization in Central Asia: everyday life between religion. Frankfurt, New York: Campus Verlag, 2013. 377 p.
- Laruelle M., Peyrouse S., Asie centrale, la dérive autoritaire. Cinq républiques entre héritage soviétique, dictature et islam. Paris: Autrement/CERI, 2006.
- Laruelle M. (ed.) Migration and social upheaval as the face of globalization in Central Asia. Leiden, Brill, 2013. 413 p.
- Marat E. Labor Migration in Central Asia: Implications of the Global Economic Crisis. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Washington, D.C.: Johns Hopkins University-SAIS, 2009. 48 p.
- McGlinchey E. Chaos, Violence, Dynasty. Politics and Islam in Central Asia. Pittsburgh (Pa): Pittsburgh University Press, 2011. XIV+216 pp.
- Migration and Social Upheaval as the Face of Globalization in Central Asia. Ed. by M. Laruelle. Leiden, Boston: Brill, 2013. VIII+ 414 pp.
- Omelicheva M. (ed.) Nationalism and identity construction in Central Asia: Dimensions, dynamics, and directions. London: Lexington Books, 2014.
- Peyrouse S. The Multiple Paradoxes of the Agriculture Issue in Central Asia. EUCAM Working Paper N 6. Bruxelles: EUCAM, 2009. 14 p.
- Reeves M. (ed.) Ethnographies of the state in Central Asia: performing politics. Bloomington: Indiana Press, 2013. 322 p.
- Reeves M. Border work: spatial lives of the state in rural Central Asia. Ithaka, N.Y.: Cornell University Press, 2014. XIV+292 pp.
- Rustemova A. Political economy of Central Asia: Initial reflections on the need for a new approach // Journal of Eurasian Studies 2011. N 1. Pp. 30—39.
- Roberts K. Post-Communist youth: is there a Central Asian pattern? // Central Asian Survey (Oxford). 2010. Vol. 29. Issue 4. Pp. 537—549.
- Schöder Ph. Urban spaces and lifestyles in Central Asia and beyond: an introduction // Central Asian Survey. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 2. Pp. 145—156.
- Sevket A., Carlson R. Social and Cultural Change in Central Asia: the Soviet Legacy. London, New York: Routledge, 2013.

- Shishkin Ph.* Central Asia's Crisis of Governance. Washington, DC: Asia Society, 2012. 40 p.
- La situation de la gobernanza en Asia Central. Coordinada pro *G.M. Tabener, E. Soms Bach*. Madrid: Casa Asia, 2009. 101 p.
- Starr S.F.* (ed.). Ferghana Valley. The Heart of Central Asia. Armonk, New York, London: M.E. Sharpe, 2011. XX+442 pp.
- Tian Guang, M. Ranjan.* Debata Identity and Mobilization in Transnational Societies: A Case Study of Uyghur Diasporic Nationalism // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2010. Vol. 8. N. 4. Pp. 59—78.
- Urban spaces and lifestyles in Central Asia and beyond. Special Issue // Central Asian Survey. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 3.
- White Kristopher D.* Nature-society linkages in the Aral Sea region // Journal of Eurasian Studies. 2013. Vol. 4. Issue 1. Pp. 18—33.

Казахстан

- Alicheva-Hirny B.* Kazakhs independents mais fidèles // Outre-terre. 2006. N 16. Pp. 321—327.
- Botschaft des Präsidenten der Republik Kasachstan Nursultan Nasarbajew an das Volk Kasachstans "Durch die Krise zu Erneuerung und Entwicklung". Berlin, 2009. 16 S.
- Chatterjee S.* Post-Soviet Kazakhstan. Trajectories of a Cosmopolitan Space // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2016. N 1. Pp. 52—57.
- Davé B.* Keeping labour mobility informal: the lack of legality of Central Asian migrants in Kazakhstan // Central Asian Survey. 2014 (Oxford). Vol. 33. Issue 3. Pp. 346—359.
- Isaacs R.* Party system formation in Kazakhstan: between formal and informal politics. London, New York: Routledge, 2011. XV+218 pp.
- Jäger Philipp Frank.* Flows of oil, flows of people: resource-extraction industry, labour market and migration in western Kazakhstan // Central Asian Survey. 2014 (Oxford). Vol. 33. Issue 4. Pp. 500—516.
- Jäger Ph.F.* Where the whole city meets: youth, gender and consumerism in the social space of the MEGA shopping mall in Aktobe, western Kazakhstan // Central Asian Survey. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 2. Pp. 178—194.
- Kim G.* Nursultan Nazarbayev and Kazakhstan Model of Inter-Ethnic Relations and Religious Tolerance // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2011. N 2. Pp. 52—56.
- Komarov O.* Sociological Analysis of the State Language Policy Realization in Astana // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2014. N 3. Pp. 37—49.
- Kudaibergenova Diana T.* The ideology of development and legitimation: beyond 'Kazakhstan 2030' // Central Asian Survey. 2015 (Oxford). Vol. 34. Issue 4. Pp. 440—455.
- Kusainov D., Nurov M.* Specifics and Some Problems in Regulating the Legal Status of Religious Associations in Kazakhstan // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2013. N 2. Pp. 45—48.
- Laumulin M.T.* The Cultural and Social Evolution of the Kazakhs in Modern Period // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2008. N 3. Pp. 32—40.
- Laumulin M.T.* Economic Evolution of Post-Soviet Kazakhstan // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2009. N 2. Pp. 34—40.
- Laumulin M.T.* La evolución económica y social del Kazajstan postsoviético // La situación de la gobernanza en Asia Central. Coordinada pro *G.M. Tabener, E. Soms Bach*. Madrid: Casa Asia, 2009. Pp. 26—43.
- Nukenov A.* Government and Civil Society in Kazakhstan: Maturity and Responsibility Line // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2011. N 2. Pp. 58—60.
- Oka N.* Informal payments and connections in post-Soviet Kazakhstan // Central Asian Survey. 2015 (Oxford). Vol. 34. Issue 3. Pp. 330—340.
- Osmonova K.* Experiencing liminality: housing, renting and informal tenants in Astana // Central Asian Survey. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 2. Pp. 237—256.
- Peyrouse S.* Security Sector Reform in Kazakhstan // Security Sector Reform in Central Asia: Exploring Needs and Possibilities. Ed. by M. Hartog. Groningen: CESS, 2010. Pp. 19—26.
- Sakal H.B.* Natural resource policies and standard of living in Kazakhstan // Central Asian Survey. 2015 (Oxford). Vol. 34. Issue 2. Pp. 237—254.
- Saktaganova Z., Ospanova D.* Strengthening the Non-Governmental Sector in the Republic of Kazakhstan as the Most Essential Element in the Process of Civil Society Formation // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2013. N 2. Pp. 49—53.
- Salhani C.* Islam without a Veil. Kazakhstan's Path of Moderation. Washington, DC: Potomac Books, 2011. XV+203 pp.
- Satpayev D., Umbetaliyeva T.* The protests in Zhanaozen and the Kazakh oil sector: Conflicting interests in a rentier state // Journal of Eurasian Studies. 2015. Vol. 6. Issue 2. Pp. 122—129.
- Sharipova D.* State retrenchment and informal institutions in Kazakhstan: people's perceptions of informal reciprocity in the healthcare sector // Central Asian Survey. 2015 (Oxford). Vol. 34. Issue 3. Pp. 310—329.
- Seidumanova M.* Startups of Kazakhstan: Current Status, Problems and Opportunities for Development // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2013. N 4. Pp. 19—25.

Thomas M. Social, environmental and economic sustainability of Kazakhstan: a long-term perspective // *Central Asian Survey*. 2015 (Oxford). Vol. 34. Issue 4. Pp. 456—483.

Vielmini F. Kazakhstan 2013—2014: surviving internale difficulties, facing external challenges // *Asia Maior XXV*, 2014 “Engaging China/Containing China” by M. Torri and N. Mocci (eds.). Bologna: I libri di Emil, 2015. Pp. 417—450.

Wierzbicki A. Ethno-politics in Kazakhstan and other Countries of Turkic Community in Central Asia. Warszawa: IPS UW, 2008.

Yerzhanova F. The Features, Problems and Perspectives of Corporate Social Responsibility in Kazakhstan // *Central Asia's Affairs (Almaty, KazlSS)*. 2012. N 1. Pp. 28—44.

Zalenski P. Elity władzy politycznej Kazachstanu. Warszawa: IPS UW, 2006. 310 s.

Узбекистан

Adams Laura L. Ethnicity and the politics of heritage in Uzbekistan // *Central Asian Survey*. 2003 (Oxford). Vol. 32. Issue 2. Pp. 115—133.

Bhat B. Cotton Cultivation and Child Labor in Post-Soviet Uzbekistan. Lanham (MD), Boulder (CO): Lexington Books, 2015.

Dadabaev T. How does transition work in Central Asia? Coping with ideological, economic and value system changes in Uzbekistan // *Central Asian Survey (Oxford)*. 2007. Vol. 26. Issue 3. Pp. 407—428.

Dadabaev T. Community life, memory and a changing nature of mahalla identity in Uzbekistan // *Journal of Eurasian Studies*. 2013. Vol. 4. Issue 2. Pp. 181—196.

Daly J.C. K. Rush to Judgment: Western Media and the 2005: Andijan Violence. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. 82 p.

Hartman J.W. The May 2005 Andijan Uprising: What We Know. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. 65 p.

Hohmann S. National Identity and Invented Tradition: The Rehabilitation of Traditional Medicine in Post-Soviet Uzbekistan // *The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm)* 2010. Vol. 8. N. 3 (Special Issue: Turkmenistan). Pp. 129—148.

Kikuta Haruka. Remittances, rituals and reconsidering women's norms in mahallas: emigrant labour and its social effects in Ferghana Valley // *Central Asian Survey*. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 1. Pp. 91—104.

Köchümkulova T. Religion is not so strong here': Muslim religious life in Khorezm after socialism // *Central Asian Survey (Oxford)*. 2009. Vol. 28. Issue 3. Pp. 337—339.

Laruelle M. National narrative, ethnology, and academia in post-Soviet Uzbekistan // *Journal of Eurasian Studies*. 2010. Vol. 1. Issue 2 (July). Pp. 102—110.

Megoran N. Author-Critic forum: 'Radical Islam in Central Asia' // *Central Asian Survey (Oxford)*. 2007. Vol. 26. Issue 1. Pp. 141—154.

Peshkova S. Teaching Islam at a home school: Muslim women and critical thinking in Uzbekistan // *Central Asian Survey*. 2014 (Oxford). Vol. 33. Issue 1. Pp. 80—94.

Rasanayagam J. The politics of culture and the space for Islam: Soviet and post-Soviet imaginaries in Uzbekistan // *Central Asian Survey*. 2014 (Oxford). Vol. 33. Issue 1. Pp. 1—14.

Trevisani N. Modern weddings in Uzbekistan: ritual change from 'above' and from 'below' // *Central Asian Survey*. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 1. Pp. 61—75.

Tunçer-Kılavuz İ. Political and social networks in Tajikistan and Uzbekistan: 'clan', region and beyond // *Central Asian Survey (Oxford)*. 2009. Vol. 28. Issue 3. Pp. 323—334.

Кыргызстан

Akiner Sh. Kyrgyzstan 2010: Conflict and Context. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. 142 p.

Amsler S. Life at the edge of the empire: oral histories of Soviet Kyrgyzstan // *Central Asian Survey (Oxford)*. 2009. Vol. 28. Issue 4. Pp. 438—440.

Beyer J. Ordering ideals: accomplishing well-being in a Kyrgyz cooperative of elders // *Central Asian Survey (Oxford)*. 2013. Vol. 32. Issue 4. Pp. 432—447.

Botoeva A., Spector R.A. Sewing to satisfaction: craft-based entrepreneurs in contemporary Kyrgyzstan // *Central Asian Survey (Oxford)*. 2013. Vol. 32. Issue 4. Pp. 487—500.

Botoeva G. The monetization of social celebrations in rural Kyrgyzstan: on the uses of hashish money // *Central Asian Survey*. 2015 (Oxford). Vol. 34. Issue 4. Pp. 531—548.

Bugazov A. Socio-Cultural Characteristics of Civil Society Formation in Kyrgyzstan. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2013. 135 p.

Cummings S.N. Domestic and International Perspectives on Kyrgyzstan's 'Tulip Revolution': Motives, Mobilization and Meanings. Introduction: 'Revolution' not revolution // *Central Asian Survey (Oxford)*. 2008. Vol. 27. Issue 3—4. Pp. 223—228.

- Cummings S.N., Ryabkov M.* Situating the 'Tulip Revolution' // *Central Asian Survey* (Oxford). 2008. Vol. 27. Issue 3—4. Pp. 241—252.
- DeYoung A.J.* Embracing globalization: university experiences among youth in contemporary Kyrgyzstan // *Central Asian Survey* (Oxford). 2010. Vol. 29. Issue 4. Pp. 421—434.
- DeYoung A.J.* Lost Transition: redefining Students and Universities in the Contemporary Kyrgyz republic. Charlotte (NC): Information Age Publisher, 2010. XIV+171 pp.
- DeYoung Alan, Zholdoshalieva Rakhat, Zholdoshalieva Umot.* Creating and contesting meanings of place and community in the Ylay Talaa Valley of Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. 2013 (Oxford). Vol. 32. Issue 2. Pp. 161—174.
- Dubuisson E.-M.* Kirgistan: Ein Bildband über Talas — A Photoethnography of Talas // *Central Asian Survey* (Oxford). 2009. Vol. 28. Issue 4. Pp. 431—433.
- Engvall J.* Flirting with State Failure: Power and Politics in Kyrgyzstan since Independence. A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2011. 101 p.
- Gullette D.* The Genealogical Construction of the Kyrgyz Republic: Kinship, State and "Tribalism". Folkenstone: Global Oriental, 2010. XII+219 pp.
- Hardenberg R.* Collective, communicative and cultural memories: examples of local historiography from northern Kyrgyzstan // *Central Asian Survey* (Oxford). 2012. Vol. 31. Issue 3. Pp. 265—276.
- Isabaeva E.* Leaving to enable others to remain: remittances and new moral economies of migration in southern Kyrgyzstan // *Central Asian Survey* (Oxford). 2011. Vol. 30. Issue 3—4. Pp. 541—554.
- Ismailbekova F.* Migration and patrilineal descent: the role of women in Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. 2014 (Oxford). Vol. 33. Issue 3. Pp. 375—389.
- Schröder Ph.* Avoidance and appropriation in Bishkek: dealing with time, space and urbanity in Kyrgyzstan's capital // *Central Asian Survey*. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 2. Pp. 218—236.
- Khamidov Alisher.* The lessons of the 'Nookat events': central government, local officials and religious protests in Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. 2003 (Oxford). Vol. 32. Issue 2. Pp. 148—160.
- Kirmse S.B.* Leisure, business and fantasy worlds: exploring donor-funded 'youth spaces' in southern Kyrgyzstan // *Central Asian Survey* (Oxford). 2009. Vol. 28. Issue 3. Pp. 289—301.
- Kirmse S.B.* In the marketplace for styles and identities: globalization and youth culture in southern Kyrgyzstan // *Central Asian Survey* (Oxford). 2010. Vol. 29. Issue 4. Pp. 389—403.
- Liu M.* Under Solomon's Throne: Uzbek Visions of Renewal in Osh. Pittsburg: Pittsburg University Press, 2012. 280 p.
- Murzaeva D., Akçali P.* General perceptions of a good political leader in Kyrgyzstan // *Journal of Eurasian Studies*. 2013. Vol. 4. Issue 1. Pp. 47—54.
- The Pogroms in Kyrgyzstan, Asia Report N 193. 23 August 2010. Bishkek/Brussels: ICG, 2010.
- Radford D.* Contesting and negotiating religion and ethnic identity in Post-Soviet Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. 2014 (Oxford). Vol. 33. Issue 1. Pp. 15—28.
- Ramas R.R.* Parental informal payments in Kyrgyzstani schools: Analyzing the strongest and the weakest link // *Journal of Eurasian Studies*. 2016. Vol. 7. Issue 2. Pp. 205—219.
- Ryabkov M.* The north-south cleavage and political support in Kyrgyzstan // *Central Asian Survey* (Oxford). 2008. Vol. 27. Issue 3-4. Pp. 301—316.
- Ruget V., Usmanalieva B.* Citizenship, migration and loyalty towards the state: a case study of the Kyrgyzstani migrants working in Russia and Kazakhstan // *Central Asian Survey* (Oxford). 2008. Vol. 27. Issue 2. Pp. 129—141.
- Sabi M.* Awareness and perceptions of Islamic microfinance among microfinance clients in Kyrgyzstan and Tajikistan // *Central Asian Survey*. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 1. Pp. 26—37.
- Schröder Ph.* 'Urbanizing' Bishkek: interrelations of boundaries, migration, group size and opportunity structure // *Central Asian Survey* (Oxford). 2010. Vol. 29. Issue 4. Pp. 453—467.
- Schröder Ph.* Avoidance and appropriation in Bishkek: dealing with time, space and urbanity in Kyrgyzstan's capital // *Central Asian Survey*. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 2. Pp. 218—236.
- Shigaeva J., Kollmair M., Niederer P., Maselli D.* Livelihoods in transition: changing land use strategies and ecological implications in a post-Soviet setting // *Central Asian Survey* (Oxford). 2007. Vol. 26. Issue 2—3. Pp. 389—406.
- Shishkin Ph.* Restless Valley: Revolution, Murder and Intrigue in the Heart of Central Asia. New Haven, London: Yale University Press, 2013. XI+316 pp.
- Zhaparov A.* The Issue of Chinese Migrants in Kyrgyzstan // *The China and Eurasia Forum Quarterly* (ISDP, Stockholm) 2009. Vol. 7. N 1. Pp. 79—92.
- Williams N.W.* Observing protest: media use and student involvement on 7 April 2010 in Bishkek, Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. 2015 (Oxford). Vol. 34. Issue 3. Pp. 373—389.
- Women and Radicalisation in Kyrgyzstan, Asia Report N 176. 3 September 2009. Bishkek/Brussels: ICG, 2009.

Таджикистан

Cleuziou J. 'A second wife is not really a wife': polygyny, gender relations and economic realities in Tajikistan // *Central Asian Survey*. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 1. Pp. 76—90.

Latypov A. Revisiting Female Suicide in Muslim Tajikistan: Religious, Cultural, and Public Health Perspectives // *The China and Eurasia Forum Quarterly* (ISDP, Stockholm). 2009. Vol. 7. N 3. Pp. 31—62.

Mitchell J. Civilian victimization during the Tajik civil war: a typology and strategic assessment // *Central Asian Survey*. 2015 (Oxford). Vol. 34. Issue 3. Pp. 357—372.

Mostowlansky T. Making Kyrgyz spaces: local history as spatial practice in Murghab (Tajikistan) // *Central Asian Survey* (Oxford). 2012. Vol. 31. Issue 3. Pp. 251—264.

Mostowlansky N. 'The state starts from the family': peace and harmony in Tajikistan's eastern Pamirs // *Central Asian Survey* (Oxford). 2013. Vol. 32. Issue 4. Pp. 462—474.

Olimova S. The Multifaceted Chinese Presence in Tajikistan // *The China and Eurasia Forum Quarterly* (ISDP, Stockholm) 2009. Vol. 7. N 1. Pp. 61—78.

Peyrouse S. Tajikistan's New Trade. Cross-Border Commerce and the China-Afghanistan Link // *PONARS Eurasia Policy Memo*. N 169. September 2011. 6 p.

Roche S. From youth bulge to conflict: the case of Tajikistan // *Central Asian Survey* (Oxford). 2010. Vol. 29. Issue 4. Pp. 405—419.

Rowe W.C. Agrarian adaptations in Tajikistan: land reform, water and law // *Central Asian Survey* (Oxford). 2010. Vol. 29. Issue 2. Pp. 189—204.

Sabi M. Awareness and perceptions of Islamic microfinance among microfinance clients in Kyrgyzstan and Tajikistan // *Central Asian Survey*. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 1. Pp. 26—37.

Scarborough I. (Over)determining social disorder: Tajikistan and the economic collapse of perestroika // *Central Asian Survey*. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 3.

Sherbut G., Nazneen Kanji, Hatcher J. Linking past and future: cross-border development and quality of life in the Badakhshans // *Central Asian Survey* (Oxford). 2015. Vol. 34. Issue 2. Pp. 255—271.

Stephan M. Education, youth and Islam: the growing popularity of private religious lessons in Dushanbe, Tajikistan // *Central Asian Survey* (Oxford). 2010. Vol. 29. Issue 4. Pp. 469—483.

Stephan-Emmrich M., Mirzoev A. The manufacturing of Islamic lifestyles in Tajikistan through the prism of Dushanbe's bazaars // *Central Asian Survey*. 2016 (Oxford). Vol. 35. Issue 3. Pp. 157—177.

Tunçer-Kılavuz İ. Political and social networks in Tajikistan and Uzbekistan: 'clan', region and beyond // *Central Asian Survey* (Oxford). 2009. Vol. 28. Issue 3. Pp. 323—334.

Ubaidulloev Z. The Russian-Soviet legacies in reshaping the national territories in Central Asia: A catastrophic case of Tajikistan // *Journal of Eurasian Studies*. 2015. Vol. 6. Issue 1. Pp. 79—87.

Whitsel C.M. Family resources, sitting at home and democratic choice: investigating determinants of educational attainment in post-Soviet Tajikistan // *Central Asian Survey* (Oxford). 2009. Vol. 28. Issue 1. Pp. 29—41.

Whitsel C.M., Mehran W. School, work and community-level differences in Afghanistan and Tajikistan: divergence in secondary school enrolment of youth // *Central Asian Survey* (Oxford). 2010. Vol. 29. Issue 4. Pp. 501—519.

Туркменистан

Aneschi L. Integrating domestic politics and foreign policy making: the cases of Turkmenistan and Uzbekistan // *Central Asian Survey* (Oxford). 2010. Vol. 29. Issue 2. Pp. 143—158.

Horák S., Šir J. Dismantling Totalitarianism? Turkmenistan under Berdimuhamedow. Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. 97 p.

Horák S. Changes in the Political Elite in Post-Soviet Turkmenistan // *The China and Eurasia Forum Quarterly* (ISDP, Stockholm) 2010. Vol. 8. N 3 (Special Issue: Turkmenistan). Pp. 27—46.

Horák S. Educational Reforms in Turkmenistan: Good Framework, Bad Content? (Central Asia Policy Brief N 11, September 2013). Washington: The George Washington University, 2013. 7 p.

Peyrouse S. Turkmenistan. Un destin au carrefour des empires. Paris: Edition Belin, 2007. 184 p.

Peyrouse S. Berdymukhammedov's Turkmenistan: A Modest Shift in Domestic and Social Politics // *The China and Eurasia Forum Quarterly* (ISDP, Stockholm) 2010. Vol. 8. N 3 (Special Issue: Turkmenistan). Pp. 47—66.

Peyrouse S. Turkmenistan. Strategies of Power, Dilemmas of Development. Armonk, New York: Sharpe, 2012. 248 p.

Sabol S. Turkmenistan: Permanent Transition or Elusive Stability? // *The China and Eurasia Forum Quarterly* (ISDP, Stockholm) 2010. Vol. 8. N 3 (Special Issue: Turkmenistan). Pp. 5—26.

Šir J. Turkmenistan: A Promised Land for Doing Business? Macroeconomic Reforms under Berdymukhammedov // *The China and Eurasia Forum Quarterly* (ISDP, Stockholm) 2010. Vol. 8. N 3 (Special Issue: Turkmenistan). Pp. 67—92.

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан сердечно поздравляет члена редакционного совета журнала «Казахстан-Спектр» доктора экономических наук, профессора Геннадия Илларионовича Чуфрина с очередным профессиональным достижением — избранием в академики Российской академии наук и желает дальнейших успехов и новых научных достижений!

Сфера научных интересов

Специалист в области международных экономических и политических отношений. Особое внимание уделяет изучению проблем, влияющих на национальные интересы России на Востоке, и анализу ее связей с новыми суверенными странами на постсоветском пространстве.

Биографическая справка

2009 г. — н/время — советник РАН;
2002—2008 гг. — заместитель директора ИМЭМО РАН;
1998—2002 гг. — руководитель ряда научных проектов, Стокгольмский международный институт по изучению проблем мира (СИПРИ), Швеция;
1994 г. — член-корреспондент РАН;
1990 г. — профессор;
1982 г. — доктор экономических наук;
1979—1997 гг. — заведующий сектором, отделом, заместитель директора Института востоковедения АН СССР/РАН;
1973—1978 гг. — первый секретарь, советник в посольствах СССР в Индии и Пакистане;
1970—1973 гг. — старший научный сотрудник Научно-исследовательского конъюнктурного института (НИКИ) Министерства внешней торговли СССР;
1965—1969 гг. — начальник отдела торгпредства СССР в Индонезии;
1965 г. — кандидат экономических наук;
1961—1965 гг. — младший научный сотрудник, аспирант, Ленинградский государственный университет;
1958—1961 гг. — сотрудник советских экономических организаций (Индонезия, Индия);
1958 г. — окончил Ленинградский государственный университет.

Член Ученого совета ИМЭМО РАН и диссертационного совета по экономической науке при ИМЭМО РАН.

Председатель редколлегии журнала «Россия и новые государства Евразии» (ИМЭМО РАН).

Член редколлегий журналов «Казахстан-Спектр» и «Казахстан в глобальных процессах» (Алматы, Казахстан).

Член Научного совета при Совете Безопасности РФ.

Член Российского национального комитета Азиатско-тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ).

Член Научного совета РАН по проблемам евразийской экономической интеграции.

Награды

Почетный член Центра стратегических и международных исследований (Джакарта, Индонезия, 1996 г.).

Почетный член Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК (Алматы, Казахстан, 2007 г.).

Почетный профессор Цзилиньского университета (Чанчунь, Китай, 2007 г.).

Информация взята с сайта: http://old.imemo.ru/ru/struct/dir/dir_Chufirin_r.pdf.

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан

КИСИ создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КИСИ

1. Стратегические аспекты внешней политики:

- ♦ мониторинг внутривнутриполитического и социально-экономического развития сопредельных стран;
- ♦ анализ двусторонних отношений Казахстана с Россией, Китаем, США, Турцией, странами ЕС и СНГ;
- ♦ исследование проблем интеграции на постсоветском пространстве;
- ♦ изучение вопросов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

2. Общественно-политические и социальные процессы в современном Казахстане:

- ♦ мониторинг общественно-политической ситуации в Республике Казахстан;
- ♦ анализ этнодемографической ситуации и миграционных процессов в Казахстане;
- ♦ исследование процессов демократизации и становления политических институтов в стране.

3. Экономическая безопасность:

- ♦ исследование проблем экономической безопасности;
- ♦ изучение тенденций развития мировой экономики и анализа их влияния на экономику Казахстана;
- ♦ исследование проблем участия Казахстана в международном экономическом сотрудничестве;
- ♦ социально-экономический мониторинг Республики Казахстан.

ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИСИ

Институт проводит фундаментальные исследования по стратегическим проблемам внешней и внутренней политики, социально-экономического развития Казахстана, готовит материалы прогнозно-аналитического характера для руководства страны.

Институт выпускает три периодических издания: ежеквартальный научно-аналитический журнал «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), ежеквартальный научный журнал «Казахстан-Спектр» (на русском языке), ежеквартальный аналитический журнал «Central Asia's Affairs» (на английском языке), в которых освещаются проблемы внешней и внутренней политики, международных отношений, национальной безопасности, социальной и экономической политики Республики Казахстан, а также размещает материалы на собственном сайте.

Институт проводит семинары, конференции, круглые столы, международные форумы по основным направлениям своих исследований.

КИСИ сотрудничает с зарубежными научными и аналитическими структурами, осуществляет международные исследовательские проекты по различным проблемам развития Казахстана и Центральной Азии.